ФИЛОСОФИЯ ЗА МИНУТУ

Научно-популярное издание

Человек наблюдает за миром вокруг на протяжении многих тысяч лет, и обобщить когнитивный опыт такого объема непросто. Да и, пожалуй, не стоит пытаться. Вместе с тем перечень экзистенциальных проблем, которые пытаются разрешить многие поколения философов в самых разных контекстах, — достижимая цель. И такой перечень имеет прикладное значение, и он предлагается вниманию созерцательного читателя.

Содержание

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ 4

РАЗДЕЛЫ ФИЛОСОФИИ 6

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ 8

Часть первая. ЯЗЫК, ЗНАНИЕ, НАУКА 11
- Я знаю, что ничего не знаю 12
- Органон Аристотеля 14
- Парадокс лжеца 16
- Снег Тарского 18
- Я мыслю, следовательно, существую 20
- Tabula rasa 22
- Критика чистого разума 24
- Проблема индукции 26
- Принцип экономии мышления 28
- Гипотеза лингвистической относительности 30
- Треугольник Фреге 32
- Языковые игры 34
- Кошка на рогожке 36
- Проблема демаркации научного знания 38
- Научные революции Куна 40
- Мозги в бочке 42
- Трилемма Мюнхгаузена 44
- Герменевтический круг 46

Часть вторая. БЫТИЕ, СУЩЕСТВОВАНИЕ, СОЗНАНИЕ 49
- Сферическое бытие Парменида 50
- Ахиллес и черепаха 52
- Пещера Платона 54
- «Бритва Оккама» 56
- Логический атомизм Рассела 58
- Esse est percipi 60
- Доказательство внешнего мира 62
- Бытие-к-смерти 64
- Корабль Тесея 66
- Демон Лапласа 68
- Дуализм Декарта 70
- Мельница Лейбница 72
- Человек-машина 74
- Призрак в машине 76
- Суперспартанец и суперактер 78
- Китайская комната 80

Философские зомби 82
Мир в скобках 84

Часть третья. ЧЕЛОВЕК, ЭТИКА, РЕЛИГИЯ 87
Благородный муж 88
Золотая середина 90
Парадокс Эпикура 92
Гильотина Юма 94
Категорический императив 96
Переоценка ценностей Ницше 98
Непротивление злу 100
Абсурдный человек Камю 102
Самообман Сартра 104
Банальность зла 106
Зло и агрессия 108
Проблема вагонетки 110
Онтологический аргумент 112
Пять доказательств бытия Бога 114
Пари Паскаля 116
Теодицея Лейбница 118
Рыцарь веры Кьеркегора 120

Часть четвертая. ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА 123
Государь Макиавелли 124
Утопия Томаса Мора 126
Левиафан Гоббса 128
Естественный человек Руссо 130
Индивидуальная свобода по Миллю 132
Одномерный человек Маркузе 134
Собственность — это кража 136
Диалектика господина и раба Гегеля 138
Отчуждение Маркса 140
Конец истории Фукуямы 142
Третья волна Тоффлера 144
Открытое общество 146
Закат Европы 148
Восстание масс 150
Homo Ludens Хейзинги 152
Структуры Леви-Стросса 154
Знание-власть Фуко 156

ПОСТФИЛОСОФИЯ, АНТИФИЛОСОФИЯ, НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ . . 158

4

Что такое философия

В переводе с древнегреческого слово «философия» означает «любовь к мудрости». Это определение подчеркивает, что философы не считают себя мудрецами: они стремятся к мудрости, ищут истину, пытаются постигнуть мир и человека, но никогда не забывают о своей ограниченности перед лицом предельных вопросов.

Согласно стереотипам, философия — это сложно, непонятно, заумно, и чтобы разобраться в этой науке нужно очень много времени. Между тем любимое занятие философов — развеивать стереотипы. Поэтому в этой книге мы постараемся развеять стереотип о философии как о скучной науке. Потому что в действительности философия — интересно, просто и доступно для каждого, даже самого занятого человека. Мы готовы поручиться, что на разъяснение отдельного философского сюжета нужно не больше минуты!

Первую минуту мы предлагаем потратить на выяснение того, что, собственно, представляет собой философия. Как ответил бы профессиональный философ, это трудный вопрос. Дело в том, что в разные века философы определяли эту науку очень по-разному, то есть не существует одного-единственного правильного определения философии. Если воспользоваться метафорой Людвига Витгенштейна, философия — это концепт, объединенный по принципу семейного сходства. Представьте себе семейную фотографию, где запечатлены несколько поколений одной большой семьи. У кого-то носы одной формы, у кого-то оттопыренные уши или глаза одного оттенка. Все члены семьи похожи, но нет признака, который объединял бы их всех. Так и с философией. Поэтому мы попробуем создать ее семейный портрет.

Принято говорить, что философия занимается предельными вопросами. Предание гласит, что она началась со знаменитого: «Почему есть нечто, а не ничто?» Довольно скоро к нему присоединились и другие вопросы: что есть истина? что есть добро? что есть красота? где пролегает граница между знанием и незнанием? что есть сознание и как оно соотносится с миром? есть ли смысл у человеческой

истории и человеческой жизни? возможно ли справедливое общественное устройство? Все это фундаментальные вопросы, над которыми люди редко задумываются в обычной жизни, но от ответа на которые их жизнь зависит. Задумываются над ними редко потому, что ответы на первый взгляд кажутся очевидными, хорошо знакомыми. Философ же, сталкиваясь с ними, предупреждает: «Постойте, здесь не все так просто, эта очевидность мнимая, здесь есть о чем поразмыслить». Тем самым философ проблематизирует якобы очевидные вещи, он видит реальность не само собой разумеющейся, а наполненной проблемами и головоломками, которые нужно решить.

Философы пытают разрешить их исключительно теоретическими средствами — с помощью рефлексии. Рефлексия — это размышление, медитация, пристальное всматривание в сущность феноменов, попытка выявить их глубокий смысл, высветить их во всей целостности, дойти до предельных оснований. Результатом рефлексии становится творение философского концепта. Философский концепт — это не просто слово или понятие, это ключ к миру, разобранному на кирпичики. Он позволяет сложить из осколков пазл, наделенный единым смыслом. Бытие, идеи, абсолют, *tabula rasa* — все это примеры философских концептов.

Можно сказать, философ подрывает очевидность мира, разбирает его на части, а затем собирает заново с помощью творимых им концептов, создавая новую очевидность, которая затем снова будет кем-то поставлена под сомнение. Таким образом, философия никогда не может исчерпать себя, она бесконечно ходит по кругу от одной очевидности мира к другой. Но только в этом движении и можно что-то понять о мире и нас самих.

Некоторые философы видели в философии особый вид терапии души. Они полагали, что цель философского рассуждения прежде всего состоит в том, чтобы излечивать людей от их страхов, сомнений и заблуждений, которые делают их жизнь невыносимой, и указывать путь к безмятежности и счастью.

6

Разделы философии

Описанное разделение философии на обособленные ветви окончательно закрепилось только в XIX веке. До этого философы объединяли проблематику онтологии и гносеологии под названиями метафизики, первой философии, теоретической философии, а все вопросы этики, эстетики, социальной и политической философии относили к философии практической.

За долгую историю своего существования философия успела обратиться к самым разным предметам: начиная от мира в целом и заканчивая жареным картофелем. Это неудивительно, ведь философия следует за человеческой жизнью — такой многогранной и постоянно изменяющейся. Чтобы не потонуть во всем этом многообразии, философы объединили сходные типы вопросов и проблем в обособленные разделы. Обычно выделяют пять основных разделов философии: онтологию, эпистемологию, этику, социальную философию и эстетику.

Онтология (иногда ее еще называют метафизикой) организована вокруг вопросов о бытии: что действительно существует, что обладает подлинной реальностью, существует ли вообще подлинная реальность, что есть бытие, какие бывают типы бытия, в чем смысл бытия сущего, какие субстанции лежат в основе универсума. Кроме того, к онтологии также относятся исследования фундаментальных для понимания мира концептов времени, пространства, причинности, свободы, идентичности, сознания.

Эпистемология (гносеология, теория познания) исследует возможность человеческого знания. Она старается ответить на вопросы, что можно знать, чем знание отличается от мнения, существуют ли несомненные основания знания, где пролегает граница между научным и ненаучным знанием, каковы достоверные методы познания, что есть истина и достижима ли она.

Этика занимается исследованием моральных оснований человеческих действий. В центре ее рассмотрения находятся добро и зло, долг, добродетели, идеалы, ценности, счастье, законы нравственности, справедливость, вина. Особое внимание в этике уделяется вопросу, возможен ли такой принцип, прави-

ло, идеал, руководствуясь которым, человек всегда сможет поступать наилучшим образом с нравственной точки зрения.

Социальная философия изучает общество, политику, историю, культуру. В отличие от социологии и политологии, она не столько описывает те или иные аспекты общественного и политического устройства, сколько концентрируется на фундаментальных вопросах: что лежит в основе общества, есть ли смысл у человеческой истории, существует ли прогресс, где пролегает граница между общественным и индивидуальным, каковым могло бы быть идеальное общество.

Эстетика стремится ответить на вопросы, что есть прекрасное, является ли оно универсальной категорией, что лежит в основании искусства, почему оно производит на человека такой сильный эффект, как возможно творчество, что есть воображение.

Эти большие разделы, в свою очередь, дробятся на множество отдельных направлений: философия сознания, философия науки, философия истории, философия музыки, философская антропология, философия религии, философия языка и т. д.

Следует учитывать, что, хотя каждый раздел философии занимается своей компактной и на первый взгляд ограниченной проблематикой, они находятся в довольно тесной связи. Попытка ответить на вопрос о том, что есть подлинная реальность, неминуемо потянет за собой как минимум вопросы о том, откуда я знаю, что именно эта реальность подлинная, как это знание изменяет мои действия в повседневной жизни, что это означает для моего сосуществования с другими людьми. По этой причине часто философы, углубившиеся в одну сферу, неминуемо обращались и к другим.

Метафизика дословно означает «то, что следует за физикой» — название, которое Андроник Родосский (I в. до н. э.) дал трактатам Аристотеля, следовавшим в порядке изучения за «Физикой» и объединявшим вопросы о бытии как таковом, первых причинах и неизменном. В современной философии метафизика понимается двояко. С одной стороны, ее часто просто отождествляют с онтологией. С другой стороны, некоторые философы видят в метафизике не просто раздел философии, но определенный способ мышления, который они пытаются преодолеть и строить неметафизическую философию.

8

История философии

Особняком в истории философии стоит философия Востока — Древнего Китая и Древней Индии. Сюда относят философские системы конфуцианства, даосизма, буддизма, джайнизма, йоги. Особое положение этих систем обусловлено тем, что, с одной стороны, они, безусловно, ставят и пытаются решить философские вопросы, а с другой стороны, в отличие от западной теоретической традиции, они неразрывно связаны с религиозными культами и практиками.

Философия как отдельная сфера интеллектуальной деятельности зародилась в Древней Греции в VI веке до н. э. Естественно, и до возникновения философии люди пытались понять, как устроен мир, и переводили свои представления в мифы, религию, эпосы. Однако только когда человек поставил предание под сомнение и решил, что сущность мира может быть постигнута исключительно в акте мышления с помощью абстрактных понятий и концептов, и началась философия.

Соответственно, первым периодом в истории философии стала Античность. Она охватывает философию Древней Греции и Древнего Рима, начиная с VI века до н. э. и заканчивая V веком н. э. Античные философы пытались ответить на вопросы о том, что лежит в основе сущего, как далеко простираются границы человеческого знания, в чем состоит сущность человека и смысл его жизни, что есть добро и красота, каково идеальное общественное устройство. Именно в Античности вводятся основные философские концепты, появляется первая система строгих логических рассуждений, оформляются основные этические направления.

За Античностью следует средневековая философия, простирающаяся со II по XIV век. Ее отличительной особенностью является неразрывная связь с христианством. Это философия святых отцов, монастырей и кафедр теологии. Поэтому ее центральными проблемами становятся соотношение веры и разума, возможность рациональных доказательств существования Бога, разработка христианской этики, попытки переосмыслить античное наследие с точки зрения догматики.

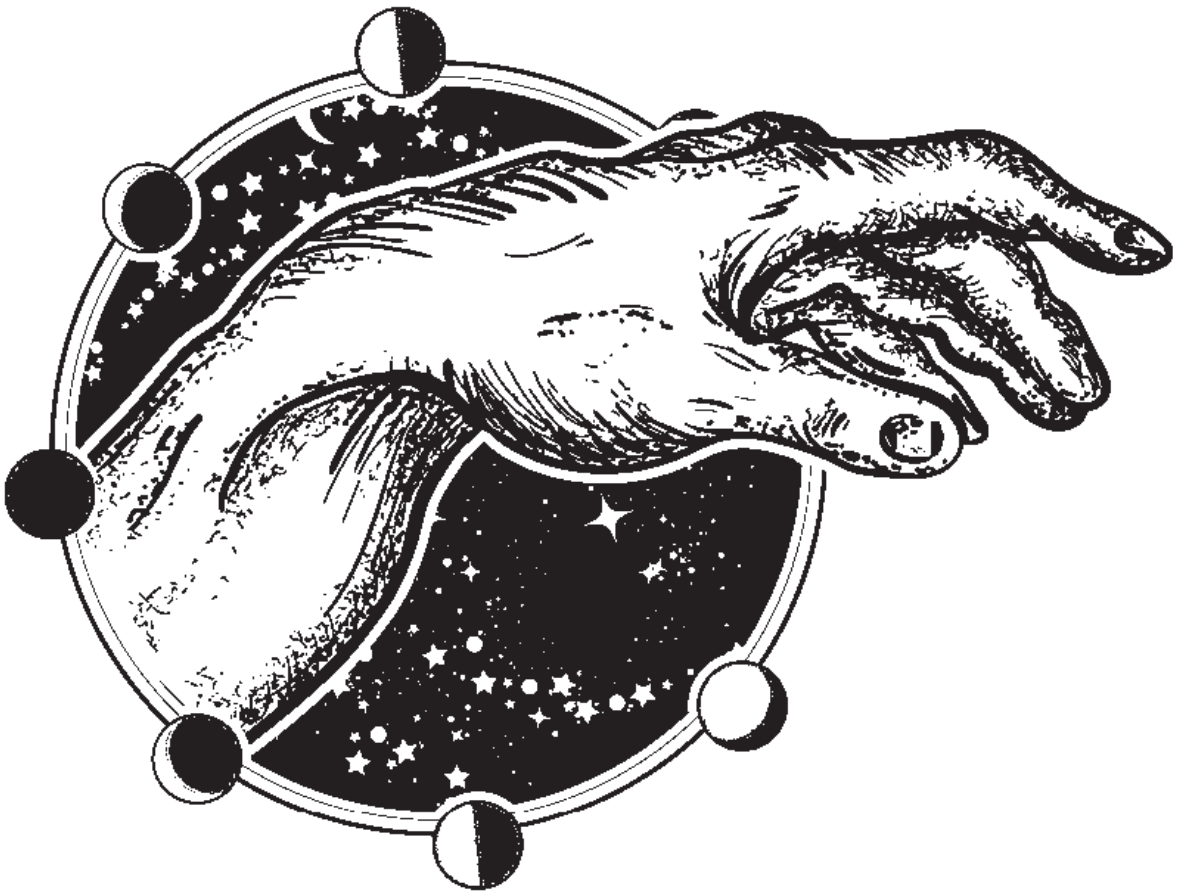
На смену ей приходит философия эпохи Возрождения, охватывающая XIV–XVI века. Основная ее идея — гуманизм. В центр философии ставится человек — микрокосм, равный по своей сложности и значимости всему универсуму. На первый план выходят вопросы

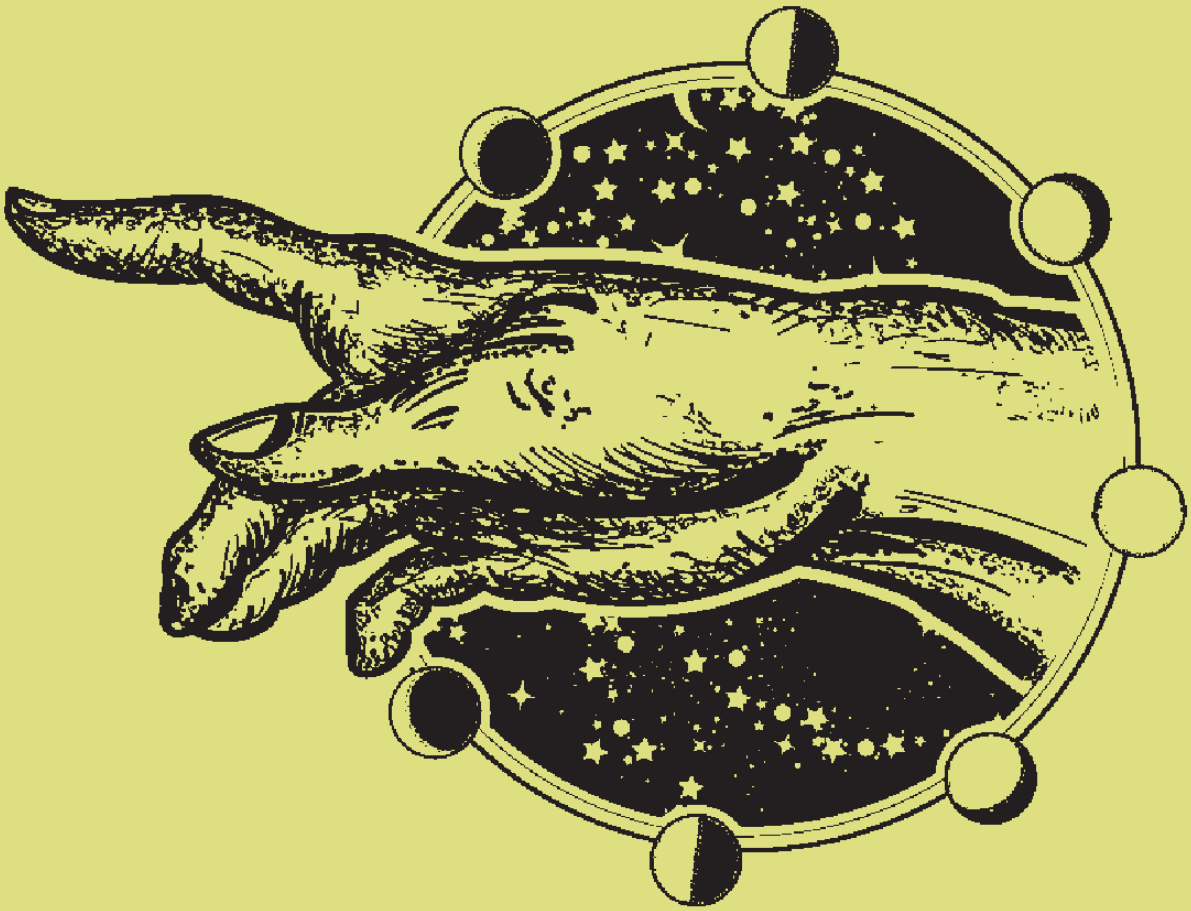
о природе человека, его месте в этом мире, его взаимоотношениях с другими людьми. Это дает толчок развитию этики, эстетики, философии природы, социальной философии и педагогики.

XVII–XVIII века — это период философии Нового времени, или философии Просвещения. Религиозная Реформация и появление экспериментального естествознания разрушили картину мира, которая не ставилась под сомнение в течение многих веков. Вслед за этим философы были вынуждены в первую очередь решать вопрос о том, что вообще можно считать несомненным знанием. В философии воцаряется эпистемология. Философы ищут источники и достоверные основания знания, описывают правила научного метода, подвергают критике все, что возможно: религию, науку, этику, общественное устройство, саму философию. Утверждается абсолютное верховенство человеческого разума — этого строгого, беспристрастного, справедливого судьи, способного, во-первых, проникнуть в самую суть вещей, а во-вторых, безошибочно указать человеку, как поступать, чтобы добиться наилучшей жизни для себя и других.

С XIX века начинается эпоха новейшей философии. Ее ведущим мотивом становится критическое переосмысление идеалов Просвещения и отказ от них на самых разных основаниях. Блистательная картина чистого разума разбилась об ужасающие катаклизмы XX века. В философии появляются темы историчности, смертности человека, иррациональности, диалогизма, относительности, повседневности. Поскольку отход от идей Просвещения идет по разным направлениям, начинается настоящее цветение философских течений: позитивизм, философия жизни, феноменология, экзистенциализм, прагматизм, аналитическая философия, герменевтика, структурализм, постмодернизм.

Философию также принято делить на классическую и неклассическую. Классической называют прежде всего философию Просвещения, но иногда этот термин охватывает всю философию от ее зарождения вплоть до середины XIX века. Начало неклассической философии восходит к работам Ницше, Маркса, Кьеркегора, Фрейда, Шопенгауэра, которые впервые поставили под сомнение традиционные для философии предпосылки и способы мышления.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЯЗЫК, ЗНАНИЕ, НАУКА

12

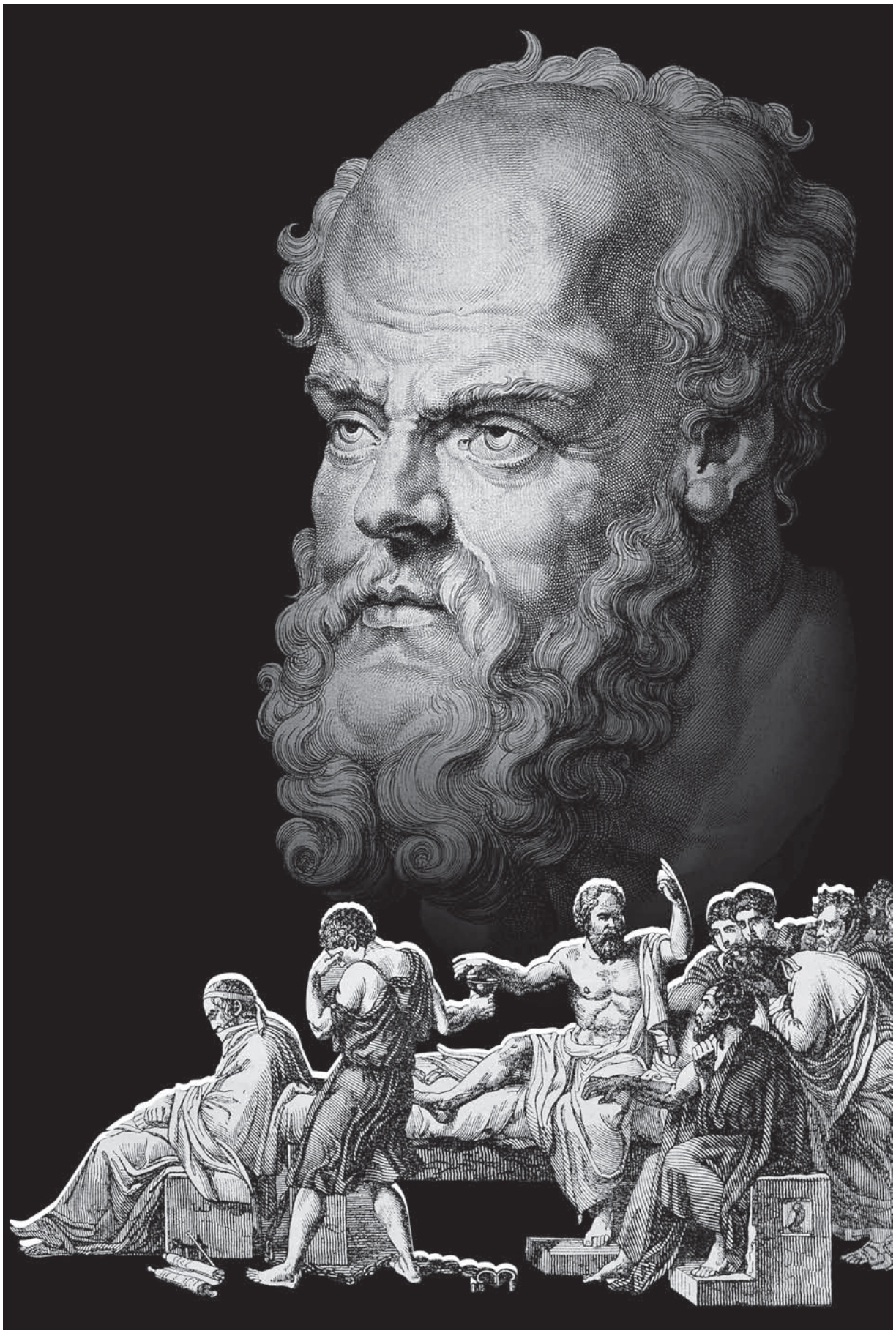
Я знаю, что ничего не знаю

Афиняне не любили Сократа. Он казался им вздорным стариком, вечно пристающим со своими расспросами и ставящий всех в неловкое положение. В то же время его рассуждения пользовались успехом у молодежи, у него было много учеников. Это раздражало афинян еще больше, потому что их собственные дети переставали проявлять уважение к авторитетам, ставили неудобные вопросы. В итоге Сократ был обвинен в неуважении к богам и совращении юношества и приговорен к смерти через отравление ядом цикуты. А вы думали, что философ — это безопасная кабинетная профессия?

Однажды Дельфийский оракул назвал Сократа мудрейшим человеком на земле. Сократ удивился, ведь сам он всегда утверждал, что единственное, что знает с достоверностью — это то, что он ничего не знает. Поэтому он решил пойти к людям, которые считались мудрецами, научиться чему-нибудь у них и тем самым опровергнуть оракула. Он начал подходить к философам, ораторам и видным афинским деятелям и спрашивать у них, что есть добро, благо, красота, любовь. Его собеседники не видели никакого подвоха и начинали объяснять эти очевидные вещи. Однако в ходе диалога Сократ всегда перехватывал инициативу, задавал каверзные вопросы, указывал на противоречия в рассуждениях. В итоге собеседник понимал, что Сократ обладает обширными знаниями в разных областях, а вот кто действительно ничего не знает, так это он сам. Такие диалоги всегда заканчивались ничем: собеседники Сократа сбегали он него, так и не найдя ответа на поставленные вопросы. Единственный вывод, к которому они приходили, состоял в том, что все их представления, которые они считали великой мудростью, являлись лишь набором стереотипов и нелепиц.

Что же имел в виду Сократ, когда говорил, что ничего не знает? Он просто хотел пошутить над своим собеседником? Хотя сократовская речь пропитана иронией, шутка не была его целью. Конечно, в эмпирическом смысле он был очень образован. Он знал современные ему логику, математику, поэзию, философию, историю, географию и естествознание. Все же в философском смысле он не мог назвать себя обладающим знанием — настоящим знанием о природе вещей, о сущности бытия, о божественном и вечном. Перед лицом этих больших вопросов любое людское знание ничего не стоит. Таким образом, Сократ впервые указал на ограниченность возможностей человеческого знания. Сам он сравнивал себя с оводом, которого Боги наслали на афинян в напоминание о человеческой ограниченности и конечности.

Поскольку Сократ занимал такую негативистскую позицию по отношению к знанию, то он не написал ни одной книги. О чем писать тому, кто ничего не знает? Поэтому все его взгляды дошли до нас из работ его учеников, самым знаменитым из которых стал Платон. Сократ — неизменное действующее лицо его «Диалогов».

14

Органон Аристотеля

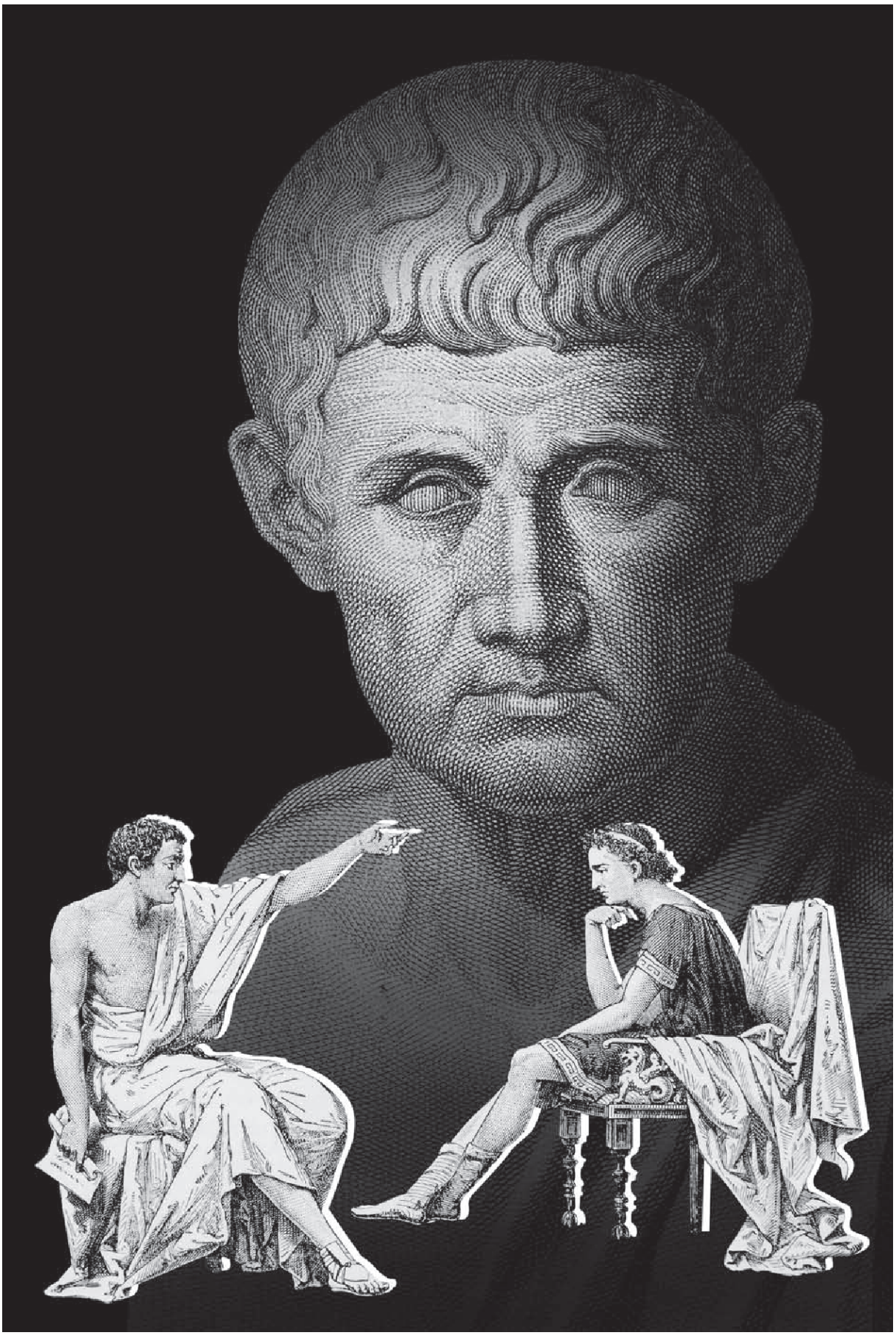
Чтобы правильные модусы силлогизмов было проще запомнить, средневековые философы придумали им имена в зависимости от типов высказываний, входящих в силлогизм. Некоторые из них получились довольно поэтичными: Barbara, Celarent, Cesare, Baroko, Bramantip.

Силлогистика оставалась главной логической системой вплоть до XIX века, когда Готлоб Фреге разработал логику предикатов, которая стала более тонким и точным инструментом анализа рассуждений.

Древние греки очень любили судиться и были готовы на все, чтобы выиграть суд. Поэтому среди них большой популярностью стали пользоваться учителя мудрости — софисты. За деньги они предлагали научить любого рассуждать так, что его никто не смог бы переспорить. Целью такого рассуждения не был поиск истины, наоборот, они разработали множество приемов, которые затемняли рассуждение и позволяли обманным путем прийти к желаемому выводу. Естественно, философам это не нравилось. Ведь если можно доказать что угодно, то доказательство, истина, наука теряют всякую ценность. Поэтому Аристотель (IV в. до н.э.) разработал так называемый органон — учение о правильных способах рассуждения, которое должно было предшествовать философии. Ядро органона составляла первая в истории логическая система — силлогистика.

Силлогизм — это способ рассуждения, в котором от нескольких высказываний о наличии или отсутствии каких-то свойств у объектов делается переход к выводу о наличии или отсутствии у них других свойств. Например: Все люди смертны. // Сократ — человек. // Следовательно, Сократ смертен.

Это простой категорический силлогизм, он состоит из двух посылок и заключения. В данном примере силлогизм имеет форму «Все A есть B. X есть A. Следовательно, x есть B». Если внимательно присмотреться к этой форме, то можно вслед за Аристотелем заметить, что, что бы мы ни подставили на место A, B и x, если посылки истинны, то заключение тоже всегда будет истинным. Истинность этого умозаключения гарантируется самой его формой. Аристотель назвал такие умозаключения правильными модусами силлогизмов. Всего существует 24 правильных модуса. Не так уж много для всего разнообразия умозаключений. Также Аристотель и его последователи разработали методы проверки силлогизмов, которые позволяют отличать правильные модусы от неправильных и выявлять некорректные рассуждения.

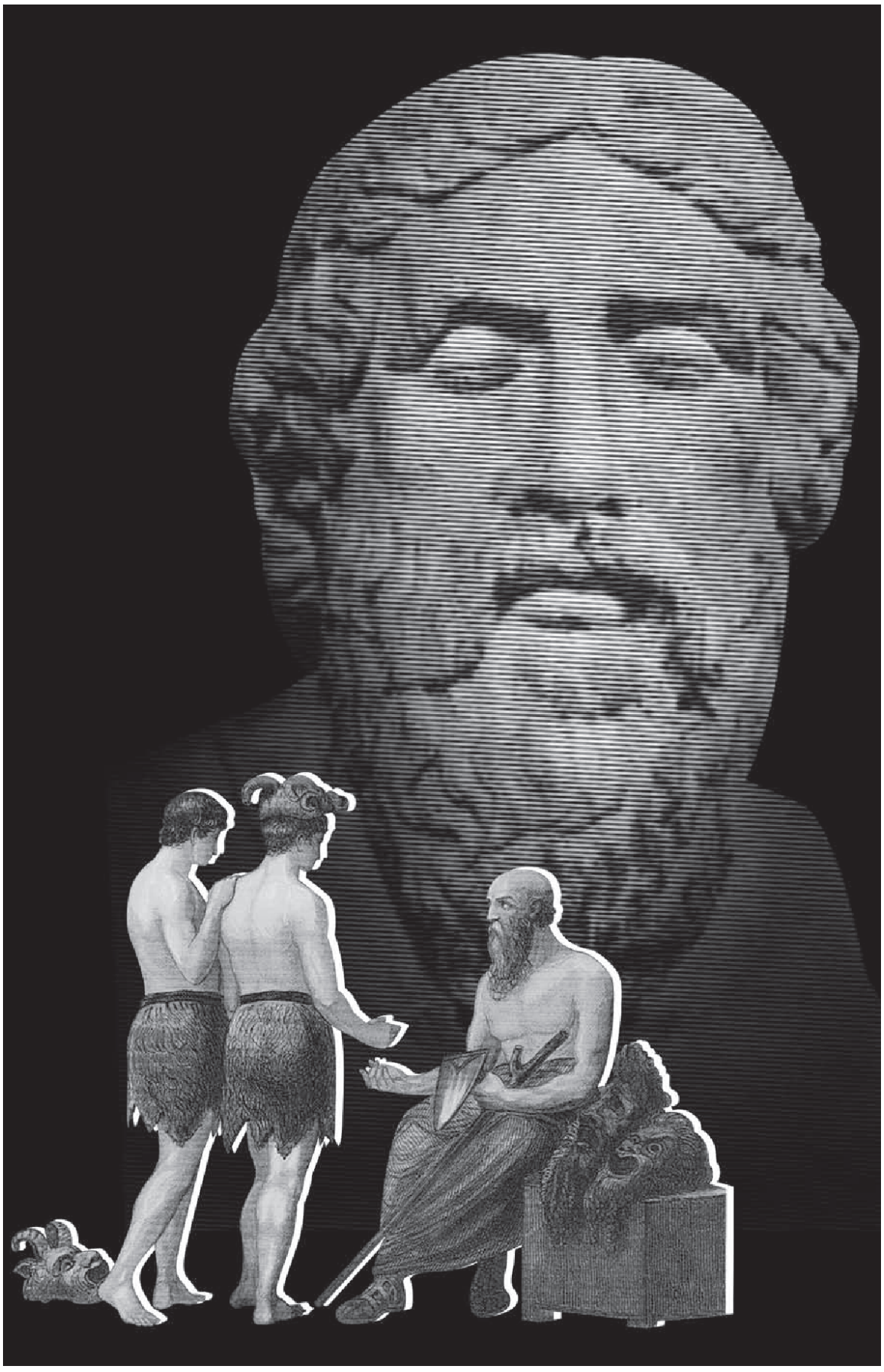
16

Парадокс лжеца

Подобный парадокс был известен в Древнем Египте как парадокс о крокодиле и ребенке. Крокодил крадет ребенка у матери, которая занималась стиркой у берегов Нила. Он обещает ей вернуть ребенка, если она честно ответит на один вопрос: «Собирается ли он вернуть ей ребенка?» Расстроенная мать в надежде на крокодилову честность отвечает «Нет». Ответ крокодила: «Тогда ты не получишь ребенка. Ведь если ты сказала правду, то я не могу вернуть тебе ребенка, иначе твое высказывание станет ложным. Если же ты ошиблась, то я не должен возвращать тебе ребенка».

Прагматизм — философское течение, возникшее во второй половине XIX века в США. Его основными представителями были Чарльз Пирс, Уильям Джеймс и Джон Дьюи. Главный принцип прагматического метода в том, что мерилом знаний выступает не действительность, а практика.

Представьте, что вы приезжаете на Крит и спрашиваете у местного жителя: «Говорят ли критяне правду?» Он отвечает: «Все критяне — лжецы». Как оценить это высказывание? Если высказывание истинное, то оно ложное, ибо наш собеседник-критянин сказал правду. Но если оно ложное, то тогда оно истинное, ибо наш собеседник солгал. Перед нами знаменитый парадокс лжеца. Он был придуман древнегреческим философом Эпименидом еще в VI веке до н.э. Парадокс лжеца — не просто занятная головоломка, он показывает проблематичность одного из фундаментальных концептов философии, науки, политики и повседневной жизни, а именно концепта истины. Традиционно истинность определяется как соответствие действительности. Если это так, то любое высказывание либо соответствует действительности, то есть истинно, либо нет, то есть ложно, — третьего не дано. Однако парадокс лжеца и подобные ему высказывания невозможно однозначно оценить с точки зрения их истинности или ложности, любая попытка сделать это приводит к противоречию. Чтобы избежать подобных противоречий, философы попытались задать критерии истинности как можно более четко. Впрочем, как это часто бывает в философии, мнения о том, каковы должны быть эти критерии, разошлись. Одни, как Альфред Тарский, создали для традиционного концепта истины строгую логическую основу, которая, с одной стороны, позволяла избегать парадоксов, а с другой стороны, была практически неприменимой за пределами логики. Другие полностью отказались от классических взглядов в пользу представления о том, что истинность — это свойство самосогласованности системы высказываний, как сторонники когерентной теории истины, или приравняли истинность к полезности и эффективности знаний, как прагматисты.

18

Снег Тарского

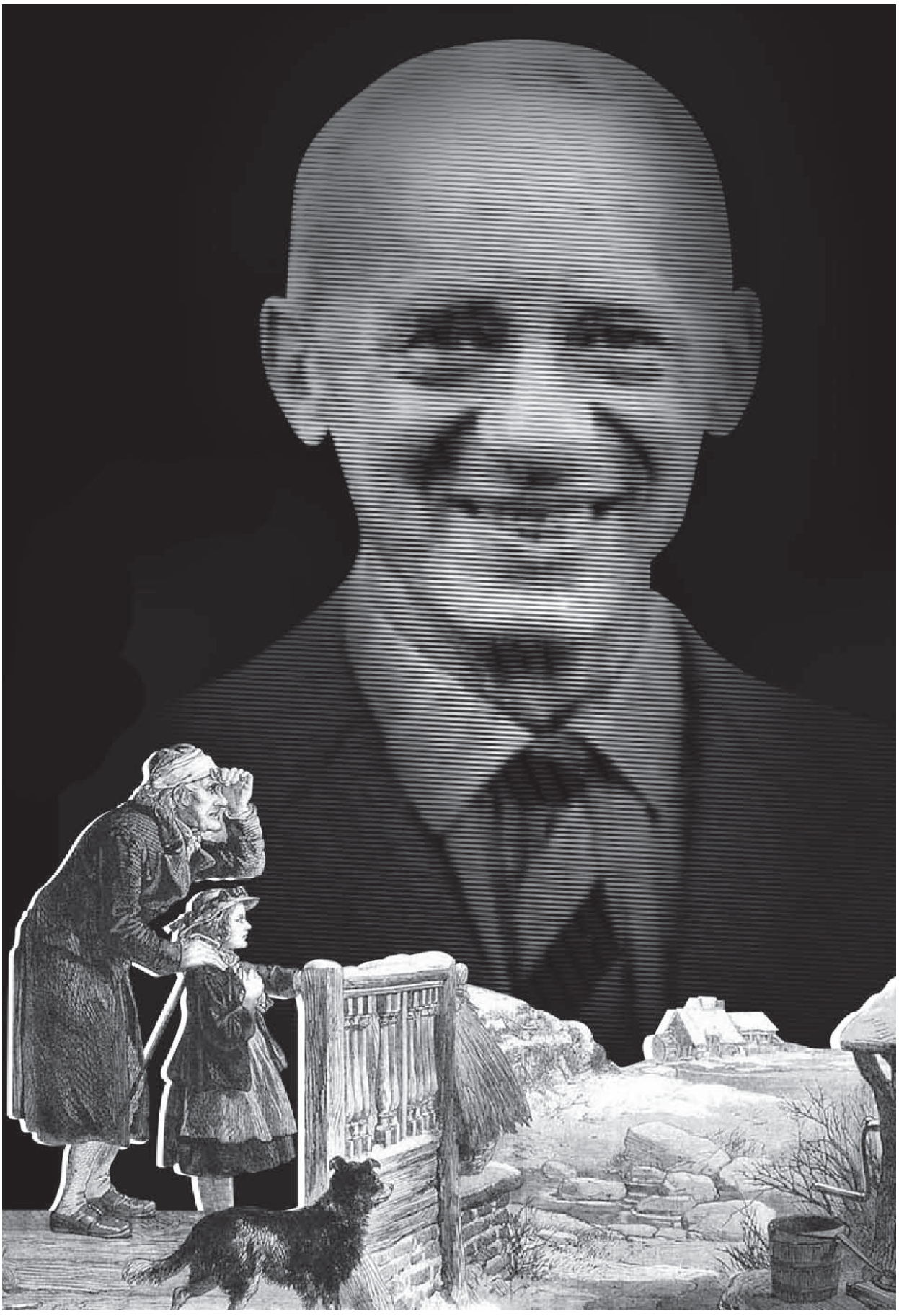
Семантика и синтактика — разделы семиотики, науки о знаках. Семантика описывает отношение знаков к их значению. Синтактика — отношения знаков между собой.

Хотя для логики и математики определение Тарского имело огромное значение, его довольно сложно применять к неформализованным естественным языкам. Более того, некоторые критики Тарского считали, что разделение на язык-объект и метаязык не решает проблемы истины в целом, так как, если мы хотим дать истинностную оценку высказыванию метаязыка, то необходимо сконструировать мета-метаязык, и так до бесконечности. Таким образом, проблема не решается, но лишь переносится на другой уровень.

Классическая, или, как ее еще называют, корреспондентская, теория истины — это теория соответствия между высказываниями и фактами реальности: высказывание истинно, если положение дел, которое оно утверждает, соответствует действительности. Этот подход работает во многих случаях, однако существуют высказывания, которые в него не укладываются, как, например, парадокс лжеца.

Польско-американский логик и математик Альфред Тарский (1901–1983) попытался уточнить классическую теорию истины таким образом, чтобы можно было избежать возникновения парадоксов. Особенность этих высказываний заключается в том, что они совершают акт самореференции, то есть описывают сами себя. Примером самореферерции может быть предложение «Это предложение состоит из шести слов». Сама по себе самореференция не является чем-то плохим, но, когда она затрагивает истинностную оценку высказывания, начинаются проблемы. На этом основании он предлагает поставить запрет на семантическую самореференцию, то есть самореференцию относительно истинности, и уточнить категорию истинности, исходя из этого запрета. Его определение истины сводится к одному: высказывание «Снег бел» истинно, если и только если снег действительно бел.

На первый взгляд такое определение истины может показаться тривиальным, если не заметить одной важной детали. Тарский различает здесь язык-объект и метаязык. Фраза в кавычках — это предложение языка-объекта, того языка, высказывание которого мы хотим охарактеризовать как истинное либо ложное. Но определение в целом сделано на метаязыке — языке второго уровня. Метаязык включает в себя копию естественного языка, формальные логические аксиомы и еще некоторые вспомогательные инструменты, позволяющие задавать категорию истины синтаксически, а не семантически. Согласно Тарскому, истинностные оценки могут даваться только в метаязыке, что и позволяет избегать парадоксов самореференции.

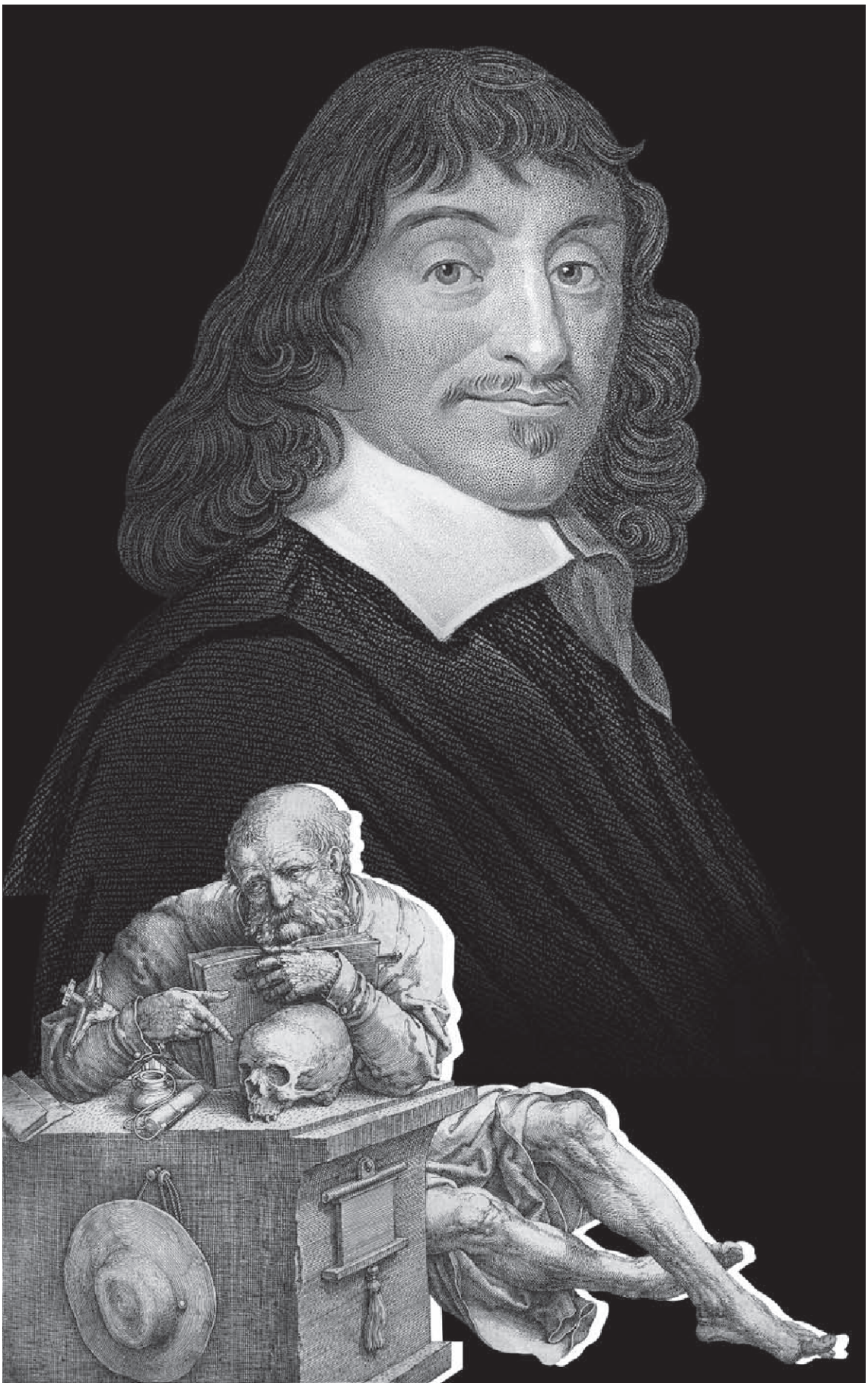
Я мыслю, следовательно, существую

Положение «я мыслю, следовательно, существую» ни в коем случае нельзя рассматривать как силлогизм. Существование не выводится логически из акта мышления. Скорее, акт мышления является залогом существования. Я существую, только пока мыслю.

Пытаясь найти основания нравственности, русский религиозный философ Владимир Соловьев (1849–1900) предложил собственную трактовку несомненной истины Декарта: «Я стыжусь, следовательно, существую».

Маленькие дети часто любят задавать родителям каверзные вопросы: «А откуда ты знаешь, что Земля круглая? — Так нас учили на уроках астрономии. — А откуда ты знаешь, что вам говорили правду? — Ученые доказали это разными способами. — А откуда ты знаешь, что они не ошиблись? Ведь ученые тоже ошибаются». И в том же духе. Хотя игра назойлива, она не лишена смысла. Философ бы сказал, что ваш ребенок занимается поиском основания знания. Одна из самых знаменитых попыток найти это основание принадлежала французскому философу Рене Декарту (1596–1650).

Декарт обратил внимание, что часто утверждения, принимаемые нами за знание, оказываются недостоверными. Он пожелал найти что-то, что было бы абсолютно несомненно достоверным. Это оказалось нелегкой задачей. Для начала он рассмотрел факты о внешнем мире, которые мы черпаем из собственного опыта, и пришел к выводу, что они недостоверны. Память нас подводит, восприятие обманывает, по большому счету мы даже не можем доказать, что все происходящее вокруг — это не сон. Затем он перешел к рассмотрению математических истин. Математика всегда была образцом для всех наук, это хороший кандидат на достоверное знание. Однако и здесь Декарт нашел нечто, в чем он мог бы усомниться. Что если мир создан не всеблагим Господом, но Богом-обманщиком, злокозненным гением, который пожелал, чтобы Декарт всегда ошибался, совершая даже простейшие математические операции? Предположение крайне эксцентричное, но доказать его ложность невозможно. И вот Декарт уже стоял на грани отчаяния, но тут ему пришла в голову следующая мысль: подождите, но ведь кто-то же сейчас во всем сомневается, кто-то же обманут злокозненным гением, и этот кто-то — это я, следовательно, я существую. Я мыслю, следовательно, я существую. Ego cogito, ergo sum. Это и есть несомненная истина. Основание знания найдено!

22

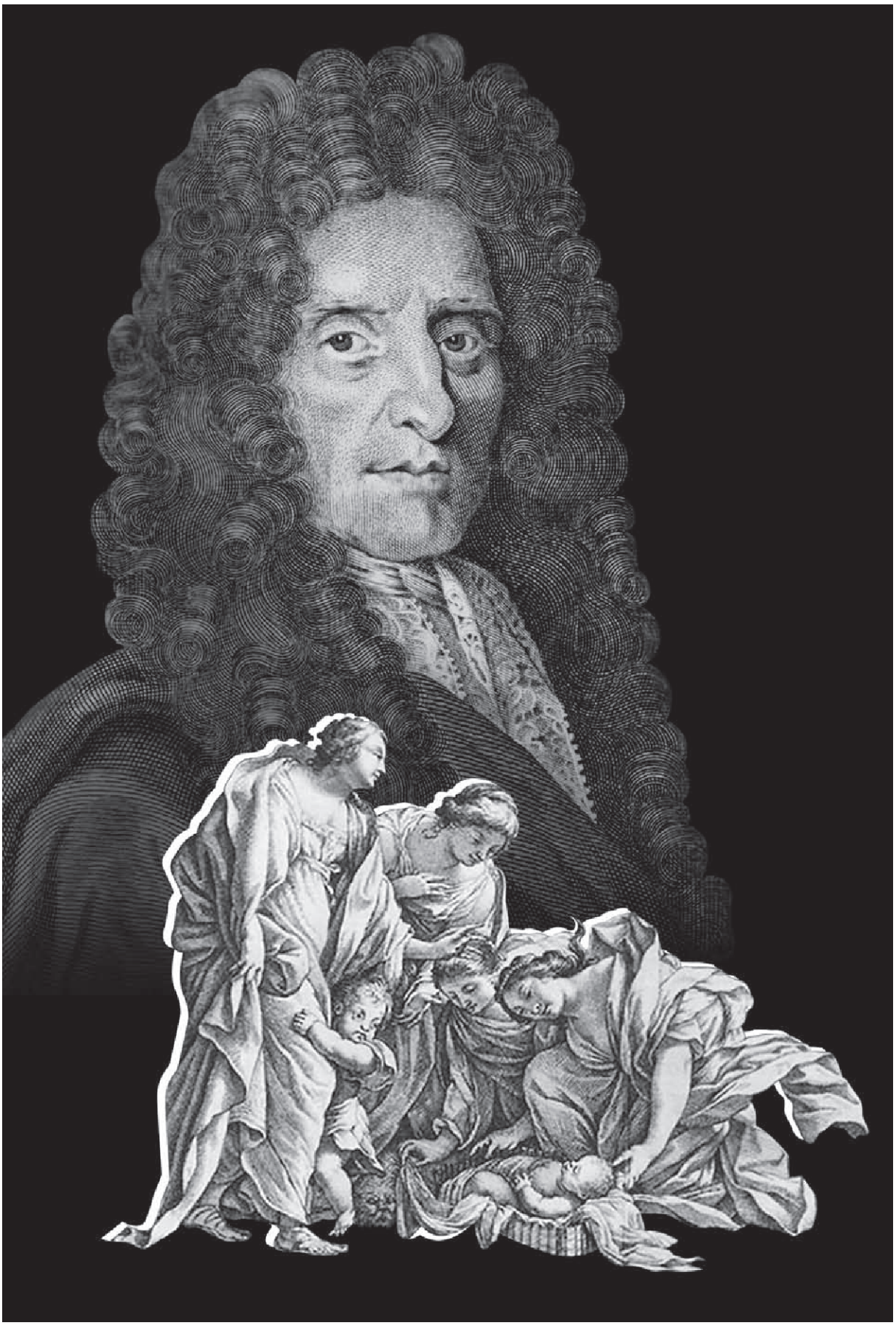
Tabula rasa

Спор о врожденных идеях был всего лишь частью масштабного противостояния эпистемологических доктрин рационализма и эмпиризма. Рационалистов представляли Декарт, Лейбниц, Паскаль, а эмпириков — Бэкон, Локк, Юм. Рационалисты утверждали, что главенствующая роль в познании принадлежит разуму и рациональным методам познания — интуиции и дедукции. Эмпирики делали ставку на чувственный опыт и индукцию.

Один из основных вопросов эпистемологии — это вопрос об источниках человеческого знания. Откуда берутся знания? Самый очевидный ответ — из опыта. Однако существуют вещи, которые не даны человеку в опыте напрямую, но тем не менее у нас есть знания о них, к примеру числа, идеальные математические объекты, абстрактные понятия, нравственные принципы и т.д. В философии Нового времени вокруг таких объектов развернулась целая баталия. Начало ей положил Декарт, заявив, что подобные идеи должны быть врожденными: Бог вложил эти идеи в человеческий разум, они там находятся с самого рождения, а потом просто актуализируются в процессе рассуждения.

Против такого подхода выступил английский философ Джон Локк (1632–1704). Его критика сводилась к следующим пунктам: 1) ни одна из якобы врожденных идей не является всеобщей и необходимой, а даже если бы и была таковой, это еще не гарантия врожденности; 2) ни одна из них не проявляется сразу после рождения, как этого следовало бы ожидать; 3) если для их актуализации все равно требуется рассуждение, то они ничем не отличаются от приобретенных идей. Таким образом, никаких врожденных идей нет. Человеческий разум — это tabula rasa, пустая доска, на которой нет ни одной записи. Все идеи приходят из опыта. В уме нет ничего, чего не было бы прежде в чувствах. Сначала младенец различает лишь смутные ощущения: холодно, мокро, голодно, тепло и т.п. Потом эти ощущения складываются в более сложные впечатления — мама, папа, еда, которые, все усложняясь, образуют идеи о внешнем мире, как пространство, тяжесть, движение. Идеи о внутреннем мире рождаются из рефлексии над деятельностью души.

Локк называл человеческий разум не только *tabula rasa*, но и *empty cabinet*, что означает «пустой кухонный шкафчик». Тяжело заниматься философией на голодный желудок!

24

Критика чистого разума

Поскольку, по Канту, явления доступны восприятию и осмыслению только благодаря тому, что они уже прошли через фильтр априорных форм чувственности и категорий рассудка, человек никогда не может получить доступ к реальности самой по себе. Отсюда рождается концепт вещи-в-себе. Это нечто, стоящее за явлениями и совершенно недоступное для познания.

Философия Канта вводит два очень созвучных, но совершенно разных концепта: трансцендентальное и трансцендентное. Трансцендентное означает выходящее за границы опыта. Трансцендентны идеи чистого разума. Трансцендентальное же — это познание, изучающее условия возможности априорного синтетического знания. Поэтому Кант называл всю свою концепцию трансцендентальной философией. Теперь вы можете говорить с любым философом на равных.

Когда философы Нового времени схлестнулись в схватке вокруг вопроса о том, что играет в познании главную роль — врожденные идеи или опыт, неожиданное разрешение этой проблемы предложил немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804). Он сказал, что и те, и другие и правы, и неправы.

Безусловно, любое познание начинается с опыта. Он лежит в основе всех синтетических (расширяющих знание) суждений, составляющих базу любой науки. Однако это не означает, что знание целиком происходит из опыта: помимо ощущений и впечатлений в опыте присутствуют априорные (то есть независимые от опыта) компоненты, которые вкладываются туда человеческим познавательным аппаратом. Задача выявить эти априорные компоненты опыта или, в знаменитой формулировке Канта, показать, как возможны синтетические суждения априори, отводится критике чистого разума.

Критика чистого разума распадается на три раздела. В первом исследуются априорные формы чувственности — пространство и время. Они лежат в основе всех восприятий. Мы не можем воспринимать что-либо вне пространства и времени. Значит, они представляют собой условия возможности всех явлений. Второй раздел посвящен априорным категориям рассудка. Их всего 12: единство, множественность, целокупность, реальность, отрицание, ограничение, субстанция-акциденция, причина-действие, взаимодействие, возможность-невозможность, существование-несуществование, необходимость-случайность. Категории — это принципы, без которых мы не можем помыслить ни одно явление. Если бы явления не подчинялись категориям, эти явления не могли бы осознаваться нами, опыт бы распадался на отдельные осколки, которые мы не смогли бы собрать в связные представления. В третьем разделе исследуются априорные идеи разума: душа, мир, бог. Их основная задача — регулировать применение категорий, упорядочивать познание и придавать ему единство.

Проблема индукции

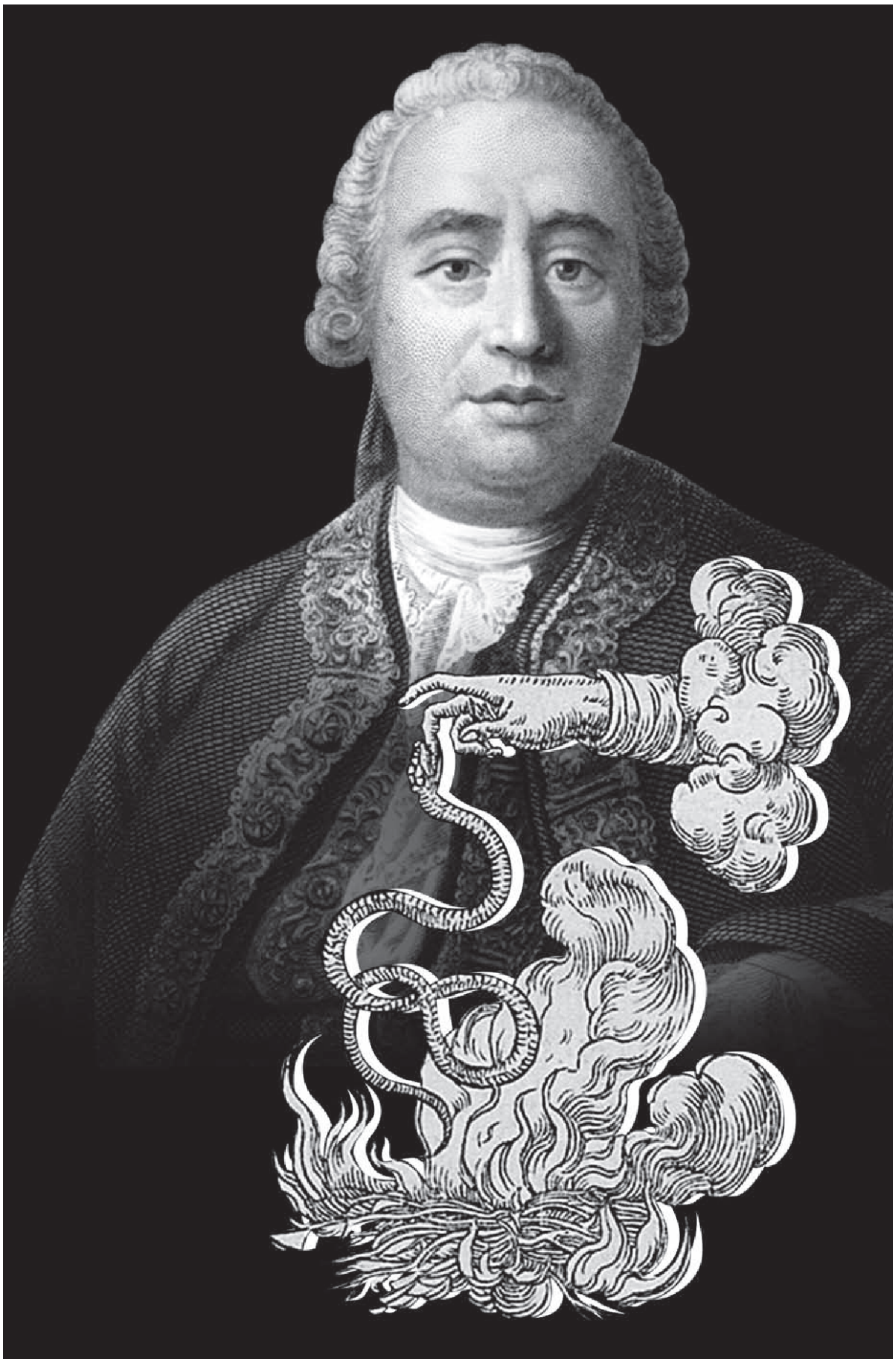
Американский философ Нельсон Гудмен (1906–1998) утверждал, что индукция относительно прошлого опыта тоже проблематична. Чтобы доказать это, он выдумал слово «зелубой». «Зелубым» может быть нечто, что до момента Т является зеленым, а после — голубым. Пускай Т — 2018 год. Например, мы делаем индуктивное обобщение об изумрудах: «Все изумруды, которые мы наблюдали до 2018 года, зеленые». Так же можно сказать: «Все изумруды, которые наблюдали до 2018 года, зелубые», так как после 2018 года они могут быть как зелеными, так и голубыми. Стало быть, существуют различные варианты индуктивного обобщения одних и тех же групп предметов, поэтому индукция невозможна.

В современной логике индукция называется не достоверным, а правдоподобным рассуждением, то есть ее можно успешно использовать только при соблюдении определенных правил, что и делает наука.

Откуда мы знаем, что если подбросить камень вверх, то он непременно упадет? Так говорит нам опыт: мы наблюдали несчетное количество раз, как за полетом камня следует его падение, и на этом основании заключаем, что так будет всегда. Это называется индукцией. Индукция — важный метод повседневного и научного познания, в ходе которого происходит переход от знания об отдельных предметах и явлениях к обобщающему утверждению о целом классе предметов и явлений.

Шотландский философ Дэвид Юм (1711–1776) поставил под сомнение достоверность индуктивного обобщения. В опыте мы замечаем, что определенный объект всегда сопровождается определенным действием. От этого через индукцию мы переходим к утверждению о предвидении того, что другие объекты, похожие на первый, будут сопровождаться сходными действиями. Однако такое заключение некорректно. Дело в том, что опыт может давать прямые и достоверные сведения только относительно тех объектов и того времени, которые он охватывал. Мы не можем распространять его на будущее время и на другие объекты. Юму можно было бы возразить, что есть же законы природы, делающие нашу индукцию корректной: камни падают под воздействием силы тяжести. Юм, предвидя это, говорит, что мы вполне можем представить себе, что законы природы неожиданно изменятся и что в будущем связи событий станут иными. Значит, перенос прошлого на будущее происходит без какого бы то ни было рационального основания, а индукция — недостоверный способ рассуждения.

Юм понимал, что значение индуктивного обобщения огромно. Если бы люди не делали индуктивные выводы, их опыт превратился бы в хаос и никакая деятельность не была бы возможна. Поэтому он не отрицал возможность применения индукции как таковой, и говорил, что в ее основе лежит полезная и важная привычка, побуждающая людей ожидать в будущем такого же хода событий, какой они воспринимали в прошлом.

Принцип экономии мышления

Следование принципу экономии мышления не всегда ведет к достижению истины в познании. Мах в согласии с этим принципом отрицал существование атомов и молекул, поскольку в его время они еще не были доступны для наблюдения. Он считал их всего лишь теоретическими конструктами, без которых вполне можно обойтись. Развитие науки показало, что он ошибался.

Философия Маха также носила название эмпириокритицизма и махизма.

Человечество уже давным-давно смогло позволить себе роскошь содержать специальные организации, единственная задача которых — заниматься познанием. Однако так было не всегда. Изначально познание было частью процесса приспособления организма к миру. Для достижения наилучших результатов организмы должны были затрачивать на познание ровно столько энергии, сколько было необходимо для адаптации. Иными словами, в познании главенствовал принцип экономии мышления. Он состоит в достижении максимума знаний с помощью минимума усилий. Примерами экономии мышления в познании могут служить выработка общих понятий для объединения различных представлений, формулирование законов, использование логически правильных форм рассуждений и т.д.

Австрийский физик и философ Эрнст Мах (1838–1916) сделал принцип экономии мышления основой своей методологии. Согласно его концепции, поскольку единственное, к чему человек имеет непосредственный доступ, — это чувственный опыт, то познание и наука должны сосредоточиться исключительно на этой сфере. Более того, наука не должна стремиться проникать в глубь явлений, ее задача — не объяснение, но чистое описание. Это означает, что ученые не должны задаваться фундаментальными вопросами типа «Что есть время?» и «Что есть пространство?». Наконец, когда в соответствии с принципом экономии мышления разные представления объединяются под одним общим понятием, не нужно вслед за философами начинать искать за этим понятием отдельную сущность. По большому счету с помощью принципа экономии мышления Мах стремился выдавить философию из научного поиска, поскольку она уводит науку от ее изначального адаптационного предназначения.

Гипотеза лингвистической относительности

Далеко не все философы согласны с гипотезой лингвистической относительности. Влиятельный лингвист и философ Ноам Хомский (род. 1928) и его последователи защищают так называемую концепцию мыслекода, согласно которой люди мыслят на универсальном врожденном мыслекоде, который затем переводится на разные языки.

Традиционно философы считали, что язык — это средство коммуникации наших мыслей, но сам процесс мышления от языка независим. Люди сначала формируют мысли и идеи, а уже затем как бы переводят их в языковую форму. Понимание при этом представляет собой обратный процесс: человек воспринимает мысли, расположившиеся за внешней языковой оболочкой, которая легко отбрасывается. Это представление было очень важным для философов, потому что они стремились исследовать общечеловеческие проблемы познания, этики, устройства мира и надеялись найти их универсальные решения. Поэтому они не могли допустить мысли, что категории, которыми они пользуются, как то: причинность, материя, субстанция, сознание, — не являются выражением универсальных идей.

С развитием лингвистики и антропологии в конце XIX — начале XX века такое представление было поставлено под сомнение. Лингвисты стали изучать языки американских индейцев, народов Африки и Азии, австралийских аборигенов, и эти языки очень сильно отличались от европейских. На основании исследований сравнительного языкознания два американских лингвиста Эдвард Сепир (1884–1939) и Бенджамин Уорф (1897–1941) выдвинули гипотезу лингвистической относительности. Суть ее состоит в том, что мышление и восприятие реальности во многом предопределено грамматическим устройством языка, на котором говорит человек. Нет никаких универсальных категорий, описывающих реальность как она есть. Человек мыслит в тех категориях, которые подсовывает ему язык, и эти категории довольно сильно разнятся от языка к языку.

Гипотеза лингвистической относительности оказала большое влияние на мощнейшее течение в философии, получившее название «лингвистический поворот». В ходе этого поворота философы самых разных направлений пришли к идее, что философские проблемы могут и должны быть разрешены посредством анализа и реформирования употребляемого философами языка.

Знаменитый пример Уорфа, показывающий, как языковые категоризации влияют на восприятие реальности, касался слов, обозначающих снег. Если в английском их существует не больше пяти, в эскимосском — их больше дюжины. Этот пример широко разошелся по учебникам лингвистики и популярным статьям. При этом от статьи к статье число эскимосских слов для снега все возрастало. И выяснилось, что это всего лишь лингвистическая утка: у эскимосов не больше обозначений снега, чем у носителей другого языка, которые сталкиваются с этим погодным явлением.

Треугольник Фреге

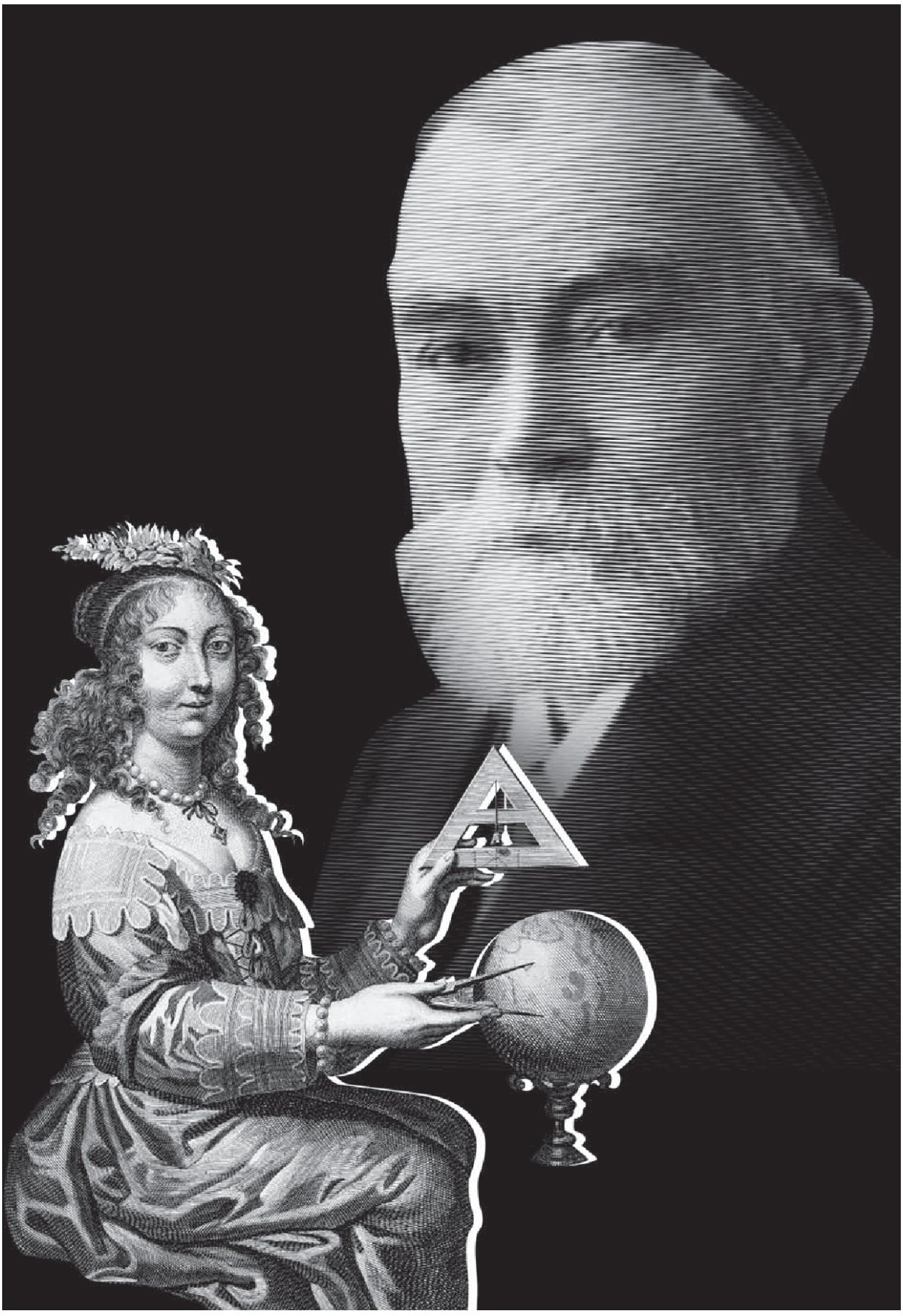
Далеко не все знаки обладают и значением, и смыслом одновременно. Например, выражение «нынешний король Франции» не имеет значения, так как обозначает несуществующий предмет, зато обладает смыслом. В то же время математический знак «x» может обладать значением, которое задается, например, системой уравнений, но не выражает никакого смысла.

С точки зрения логики значением и смыслом обладают не только слова и словосочетания, но и повествовательные предложения в целом. Поскольку последние утверждают нечто о мире, то их значение — «истина» или «ложь», а смысл — описанная ситуация. Если взять предложение: «Павлов открыл и описал действие условных рефлексов», то его значение — «истина», а смысл — тот факт, что Павлов открыл и описал действие условных рефлексов. При этом есть предложения, которые, как и слова, лишены значения или смысла.

Когда философы обратились к исследованиям языка, одним из первых вопросов, вставших перед ними, был вопрос о значении языковых выражений. Обычно считалось, что значение слова — это объект (философы также называют его референтом). Значение слова «собака» — это животное собака. Естественно, несколько разных слов могут указывать на один и тот же объект, как слова «собака» и «пес». При этом если знаки обладают одинаковым значением, то предполагалось, что они должны быть взаимозаменяемы. Можно сказать: «Собака шла по улице» — или: «Пес шел по улице», никаких проблем при замене одного выражения другим не возникает.

Австрийский логик Готлоб Фреге (1848–1925) обратил внимание, что это не всегда так. Например, древние греки, наблюдая на небе Венеру, считали, что они видят две звезды, которые они называли «Утренней звездой» и «Вечерней звездой». Хотя выражения разные, они отсылают к одному и тому же объекту и имеют одно и то же значение. Если взять выражение: «Утренняя звезда — это Вечерняя звезда» — и применить к нему правило взаимозаменяемости, то можно получить выражение: «Утренняя звезда — это Утренняя звезда». Хотя оба выражения совершенно корректны, их нельзя назвать равнозначными: первое из них — констатация важного астрономического открытия, тогда как второе — простая тавтология. Это затруднение навело Фреге на мысль о том, что помимо значения знаки обладают еще одной фундаментальной характеристикой, а именно — смыслом. Он определил смысл как дополнительную информацию, которую знак несет об обозначаемом им объекте. Так появился треугольник Фреге, вершины которого образуют знак, значение и смысл соответственно.

Открытие Фреге имело огромное значение для философии, потому что оно позволило распутать целый клубок противоречий, к которым вели, как казалось, совершенно легитимные способы рассуждений.

Языковые игры

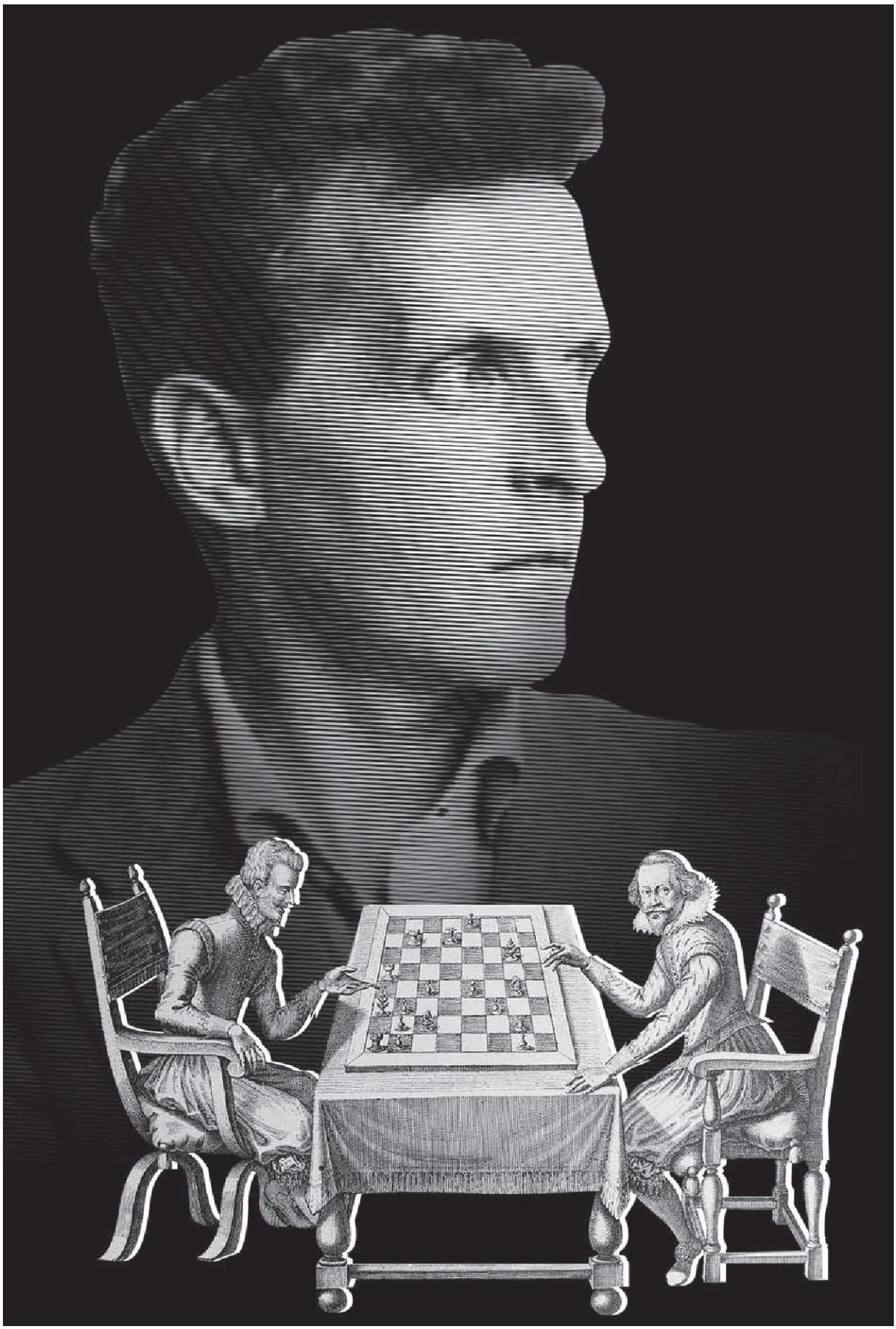
Хотя Витгенштейн сам преподавал философию в Кембридже, он крайне отрицательно относился к карьере профессионального философа. За свою жизнь он успел побыть солдатом, школьным учителем, санитаром, архитектором и даже совершил поездку в Советскую Россию с серьезными намерениями устроиться простым рабочим на заводе. Также он успешно уговорил многих своих студентов бросить изучение философии и заняться чем-нибудь более полезным с его точки зрения.

Не нужно путать языковую игру с игрой словами, например каламбуром или парафразом. Игра словами представляет собой всего лишь один, далеко не самый показательный, вид языковых игр. Согласно Витгенштейну, любая деятельность, сопровождаемая речью, — это языковая игра.

Хотя Фреге прибавил к значению знака еще измерение его смысла, это не избавило семантику от ряда серьезных проблем. Во-первых, приравнивание значения слова к объекту сильно сужает поле слов, обладающих значением. Естественный язык состоит не только из существительных, обозначающих конкретных людей и предметы: есть еще глаголы, междометия, предлоги, наречия. Объявить их все не имеющими значения — слишком радикальный шаг. Во-вторых, предполагалось, что слово связывается со своим значением посредством остенсивного определения, то есть прямого указания на объект. Но представьте, что вам нужно объяснить кому-то значение короля в шахматах. Вряд ли указание на объект — замысловатую деревянную фигуру — что-то прояснит. Объяснить значение шахматной фигуры означает объяснить то, как она может ходить и каков ее ранг относительно других фигур, то есть рассказать все правила игры в шахматы.

Австрийско-британский философ Людвиг Витгенштейн (1889–1951) предложил рассматривать все слова в языке по аналогии с шахматными фигурами, а сам язык — как совокупность разнообразных языковых игр. Языковая игра — это практика употребления языка в процессе человеческой деятельности, где слова и действия связаны по каким-то правилам. Перекличка перед началом рабочего дня, признание в любви, пересдача экзамена по философии — все это примеры языковых игр. В таком случае, чтобы объяснить значение слова, нужно объяснить, как оно будет «ходить», то есть правила его употребления в языковой игре: в каких ситуациях и как люди его используют, в каких контекстах оно будет казаться странным, когда его в принципе невозможно употреблять.

Такой подход открыл для философов новые перспективы. Вместо абстрактных теоретических рассуждений о том, что есть, например, знание, они обратились к изучению конкретных человеческих практик познания и тому, как работает язык в этих практиках.

Кошка на рогожке

Другой известный пример скрытого перформативного противоречия — утверждение «Все дети Джона лысы», тогда как у Джона нет детей. Как оценить это высказывание? Английский философ Питер Стросон (1919–2006) доказывал, что его нельзя назвать просто ложным, ему вообще не может быть дана истинностная оценка. Чтобы включить это высказывание в логический анализ языка, логика должна допускать истинностные провалы, невозможные в классической логике.

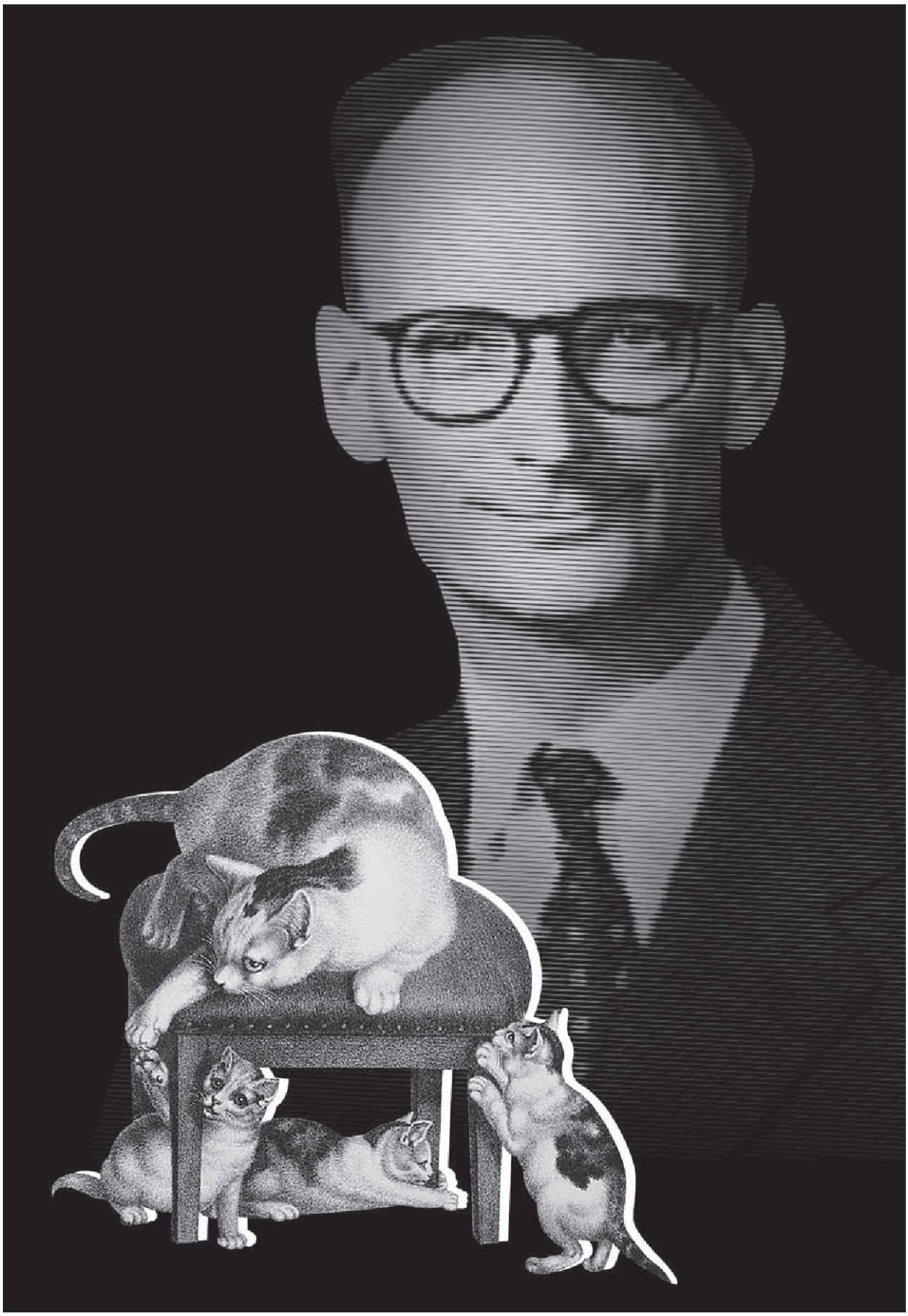
Своими работами о перформативах Джон Остин заложил целое философское направление, получившее название «философия обыденного языка».

Английский философ Джон Остин (1911–1960) заметил, что в языке возможны парадоксы особого плана, когда сказанное отрицается самим актом высказывания. Его знаменитый пример: «Кошка на рогожке, но я в это не верю». Формально здесь не нарушены никакие правила логики, но тем не менее это высказывание кажется абсурдным. Человек не может одновременно утверждать что-то и говорить, что в это не верит, этого не знает. Остин называет такие парадоксы перформативными противоречиями.

Перформативные высказывания — это высказывания, произнося которые, человек не просто говорит, но и делает нечто. К примеру, «Я беру эту женщину в жены» или «Я нарекаю это судно „Королева Елизавета“». Сама фраза становится действием. Отличительная черта перформативов состоит в том, что они могут быть успешными или неуспешными. Например, если один человек говорит другому «Я извиняюсь», а другой отказывается принимать его извинения, такой перформатив неудачен. Перформативное противоречие — это тоже пример неудачи.

Традиционно философы оставляли перформативы без внимания, потому что они не утверждают ничего о фактах и, следовательно, не могут быть оценены как истинные или ложные. Однако, с точки зрения Остина, разница между высказываниями о фактах (констативами) и перформативами не так уж велика, точнее, любое высказывание о фактах в то же время представляет собой перформатив. Парадокс с кошкой хорошо это иллюстрирует. Ведь если я утверждаю, что кошка лежит на рогожке, я не просто констатирую факт, я также утверждаю, что этот факт мне известен, что кошка и рогожка имеются в наличии, что я могу о них судить.

Отсюда Остин заключает, что сами по себе категории истинности и ложности мало что проясняют относительно наших высказываний. Мало сказать, что высказывание истинно, нужно еще посмотреть, насколько оно успешно в перформативном плане.

Проблема демаркации научного знания

Логический позитивизм («Венский кружок») — философское течение, возникшее в первой половине XX века на кафедре индуктивных наук Венского университета. Его основными представителями были Мориц Шлик, Ганс Райхенбах, Рудольф Карнап и Отто Нейрат. Они видели своей задачей отделение науки от лишенной смысла философии с помощью логического анализа языка.

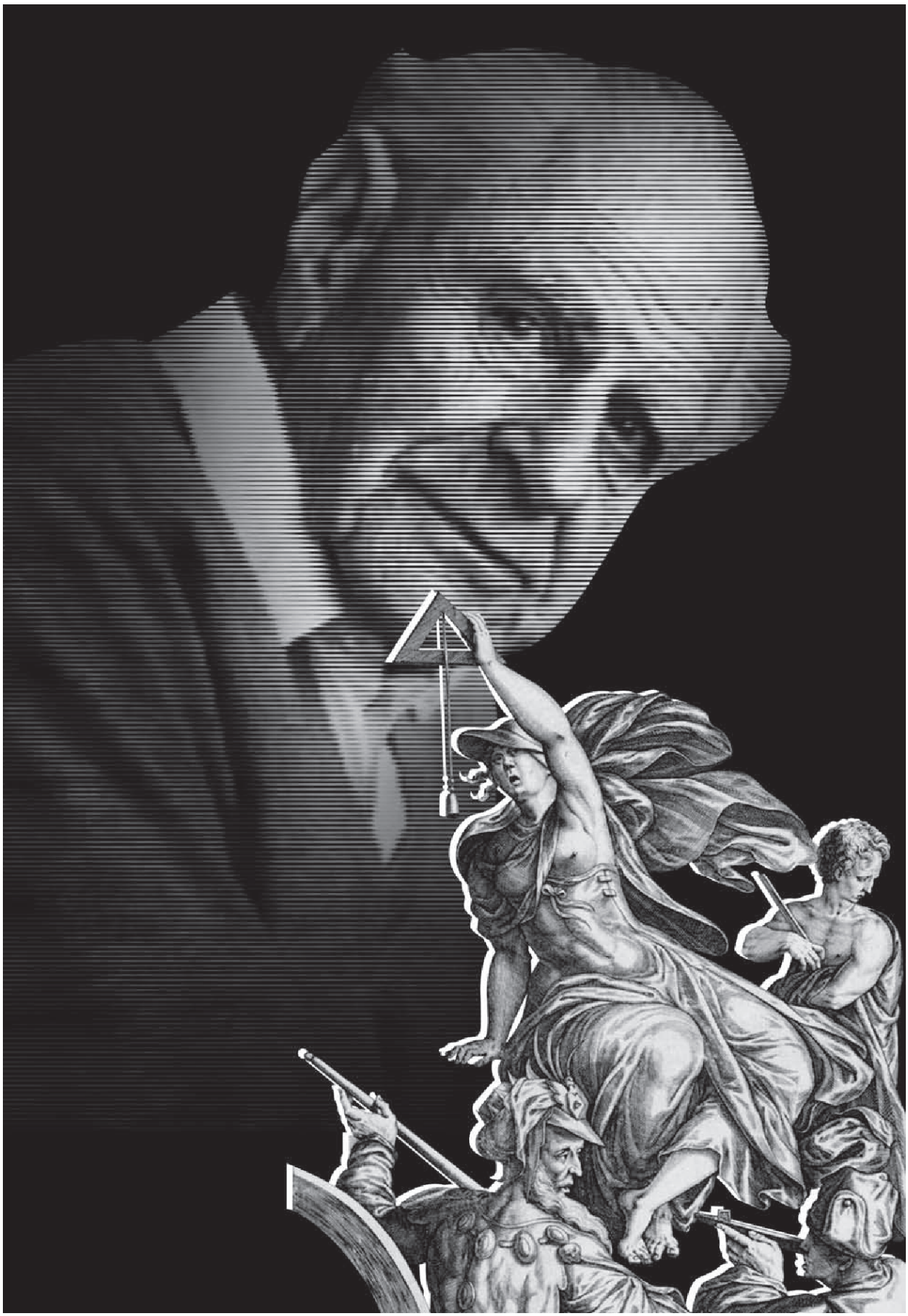
Французский философ Поль Дюгем и американский философ Уиллард Куайн выдвинули тезис, согласно которому попытка оценивать научную теорию только по принципу ее отношения к фактам — ошибка по двум причинам. Во-первых, эмпирические данные всегда нагружены языком теории, которая с их помощью и должна проверяться. Во-вторых, научная теория никогда не является изолированным набором высказываний, но зависит от фонового знания, манипуляции с которым позволяют спасти ее от опровержения.

Одна из важных задач философии — прочертить границу между научным знанием и тем, что только кажется таковым. Философы предлагали несколько критериев, самыми известными из которых стали верификация и фальсификация.

Идею верификации предложили логические позитивисты. Научное высказывание верифицируемо, если возможно установить его истинность или ложность через его сравнение с фактами. Высказывания, не поддающиеся верификации, бессмысленны, то есть ненаучны. Такой подход хорошо сочетался с бурным развитием экспериментального естествознания, однако не был лишен проблем. Дело в том, что далеко не все научные высказывания можно с легкостью проверить на опыте. Например, что делать с космологическими теориями о возникновении и устройстве вселенной или с научными законами, повествующими о бесконечном числе случаев? Они не поддаются эмпирической проверке, и в то же время им нельзя отказать в научности.

Поэтому австрийский философ Карл Поппер (1902–1994) предложил в качестве критерия демаркации научного знания фальсификацию. Теория научна лишь в том случае, если она может войти в противоречие с опытом, то есть она опровержима. Теория всегда опирается на эмпирической базис, но его задача — не только подтверждать теорию, но и предоставлять потенциальные фальсификаторы — ситуации, которые теория отвергает или запрещает. Грубо говоря, если теория может объяснить все возможные факты, то она не может быть научной. Если же ее предсказания могут быть ошибочными, она научна. На этом основании Поппер отвергал научность популярных в его время марксизма и психоанализа.

Критерий фальсификации также не лишен недостатков. Так, ненаучными оказываются, например, ботаника, зоология и другие описательные дисциплины, которые в принципе не могут иметь потенциальных фальсификаторов.

Научные революции Куна

Поскольку парадигмы равнозначны, а научная революция представляет собой мгновенное гештальт-переключение от одной парадигмы к другой, концепция Куна отрицает возможность научного прогресса. Кун осознавал эту проблему и утверждал, что прогресс все же имеется: с переходом от одной парадигмы к другой количество проблем и точность их решения последовательно возрастают.

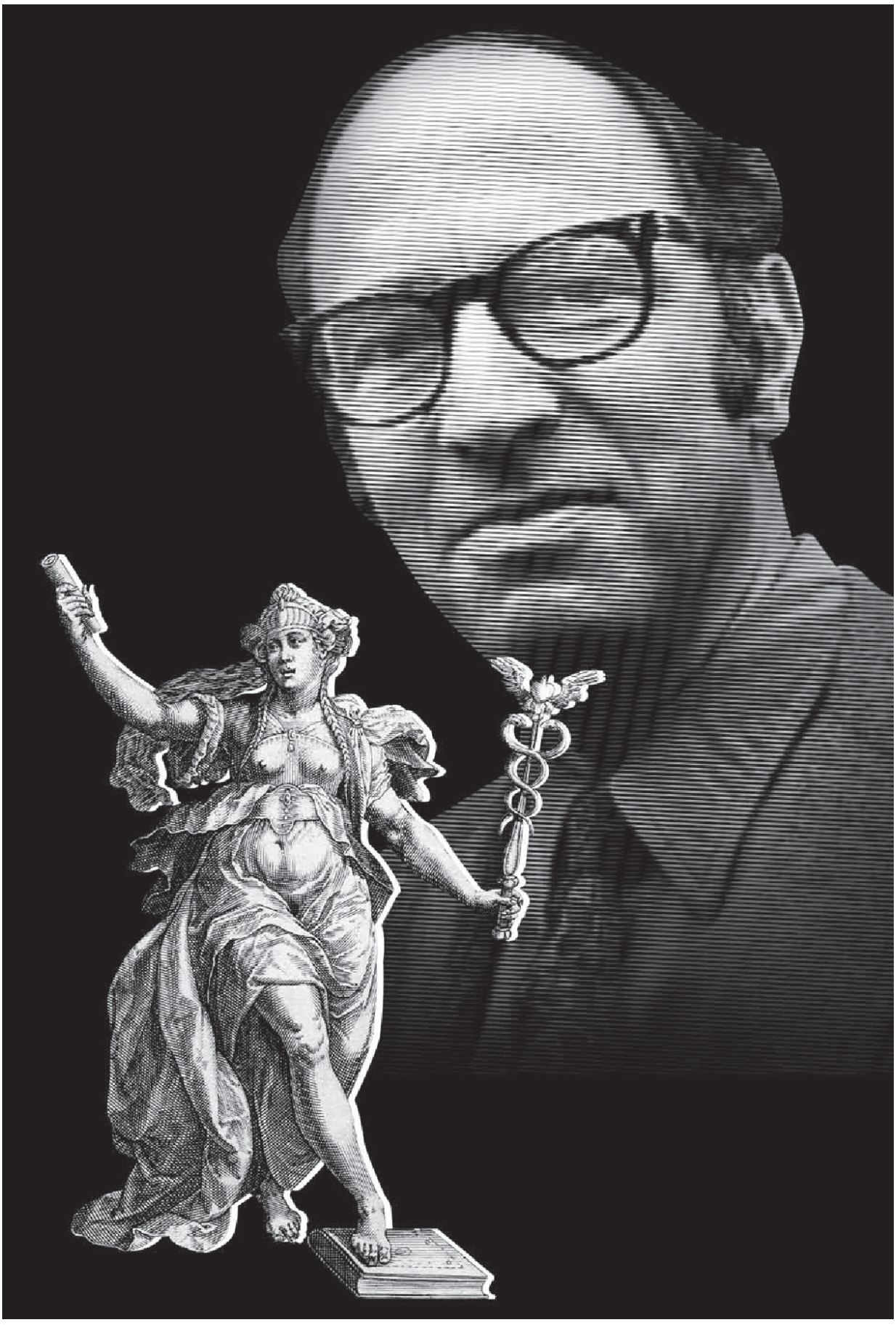
Концепция Куна ведет к релятивизму относительно критериев научного знания. Поскольку научное сообщество само определяет, что такое научность, исходя из принятой им парадигмы, невозможно задать единые и универсальные критерии демаркации науки.

Американский философ Томас Кун (1922–1996) считал, что для разрешения проблемы демаркации научного знания необходимо обратиться к изучению истории науки. В результате своих штудий он заметил, что наука в своем развитии проходит через этапы «спокойного» развития, или нормальной науки, и этапы научных революций.

В период нормальной науки в научной дисциплине господствует какая-то одна парадигма. Парадигма — это научное достижение, теория, работа, которая берется учеными за образец и кладется в основу их деятельности. Она определяет правомочность поставленных проблем, методологию их решения, концептуальный язык исследований, тенденции дальнейшего развития науки, научные ценности. Примерами парадигм могут служить «Физика» Аристотеля и работы Ньютона.

Парадигма очень устойчива за счет того, что ее разделяет и навязывает как единственно верную все научное сообщество. Стать членом научного сообщества можно, только разделив веру в парадигму, приняв ее как руководство к действию. Таким образом, наука отождествляется с тем, чем занимается научное сообщество, а теория признается научной, только если она вписывается в парадигму.

Однако со временем в принятой парадигме накапливаются поломки — научные аномалии. Это проблемы, решение которых парадигма предполагает, но ученые никак не могут их найти. Помимо этого растет число фактов, которые не могут быть объяснены внутри существующей парадигмы. Постепенно ученые начинают задаваться вопросами о ее основаниях, пытаются найти какие-то альтернативные пути решения накопившихся аномалий. В итоге, когда поломок становится слишком много, происходит научная революция, то есть тотальная смена парадигмы. Иллюстрацией научной революции может служить переход от ньютоновской физики к теории относительности и квантовой механике.

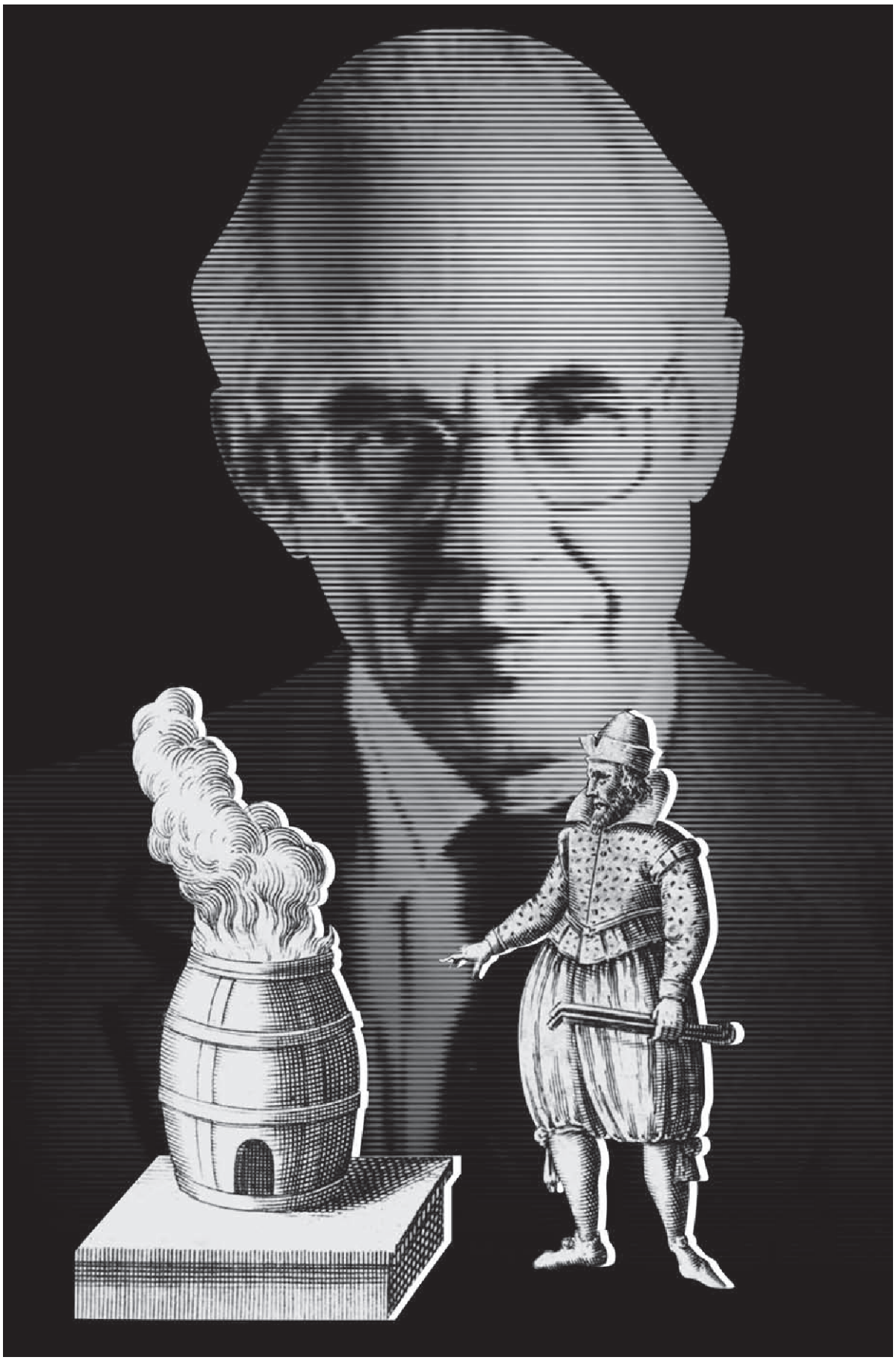
Мозги в бочке

Попытку преодолеть скептицизм предпринял Джордж Эдвард Мур. Он предлагал опираться в философии на здравый смысл, согласно которому человеческие тела, другие люди, предметы внешнего мира существуют и сомнение в этом никуда нас не ведет.

Американский философ Хилари Патнэм (1926–2016) выдвинул оригинальный аргумент против концепции мозгов в бочке. Он считал, что высказывание «Мы — мозги в бочке» заключает противоречие, подобно общему высказыванию «Все общие высказывания ложны». По Патнэму, слова связаны с обозначающими их объектами, но в случае с компьютерной симуляцией связи быть не может, поскольку нет самих объектов. Если мы принимаем, что мы мозги в бочке, слова «мозги» и «бочка» не могут обозначать реальные мозги и бочку, а потому высказывание «Мы — мозги в бочке» ложно.

Мозги в бочке — это название мысленного эксперимента, ставящего под сомнение все человеческие знания о мире. Мы имеем семью, живем в определенном месте, ходим на работу, проводим время с друзьями, занимаемся хобби и т.п. Однако нам сложно будет что-то ответить собеседнику, утверждающему, что все это нам только кажется, что наше знание о внешнем мире и о себе самих — это всего лишь иллюзия. То, что мы принимаем за реальность, это результат симуляции. На самом деле мы являемся участниками эксперимента, в котором наш мозг был отделен от тела, помещен в бочку с питательным раствором и подключен к суперкомпьютеру, эмулирующему картинку реальности. И у нас нет никакой возможности узнать, так это или не так. Подобный сценарий был положен в основу фильма «Матрица».

Мозги в бочке представляют собой пример радикального скептицизма. Скептицизм как философское направление возник еще в Античности. Античные скептики считали, что невозможно утвердиться ни в одной истине, так как любое положение является не более достоверным, чем противоположное ему, а потому лучше всего — вообще воздерживаться от каких бы то ни было суждений. В философии Нового времени скептицизм приобрел особую популярность в связи с попытками философов найти достоверные основания знания и разграничить истинные знания и заблуждения. Одним из способов этого поиска стало методическое сомнение во всех тех истинах, которые на первый взгляд кажутся несокрушимыми. Самым ярким примером такого скептицизма стали рассуждения Рене Декарта о боге-обманщике, внушающем людям ложные представления о внешнем мире и даже способном извратить законы математики. Идея бога-обманщика и была положена в основание более современной метафоры мозгов в бочке.

Трилемма Мюнхгаузена

Альберт считал, что трилемма Мюнхгаузена воспроизводима в любой сфере, где существует требование достаточного основания, в частности — в этике и политике. Там он также предлагает заменить его принципом критической проверки.

Альтернативным способом решения трилеммы Мюнхгаузена мог бы быть релятивизм. Релятивисты также отказываются от поиска достоверных оснований знания и истин самих по себе. Знание для них имеет чисто инструментальный характер. Что-то становится знанием, только если оно успешно действует относительно человеческих потребностей и интересов.

Однажды на охоте барон Мюнхгаузен оказался между разъяренным львом и крокодилом, которые хотели им полакомиться, и бежать было некуда, поскольку со всех сторон его окружали ядовитые болота. Немецкий философ Ханс Альберт (род. 1921) считает, что в подобное безвыходное положение попала и теория познания, берущая свое начало в философии Нового времени.

Она основывалась на идее, что знание может считаться достоверным, только если оно надежно обосновано. Этот принцип получил название закона достаточного основания. В качестве его иллюстрации можно вспомнить Декарта и его попытку основать все знание на положении «мыслю, следовательно, существую».

Альберт обращает внимание, что требование достаточного основания проблематично: оно вынуждает нас, подобно барону Мюнхгаузену, принять одну из неприемлемых альтернатив. Первая альтернатива — это уход в дурную бесконечность. Когда мы требуем достоверного основания для какого-то положения, то, что бы мы ни предложили на его роль, вопрос об основаниях может быть задан снова — уже по отношению к найденному основанию. Таким образом, раз потребовав достоверного основания, уже нельзя остановиться. Вторая альтернатива — порочный круг. Его суть состоит в том, что положение A обосновывается через положение B, а положение B в скрытом виде обосновывается через положение A. Третья альтернатива — волевое прерывание процесса обоснования через опору на догматическое положение, которое объявляется самоочевидным. Такова трилемма Мюнхгаузена — три неприемлемых с точки зрения рационального познания альтернативы.

Согласно Альберту, раз принцип достоверного основания не работает, нужно от него отказаться и поставить на его место принцип критической проверки. Знание — это не догмы, а гипотезы, которые нужно не обосновывать, а пытаться опровергнуть. Движение к истине и прогресс знания возможны только через постоянную критику.

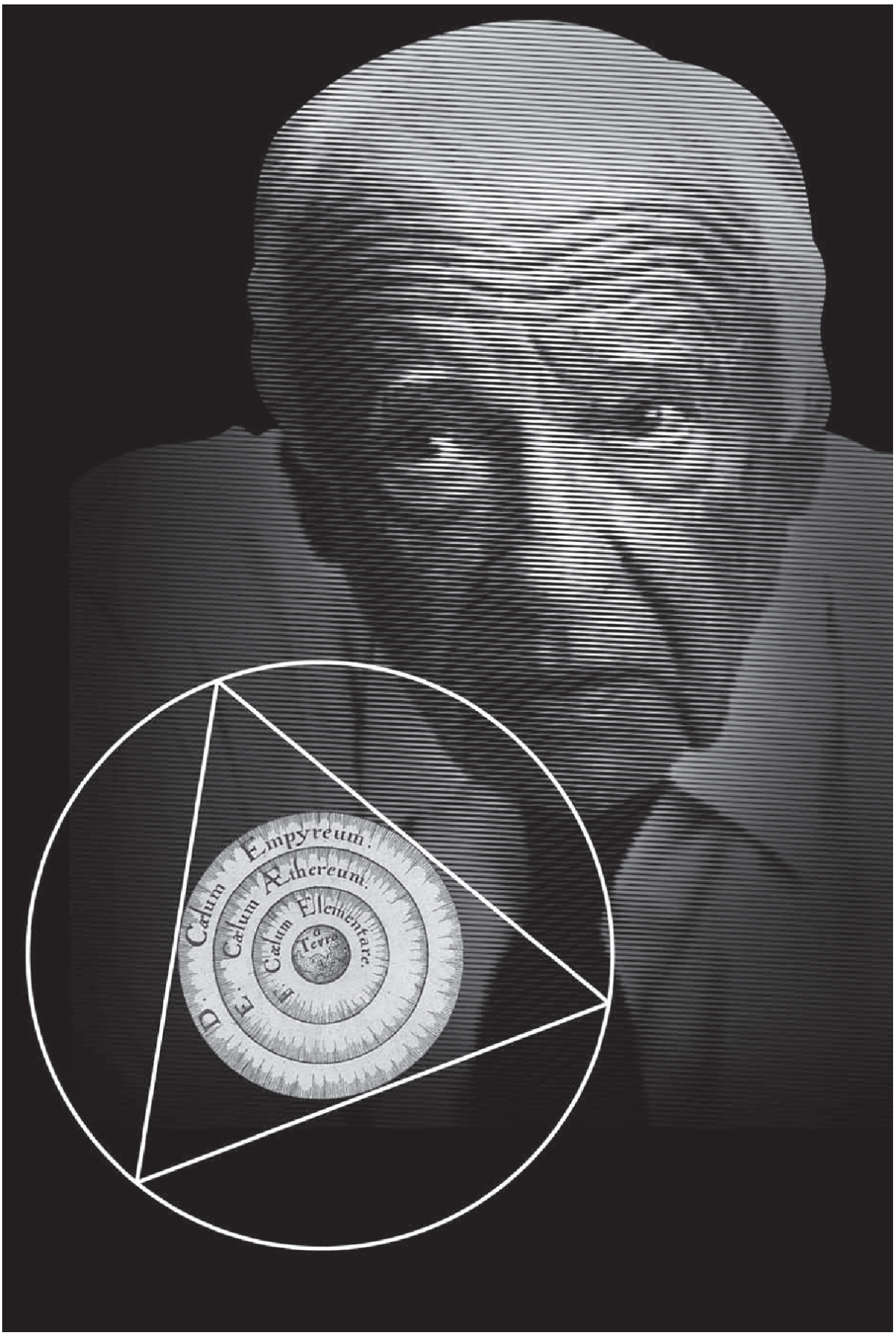
Герменевтический круг

Герменевтика — направление в философии, теологии и методологии гуманитарных наук, центральная проблематика которого — истолкование и понимание текста.

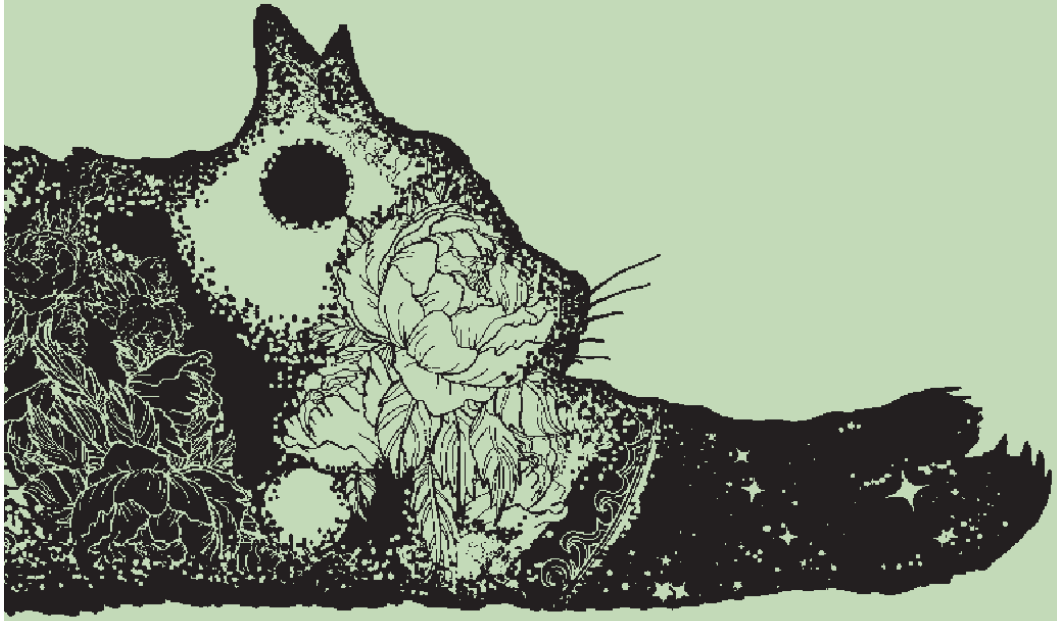
Случалось ли с вами, что после прочтения какой-то книги вы совсем не поняли, о чем шла речь? Философам эта ситуация знакома не понаслышке. Поэтому неудивительно, что их крайне интересовало, как устроено понимание. Почему люди понимают одни и те же тексты по-разному? Почему не всякое объяснение приводит к пониманию? Эти вопросы стали центральными в работах немецкого философа Ханса-Георга Гадамера (1900–2002).

Он полагал, что понимание имеет структуру герменевтического круга. Прежде всего абсолютно чуждое и загадочное для нас не подлежит никакому пониманию. Понимание возможно только благодаря тому, что у человека заранее имеются предрассудки относительно того, что он стремится понять, то есть он изначально обладает некоторым предпониманием, с чем он имеет дело. Откуда оно берется? Из традиции, отвечает Гадамер. Человек не обитает в вакууме: его воспитывали, чему-то учили, он читал книги и смотрел фильмы, он впитал ценности и общественные нормы. Все это встраивает его в традицию. Поэтому, начиная читать какую-то книгу, он узнает в ней себя, видит там то, что ему близко. Грубо говоря, он понимает то, что он уже понял до этого. Он начал с себя и вернулся к себе. Таков первый проход по герменевтическому кругу. Однако на этом понимание не останавливается. Далее человек должен осознать свои предрассудки, освободиться от своей предвзятости, тогда он даст тексту возможность донести до него что-то новое. Когда он ухватит это новое содержание, оно изменит его. Так он проходит по герменевтическому кругу второй раз. Теперь нагруженный этим новым знанием, он снова может вернуться к тексту и увидеть его иначе. Таким образом, начинается бесконечное движение по герменевтическому кругу: от человека к тексту и обратно. При этом цель состоит не в том, чтобы выйти из круга в абсолютное понимание, а, наоборот, чтобы в этот круг войти, так как только в круге понимание вообще возможно.

Для Гадамера хождение по герменевтическому кругу — это не только способ понимания текста, но и модель диалога между исследователем и его объектом, между людьми, между культурами. Диалог не складывается из двух протекающих рядом монологов, это не утверждение одного мнения в противовес другому или простое сложение мнений. В диалоге оба участника открыты друг другу и меняют друг друга, создают общий горизонт понимания и общие смыслы. Утрату способности вести диалог Гадамер видел в качестве основной проблемы современной культуры.

Cælum Empyreum.
Cælum Æthereum.
Cælum Elementare.
Terra
D.
E.

S
W

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БЫТИЕ, СУЩЕСТВОВАНИЕ, СОЗНАНИЕ

Сферическое бытие Парменида

Одно из возражений Пармениду могло бы состоять в том, что в принципе можно помыслить то, чего нет. Мы вполне можем представить себе русалку или дракона — существ, которые не существуют в природе. На это Парменид, скорее всего, ответил бы, что раз мы смогли их представить, то в каком-то смысле они уже существуют, просто не как физические объекты, а как герои сказок, например. Абсолютное ничто помыслить нельзя.

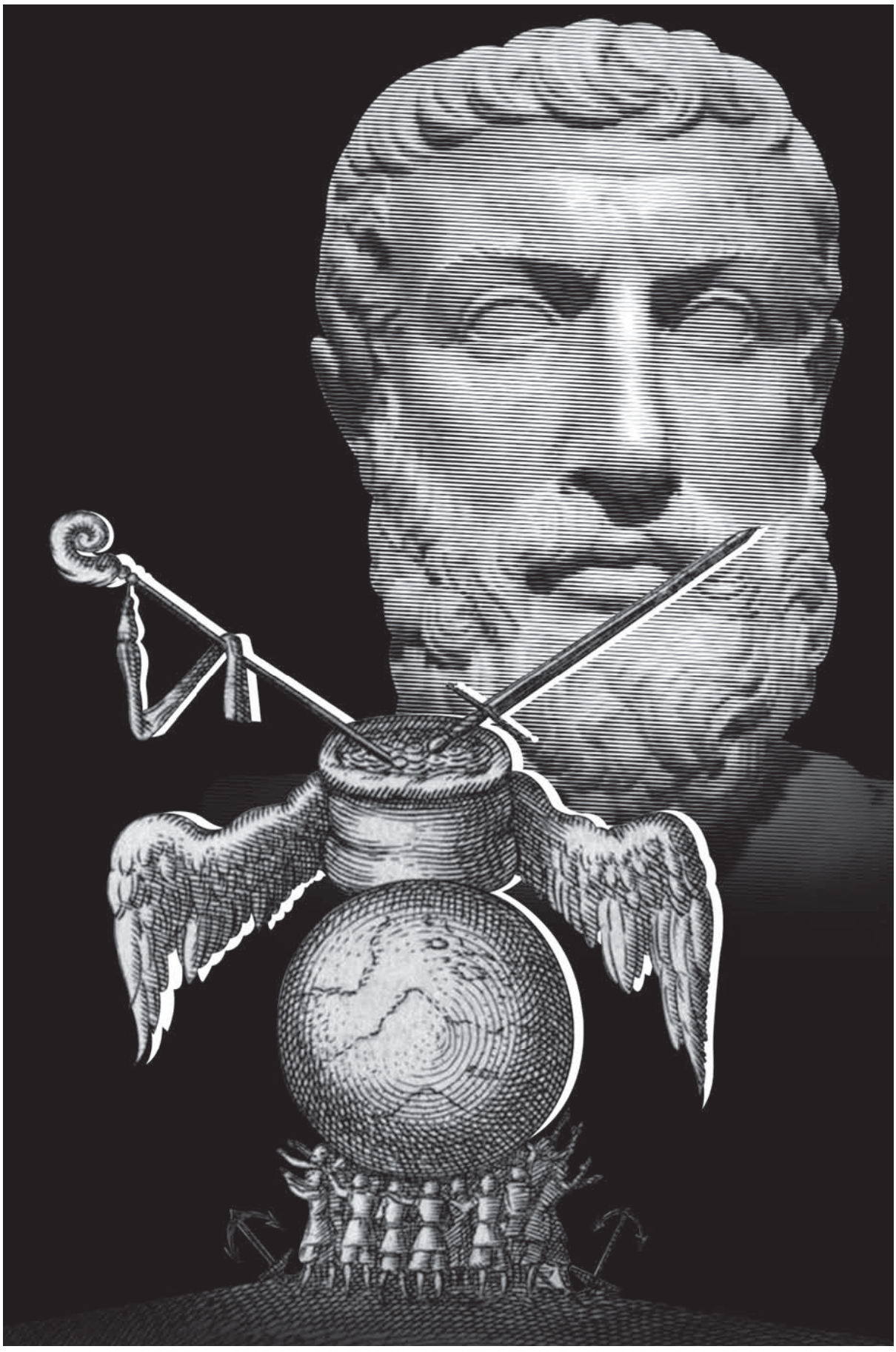
Парменид заложил прочную философскую традицию отождествления бытия и мышления. Разные философы трактовали это тождество немного по-разному. Пожалуй, самая знаменитая трактовка принадлежала Рене Декарту, положившему тезис «Я мыслю, следовательно, существую» в основу знания и философии.

Первые древнегреческие философы считали, что у всех вещей в мире должна быть единая основа. За нее обычно принимали один из базовых элементов природы: воду, огонь, землю или воздух. Парменид Элейский (VI в. до н.э.) замечает, что элементы плохо подходят на роль основы всего сущего, так как они даны нам в чувствах, а чувства часто нас обманывают. Первооснова мира должна быть чем-то, относительно чего нельзя ошибаться, поэтому она может быть постигнута только разумом, но не чувствами. Эту первооснову он назвал бытием.

Первое, что можно с достоверностью сказать о бытии: бытие есть, а небытия нет. Раз небытия нет, то его нельзя ни помыслить, ни представить. Мысль не может быть пустой. Значит, мыслить можно только о бытии, из чего Парменид заключает: мыслить и быть — это одно и то же.

Далее Парменид начинает разворачивать свои начальные положения. Если небытия нет, то невозможен переход от бытия к небытию, то есть бытие не может возникнуть и разрушиться, поэтому оно вечно. Если небытия нет, то не существует и пустоты, следовательно, бытие едино и неделимо. Раз так, то у него нет частей, которые могли бы перемещаться друг относительно друга, потому бытие неподвижно и неизменно. Наконец, вечное, единое, неизменное бытие должно иметь совершенную форму, отражающую все его качества, а именно форму идеальной сферы.

Нельзя не заметить, что, хотя эти рассуждения кажутся логичными, они противоречат очевидным вещам: люди, животные и даже звезды рождаются, стареют и умирают, птицы летают, собаки бегают, все подвержено изменению. Как эти факты согласуются с тем, что мир в своей основе — единая, неподвижная, неделимая, неизменная сфера? Ответ Парменида прост: никак. Однако дело не в том, что он ошибся, но в том, что чувства — недостоверный источник познания, значит, все, что люди видят в мире, — это иллюзия, а бытие именно таково, каким он его описал.

Ахиллес и черепаха

Буквально в переводе с греческого «апория» означает затруднение, безвыходное положение. Это прием рассуждения, в ходе которого у собеседника полностью выбивают почву из-под ног, показывая некорректность его положений, но не предлагают никакой позитивной концепции взамен.

Апории Зенона — это не просто забавные парадоксы. Они ставят очень важный для физиков и математиков вопрос о природе пространства и времени. Избавиться от подобных парадоксов удалось благодаря идее, что, несмотря на бесконечную делимость, пространство и время непрерывны.

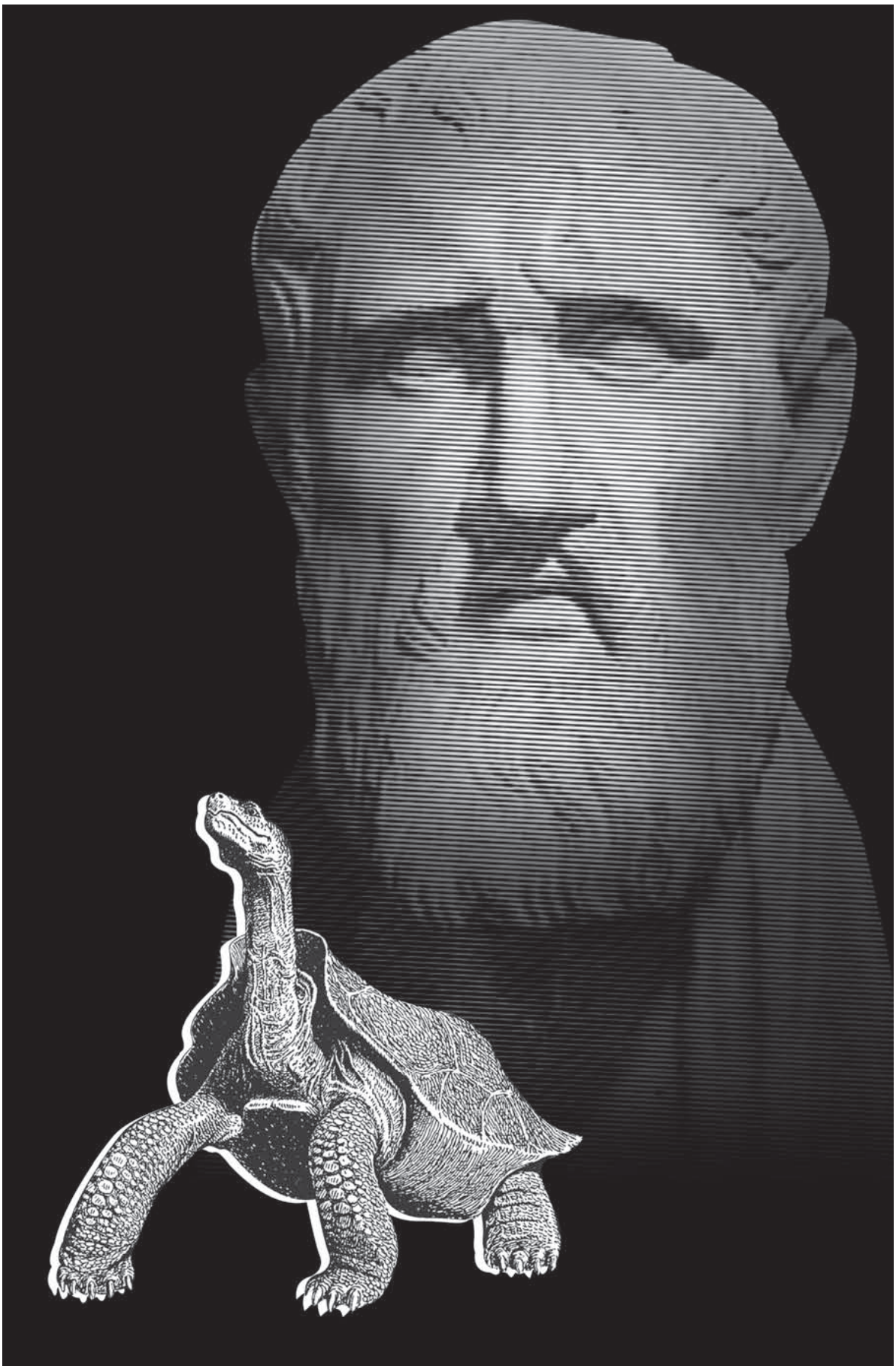
Когда Парменид создал свою онтологию единого, вечного, неподвижного, неизменного бытия-сферы, далеко не все философы приняли ее всерьез. Слишком уж она противоречила повседневному опыту, отрицая возможность движения. Тогда один из его учеников Зенон (V в. до н.э.) решил доказать, что даже если принять прямо противоположные взгляды на бытие и сказать, что оно делимо, изменчиво и невечно, то объяснить движение все равно невозможно. С этой целью он придумал так называемые апории.

Самая известная апория — «Ахиллес и черепаха». Представьте, что Ахиллес соревнуется в беге с черепахой. Он уверен в своих силах, поэтому дает ей фору. Черепаха начинает ползти. Зенон утверждает, что Ахиллес никогда не догонит черепаху. Для начала он должен добежать до той точки, в которую черепаха уже доползла, но, пока он бежал до нее, черепаха успела отползти еще чуть-чуть, пока он бежит в новую точку, черепаха снова отползла еще чуть-чуть, и так до бесконечности.

Другая апория называлась «Дихотомия». Она утверждала, что движение никогда не может начаться, ведь, чтобы дойти до финиша, нужно дойти сначала до середины дистанции, а чтобы дойти до середины, нужно дойти сначала до четверти, а чтобы дойти до четверти — сначала нужно преодолеть одну восьмую, и так до бесконечности. В итоге сдвинуться с места вообще невозможно.

Еще одна апория под названием «Стрела» утверждала, что выпущенная из лука стрела всегда покоится. Ведь если посмотреть на стрелу в каждый отдельный момент, то она всегда будет находиться только в одном месте и никаком другом, то есть в каждый отдельный момент времени она будет покоиться, а не двигаться.

Таким образом, если принять постулат о бесконечной делимости бытия, времени и пространства, то придется признать, что движение невозможно, и такой подход ничуть не лучше парменидовской концепции бытия-сферы.

Пещера Платона

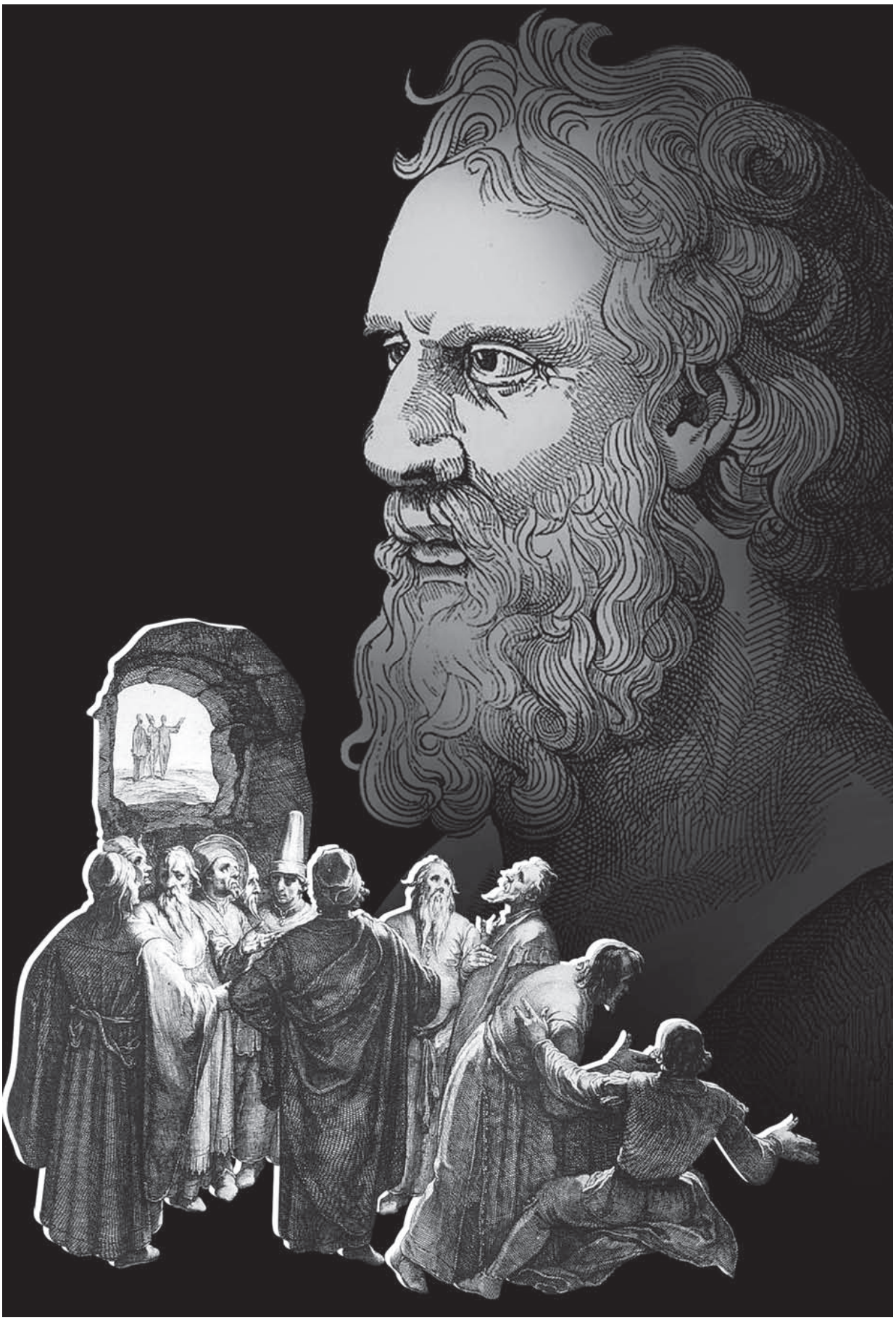
Доступ к миру идей имеют в первую очередь философы, ведь именно они умеют отвлекаться от чувственного мира и переноситься в область чистого мышления. Раз философы знают, как устроен мир на самом деле, то, согласно Платону, они должны стоять во главе государства. Правда, когда сам Платон попытался наставить на истинный путь сицилийского правителя Дионисия I, его постигла участь освобожденного из пещеры: Дионисий не захотел слушать Платона и продал его в рабство.

Платон создал одно из первых учебных заведений в истории человечества, где обучали философов. Оно носило название «Академия».

Платон (V в. до н. э.) — центральная фигура древнегреческой философии, ученик Сократа. В центре платоновской онтологии лежало разделение универсума на мир вещей и мир идей. Мир вещей — это чувственно познаваемый мир. Все в нем является преходящим, изменчивым, несовершенным и обманчивым. Мир идей — мир умопостигаемых идеальных сущностей. Там обитают числа, идеальные математические объекты, понятия, ценности. Они не подвержены порче, изменению, разрушению. Во главе этих идей — идеи красоты, добра, блага.

Чтобы пояснить, как соотносятся мир идей и мир вещей, Платон использует метафору пещеры. Представьте себе глубокую пещеру, свет в нее проникает только сверху и падает на одну из стен. Внизу пещеры сидят узники. Они прикованы так, что не могут пошевелиться и видят только ту стену, куда падает свет. Через всю пещеру над головами узников проходит дорога, по которой кто-то несет разные предметы и при этом переговаривается. Узники не могут видеть их, они видят лишь нечеткие тени на стене и слышат эхо голосов. Поскольку узники никогда не видели ничего другого, то они предполагают, что именно так и выглядит сама реальность, что тени — это то, как вещи выглядят на самом деле. Однажды одного из узников освобождают и выводят из пещеры. Сначала он ослеплен светом солнца и не может ничего разобрать. Затем его глаза привыкают, и он понимает, как выглядели предметы, тени которых он видел ранее. Если он пойдет обратно в пещеру и расскажет, что он видел, ему никто не поверит. А если он будет усердствовать, то его могут даже убить.

Пещера — это символ чувственного мира. Окружающие людей предметы — это лишь тени, иллюзии, несовершенные воплощения идей. Мир вне пещеры — это истинный мир идей. Чтобы выйти из пещеры, человеческая душа должна подняться от области чувственного познания в область умопостигаемого.

«Бритва Оккама»

Схоластика — течение в средневековой философии, которое строилось на соединении религиозных христианских догматов с рационалистическими способами рассуждения, почерпнутыми в первую очередь из работ Аристотеля.

Проблема статуса универсалий была одной из центральных проблем всей схоластики. В ходе дискуссий вокруг нее средневековые философы выработали три позиции: реализм (универсалии обладают независимым существованием), номинализм (универсалии — общие понятия, имена объектов), концептуализм (универсалии — это концепты, которые обладают существованием только как объекты человеческого разума).

Уильям Оккам (ок. 1285–1349) был средневековым английским философом-схоластом. В его времена в схоластике господствовала так называемая доктрина реализма, согласно которой в мире помимо вещей существуют универсалии. Универсалии подобны платоновским идеям. Это умопостигаемые сущности вещей, которые включают в себя все необходимые характеристики вещей и при этом обладают независимым от них существованием. Универсалии якобы существовали в Божественном уме еще до акта творения, и даже Бог не смог бы изменить задаваемые ими необходимые качества вещей, если бы пожелал. Тем самым онтология крайне усложнялась: мир получался наполненным вещами и еще дублирующими их универсалиями.

Оккам выступил против такого усложнения и заявил, что гармоничную работающую онтологию вполне можно построить и без допущения существования универсалий. Более того, он считал, что понятие универсалий противоречиво: ведь если универсалия действительно отлична от воплощающей ее вещи, то универсалию уже нельзя назвать сущностью этой вещи. Если же это отличие носит чисто формальный характер, то зачем вообще прибегать к этим дублирующим сущностям. Значит, в мире реально существуют только индивидуальные вещи, а универсалии — не более чем общие понятия, имена вещей. Такая позиция была названа номинализмом.

Подход Оккама состоял в том, что не следует умножать сущности без необходимости. Этот методологический принцип впоследствии получил наименование «бритвы Оккама». Нужно отсекать все лишнее и стремиться к наиболее простому объяснению, скорее всего, оно-то и окажется правильным.

Логический атомизм Рассела

Логический атомизм Рассела представляет собой разновидность так называемого нейтрального монизма, согласно которому реальность не является ни материальной, ни ментальной по своей природе, но мир имеет одну нейтральную основу.

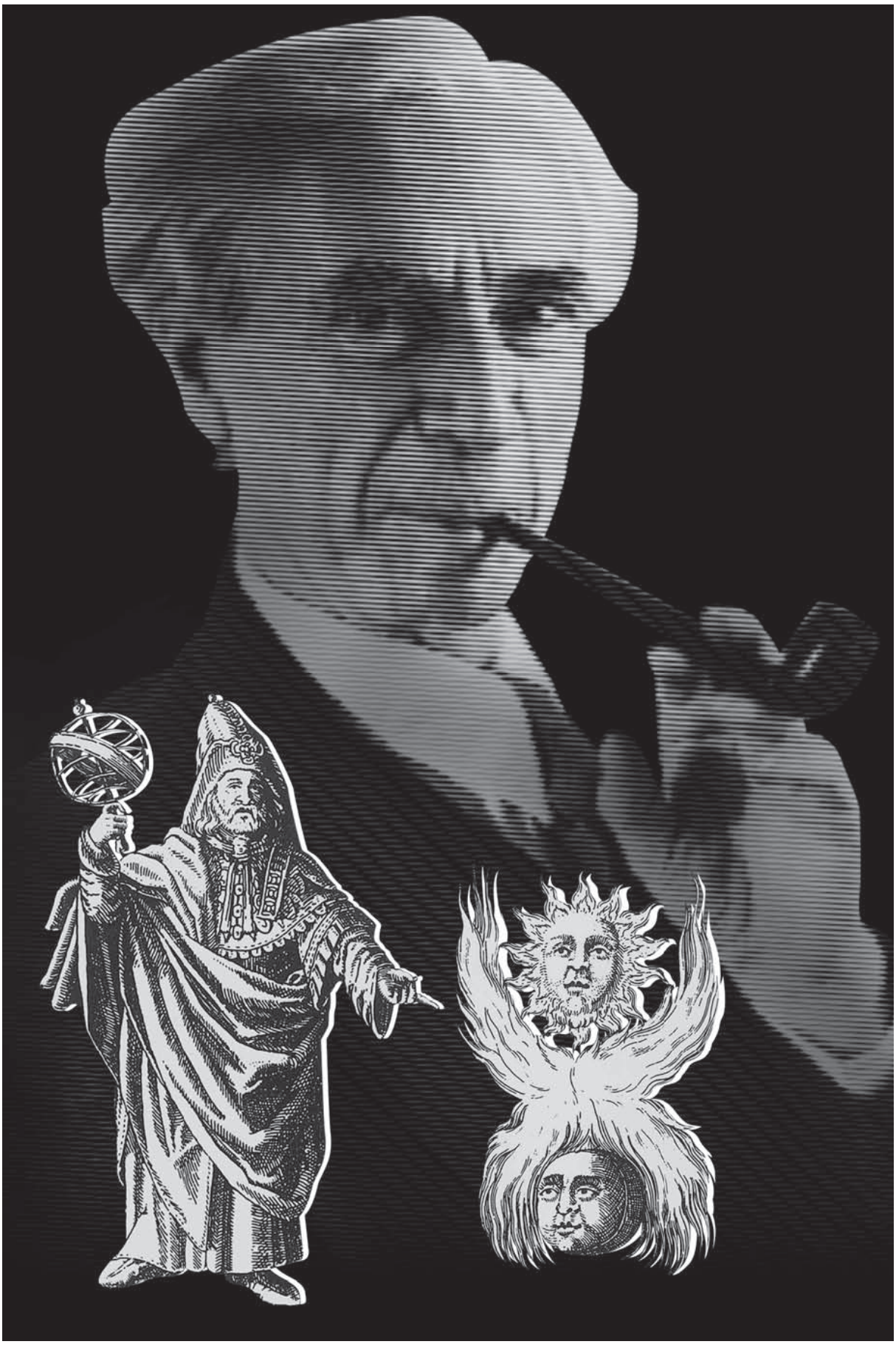
Английский логик и философ Бертран Рассел (1872–1970) был большим поклонником принципа «бритвы Оккама» в философии. Результатом ее применения в логике и онтологии стала его система логического атомизма.

Рассел исходил из того, что у нас нет необходимости постулировать какие-то скрытые сущности, лежащие в основе мира. Мир на своем самом базовом уровне состоит из независимых дискретных объектов. Они могут обладать какими-то свойствами или находиться в определенном отношении друг с другом — это атомарные факты реальности. Никакого более глубокого уровня бытия за этими фактами и объектами нет. Это кирпичики, из которых состоит мир.

В языке атомарным фактам соответствуют атомарные предложения. Пример атомарного предложения: «Луна — это спутник Земли». Атомарные предложения истинны, если соответствующий атомарный факт имеет место. В случае с Луной и Землей это означает, что существуют объекты под названием Луна и Земля и они находятся в таком отношении, что Луна обращается вокруг Земли. Атомарные предложения могут объединяться нами в более сложные молекулярные последовательности. Однако никаких молекулярных фактов нет. Поэтому Рассел считал, что для любой научной и философской теории должен быть возможен полный анализ, который приведет все ее высказывания к базовым атомарным предложениям, которые уже легко поддаются проверке. Это позволяет избавиться от парадоксов, неясностей и пустых понятий.

Важным следствием атомарного подхода к миру и философии стало расселовское утверждение о том, что сознание и материя — это как раз такие пустые понятия, логические фикции. Ни одно, ни другое не дано нам в опыте напрямую, и все предложения о них в конечном итоге сводятся к атомарным предложениям о чувственных данных. Поэтому, применяя «бритву Оккама», Рассел заявляет, что нет никаких оснований постулировать их независимое существование.

Хотя Рассел сделал огромный вклад в логику и философию математики, широкую известность ему принесло не это. Он написал знаменитую «Историю западной философии», ставшую бестселлером и выдержавшую множество переизданий. Также он был видным активистом в антивоенных кампаниях и демонстрациях против использования и разработки ядерного оружия, за что он несколько раз был заключен в тюрьму. За продвижение гуманистических идей и свободы мысли в 1950 году он был награжден Нобелевской премией по литературе.

Esse est percipi

Остается вопрос: как быть с вещами, которые никем не воспринимаются в данный момент? Они исчезают и снова появляются, когда кто-то на них смотрит? Беркли понимал абсурдность такого предположения. Поэтому уточнил: быть — значит быть воспринимаемым Богом. Бог — это высший дух, производящий все идеи и впечатления и вкладывающий их в человеческое сознание. Божественное восприятие никогда не прерывается и становится гарантией стабильного существования всех вещей.

Введение Божественного духа спасало Беркли от обвинений в солипсизме (согласно с., достоверно существует только индивидуальное сознание, в то время как внешний мир, включая тело, материальные предметы и других людей, — это всего лишь его содержания). Поскольку солипсизм плохо согласуется с повседневным опытом, философы стараются избегать открытого утверждения этой позиции.

Откуда мы знаем, что окружающие нас вещи существуют? Например, что на пригорке напротив моего дома растет вишневое дерево? Я его вижу, могу потрогать, могу сорвать пару ягод и попробовать их на вкус, я ощущаю запах его цветов. Другими словами, я знаю, что дерево существует, потому что воспринимаю его с помощью чувств. Ирландский философ Джордж Беркли (1685–1753) вывел из подобного рассуждения радикальную формулу: если знание о существовании вещей не отделимо от восприятия, то существовать — и значит восприниматься.

Вот как он это аргументировал. Эмпирики считали, что каждая вещь обладает так называемыми первичными и вторичными качествами. Первичные качества — протяжение, форма, плотность — не зависят от нашего восприятия и отражают вещь как она есть на самом деле. Вторичные качества — цвет, вкус, запах — всецело зависят от восприятия. Значит, про вещь можно сказать, что она на самом деле круглая, но нельзя сказать, что она на самом деле красная. Беркли указывает на непоследовательность этого подхода. То, что кажется нам ровной поверхностью, будет дорожкой с препятствиями для муравья, а то, что кажется нам неподъемным бревном, будет легким грузом для слона. Значит, все качества зависят от восприятия.

Даже если это так, то разве не должен существовать субстрат, лежащий в основе вещей — материя? Про нее можно было бы сказать, что она существует независимо от восприятия. На это Беркли отвечал, что человеческое сознание имеет дело только с ощущениями и идеями, которые оно строит на их основе. Материя — это всего лишь абстрактная идея, фиктивное понятие, которое разум собирает из многообразия восприятий и у которого нет реального носителя. Таким образом, все существующее существует не само по себе, а только как объект восприятия.

Доказательство внешнего мира

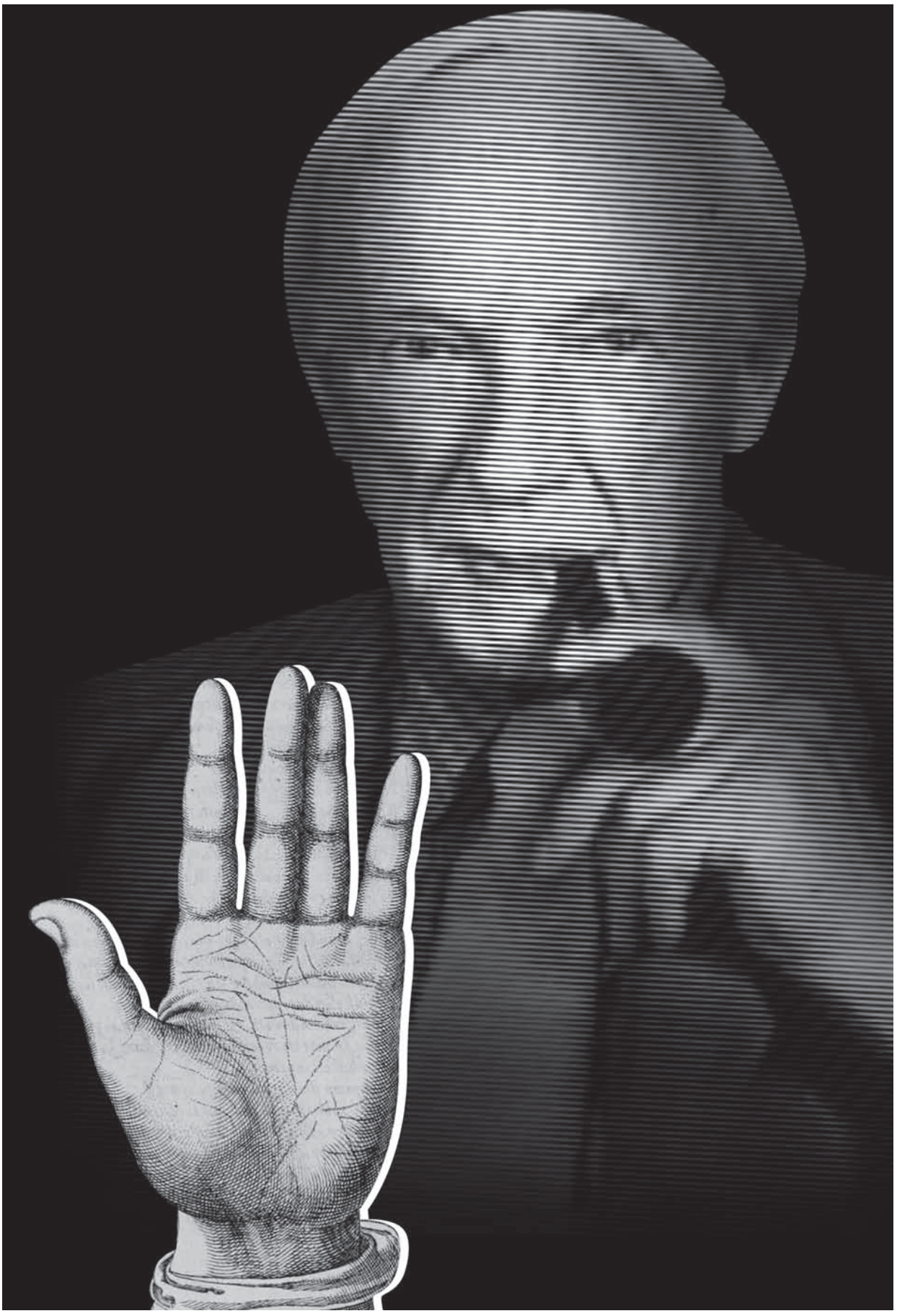
Мур не был первым философом, использовавшим наглядную демонстрацию в качестве философского аргумента. Еще в Античности философ Антисфен пытался опровергнуть апории Зенона о невозможности движения просто тем, что встал и начал ходить.

Людям свойственно сомневаться, философам свойственно сомневаться вдвойне. Одним из основных объектов их сомнения стал внешний мир со всеми его вещами, процессами и людьми. Дело в том, что человеку недоступны вещи сами по себе. В лучшем случае он работает с явлениями — опытом, который оформлен его же собственным априорным аппаратом познания. Проникнуть в то, что стоит за этим опытом, нет никакой возможности. В худшем все, что у него есть, это данные сознания — ощущения, восприятия, идеи, за которыми вообще не стоит никакой реальности.

Против подобных рассуждений выступил английский философ Джордж Эдвард Мур (1873–1958). Он утверждал, что мы с легкостью можем доказать, что внешний мир существует. Для этого необходимо доказать существование хотя бы двух вещей вне нашего сознания. Это могут быть какие угодно вещи, например две человеческие руки. Как доказать, что они существуют? Очень просто! Нужно поднять обе свои руки, показать их собеседнику и, помахав правой, сказать: «Вот — одна рука», а потом помахать левой и добавить: «А вот — другая». Все, их существование доказано, и из этого можно сделать вывод, что вещи вне нашего сознания существуют.

Мур считает, что его доказательство удовлетворяет всем формальным требованиям: посылки отличаются от заключения, они истинны, и он знает об этом, наконец, заключение логически следует из посылок. Конечно, он сам признает, что немногие философы были бы удовлетворены подобным доказательством. Его оппоненты сказали бы, что он не знает с достоверностью о существовании своих рук, а всего лишь принимает его на веру, а потому нужно еще какое-то дополнительное теоретическое доказательство. Согласно Муру, это не так: возможно знать что-то, даже будучи неспособным доказать это. Знание о существовании своих рук, даруемое нам здравым смыслом, как раз из их числа.

Людвиг Витгенштейн указывал, что аргументация Мура построена на некорректном употреблении слова «знать». Сложно придумать контекст, в котором высказывание «Я знаю, это моя рука» было бы осмысленным. Говорить о знании можно тогда, когда равновозможным является его отсутствие. Когда Мур потрясает перед собой рукой, невозможно представить, что он ошибается или не знает, чья она. По Витгенштейну, подобные высказывания — это правила, которые необходимо принять при вступлении в языковые игры и практики знания. Чтобы игра была успешной, правила нельзя ставить под сомнение. Так же нельзя назвать их собственно знанием.

Бытие-к-смерти

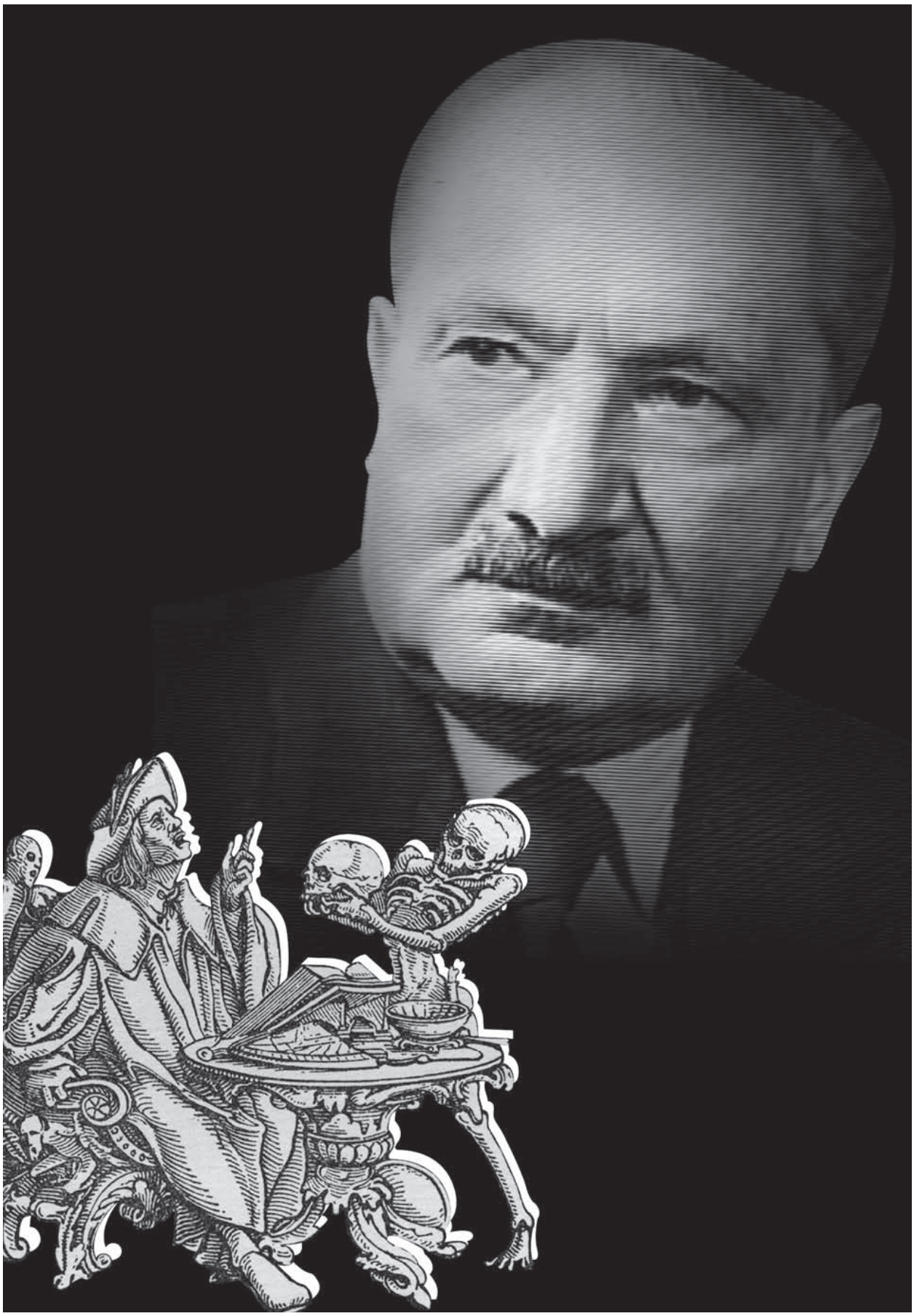
Описанное движение от проблематизации привычной картины мира к пониманию смысла бытия — это бесконечное хождение по герменевтическому кругу. Ухваченный смысл снова будет зафиксирован в языковых структурах, которые конституируют новую застывшую картину мира, которая, в свою очередь, снова будет проблематизирована, и так далее.

Временность — это не совокупность моментов настоящего, будущего и прошлого. Также она не тождественна человеческой конечности. Про временность вообще нельзя сказать, что она есть нечто. Человеческое бытие временно в том смысле, что человек в своем существовании всегда выходит (экстатирует) из своей актуальности в настающее и бывшее. В акте понимания он создает набросок бытия, который наступает для него и в то же время возвращается к нему как уже бывшему.

Немецкий философ Мартин Хайдеггер (1889–1976) считал, что за всю свою историю философия так и не дала ответ на вопрос о смысле бытия, а потому он должен быть поставлен снова.

Из всего сущего только человек может задаться вопросом о смысле своего бытия. Следовательно, и ответ необходимо искать в анализе повседневного человеческого существования. Обычно человек не задается вопросом о смысле своего бытия, а просто принимает те представления, которые разделяют люди вокруг. Однако иногда его настигает настроение неустроенности и заброшенности, которое проблематизирует привычную для него картину мира. Оно проистекает из ужаса от осознания, что бытие человека — это бытие-к-смерти. В повседневности мы стараемся убежать от этой мысли. Люди говорят: «Человек смертен», подразумевая, что этот человек — пока не ты сам. Они как бы отказывают смерти в достоверности. Однако смерть — это не то, что ждет человека где-то там в конце, но неотъемлемая часть самой способности быть. Человек умирает все время, пока живет.

Этот ужас можно попытаться загнать внутрь, но он все равно будет давать о себе знать через зов совести. Совесть зовет человека от людской болтовни, заглушающей ужас перед бытием-к-смерти, назад к самому себе — к заботе о своей способности быть. Если человек прислушается к этому зову, то ужас разрешится в понимание того, что смерть всегда лишь своя, а не чья-то чужая, что человек сам выбрал бегство от этого осознания, что вся ответственность лежит только на нем самом, что он сам есть ничтожное основание своего ничтожного бытия. Это понимание полностью переопределяет для человека всю картину мира. Теперь он может решиться и сделать выбор быть самим собой, то есть принять, что смысл бытия — это не нечто внешнее, высшее, даруемое ему откуда-то сверху, но то, как он понимает сам себя в своей целостности, то есть в своей временности. Именно временность и составляет смысл его бытия.

Корабль Тесея

Разрешение проблемы идентичности имеет и вполне практические аспекты, так как оно ложится в основу представления о юридической ответственности человека за свои деяния. Сама идея привлечения человека к ответственности за преступления, совершенные им в прошлом, строится на представлении, что это тот же самый человек.

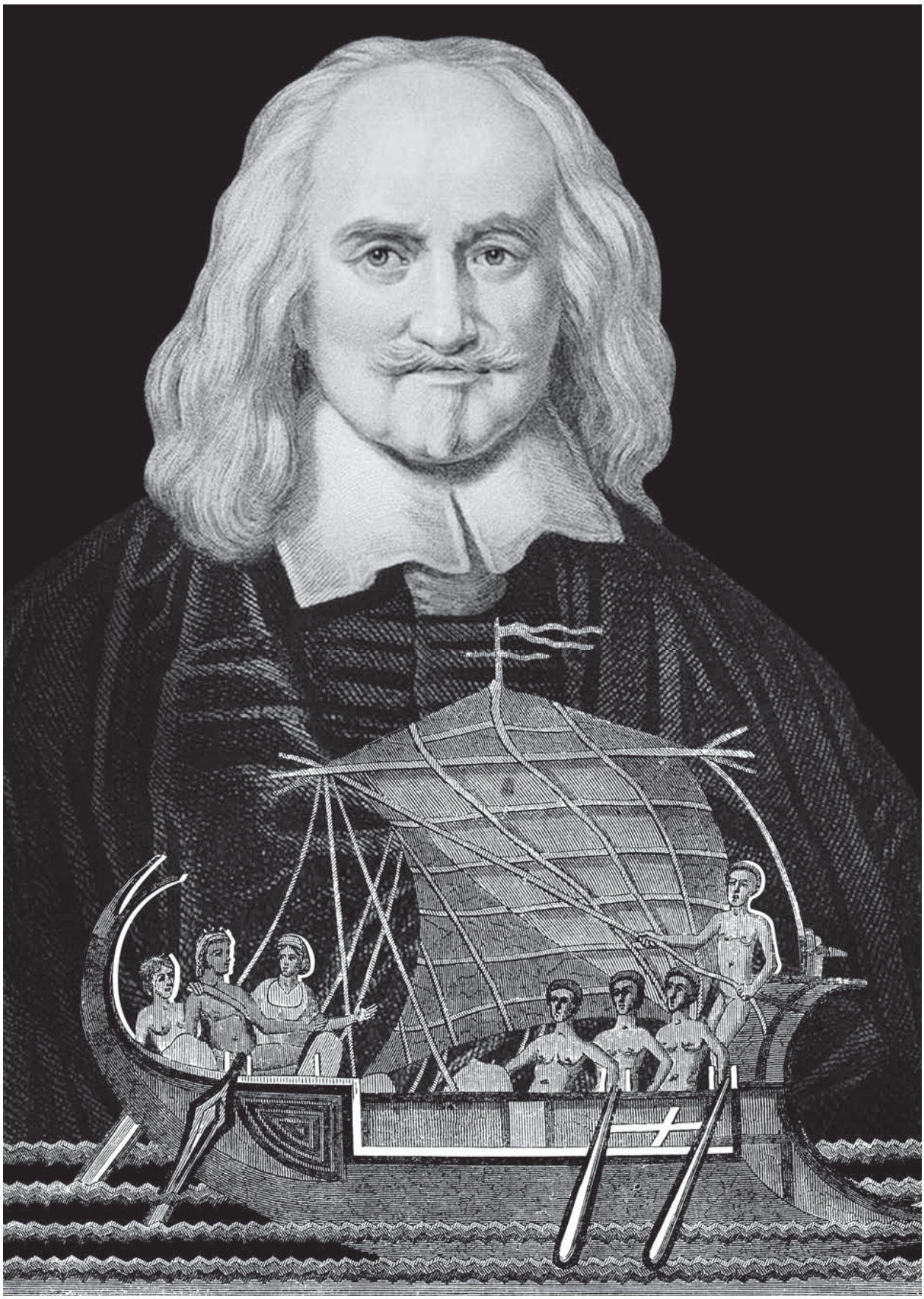
Древнегреческий миф о Тесее гласит, что долгие странствия привели его корабль в негодность, поэтому он вынужден был заменять прогнившие части корабля на новые. Так постепенно, одна доска за другой, корабль полностью был разобран и построен заново. Возникает вопрос: если все части корабля были заменены новыми, то является ли он все тем же кораблем?

С одной стороны, хочется сказать, что это новый корабль, ведь материал, из которого он состоял, полностью изменился. Однако что если в корабле осталась пара старых досок? А что если старых досок осталась половина? Совсем неясно, где прочертить эту границу перехода от того же самого к новому. С другой стороны, можно принять позицию, что материал, из которого состоит корабль не важен, а важен сам факт, что на этом корабле плавал Тесей, важна его форма и его имя, тогда это тот же самый корабль. Впрочем, и у этой позиции есть своя слабость. Английский философ Томас Гоббс (1588–1679) предлагает представить, что кто-то собрал все старые доски с корабля и построил из них корабль заново. Теперь есть два корабля: старый и новый, но какой из них — корабль Тесея?

Этот миф иллюстрирует важную философскую проблему идентичности вещи, бытия тем же самым. Материя, из которой состоят вещи, постоянно обновляется, почему же мы считаем их теми же самыми вещами, что и раньше? Есть ли у идентичности какая-то онтологическая основа или это только предмет человеческих конвенций?

Проблема идентичности важна, так как аналогом корабля Тесея выступает сам человек. От рождения до смерти люди полностью изменяются физически, все клетки тела несколько раз обновляются. Конечно, многие скажут, что есть еще сознание. Но человек может потерять память или страдать раздвоением личности. Представления и воспоминания людей тоже меняются со временем. Является ли старик тем же самым человеком, что был в молодости?

Другой типичный пример корабля Тесея — это государство. Поколения людей сменяют друг друга, меняются границы, формы правления и законы. Можно ли считать, что современная Россия — это то же государство, что и Россия в XX веке? Это не праздное любопытство, от ответа на подобный вопрос зависит внешняя и внутренняя политика государства.

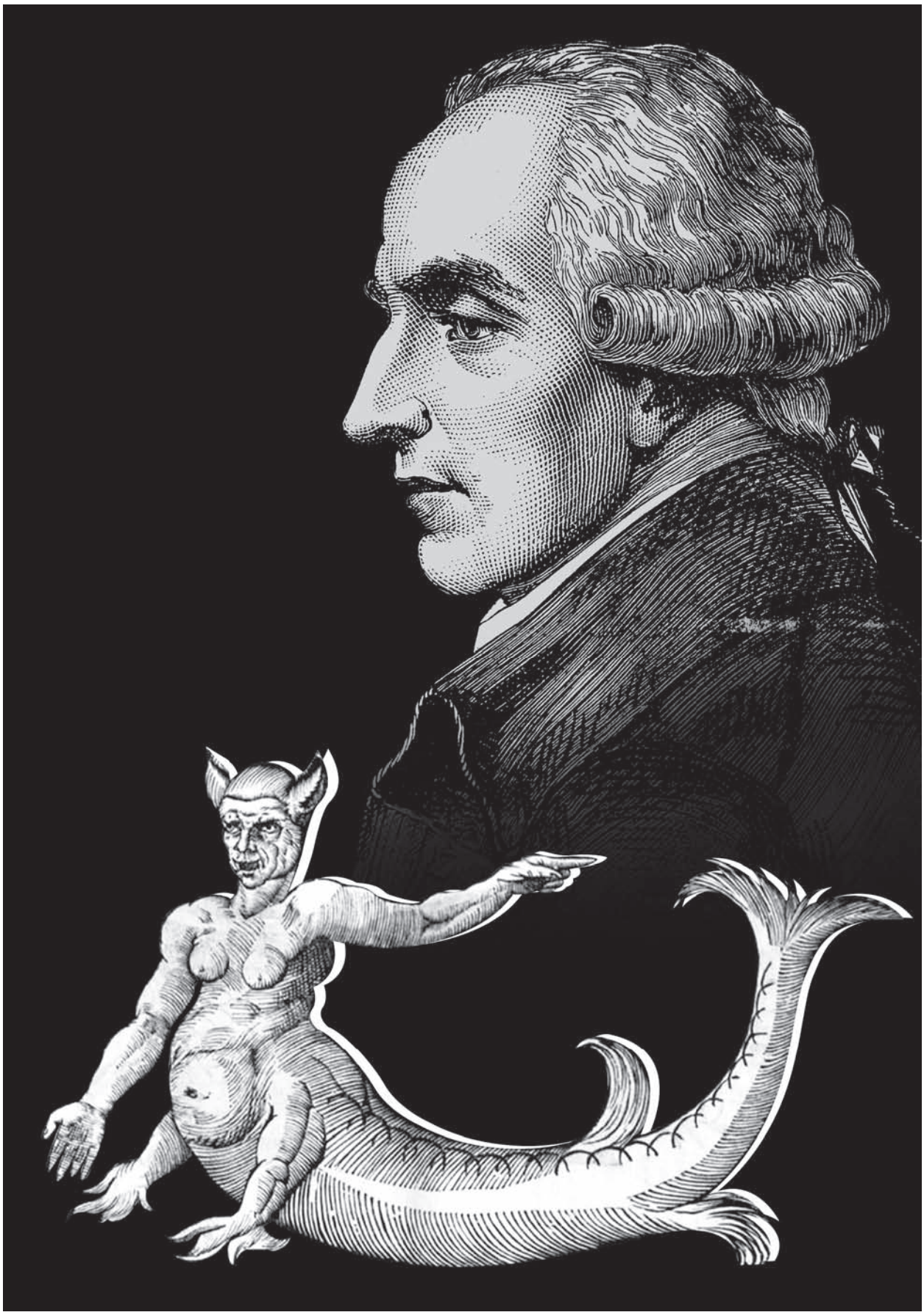
Демон Лапласа

«Аналитическая теория вероятностей», в которой Лаплас предлагает свою концепцию детерминизма, вышла в 1812 году и была посвящена Наполеону Бонапарту со словами о том, что все жизненные проблемы — это не что иное, как проблемы вероятностей. Если принимать лапласовский детерминизм, то поражение Наполеона в войне с Россией было предрешено. Интересно, как бы он отнесся к подобной точке зрения.

Современная релятивистская физика больше не использует концепцию лапласовского детерминизма. Она строит модели вероятностных миров, в которых действуют статистические, а не жесткие закономерности. Правда, пока не вполне ясно, насколько это помогает разрешению проблемы свободы воли.

В обыденном сознании легко уживаются две идеи. Первая состоит в том, что все события имеют причины и следствия. Вторая — что человек обладает свободой воли. Эти идеи ложатся в основу философских концепций детерминизма и спонтанеизма. Философы давно открыли, что они противоречат друг другу. С одной стороны, если человек свободен, это означает, что его действия появляются как бы из ниоткуда, следовательно, они полностью выпадают из причинно-следственных связей. Такое заключение не может быть принято наукой. С другой стороны, если свободы воли нет, то человек не может нести и никакой ответственности за свои действия. Тем самым подрываются основы этики и права. Поэтому философы часто пытаются пройти между Сциллой детерминизма и Харибдой спонтанеизма и предложить какое-то их сочетание. Впрочем, не все думают, что это в принципе возможно. Одним из ярких представителей последних был французский ученый и философ Пьер-Симон Лаплас (1749–1827).

Он сделал ставку на науку. Его концепция впоследствии получила название лапласовского детерминизма — самого жесткого детерминизма из всех когда-либо выдвигавшихся концепций. Он опирался на ньютоновскую физику и считал, что все движения даже самых мельчайших частиц управляются ее законами так же, как ими управляются движения небесных тел. В мире царит абсолютная необходимость. Если какие-то события кажутся нам беспричинными, то это всего лишь следствие ограниченных способностей нашего разума. Представьте себе существо, говорит Лаплас, которое могло бы охватить своим разумом все силы, управляющие материей, а также знало бы скорость движения и положение каждого атома во вселенной. Оно могло бы точно предсказать траекторию движения каждого атома так же, как мы с точностью предсказываем траекторию движения планет. Для этого демона ничего в мире не казалось бы случайным. Случай — это оборотная сторона нашего незнания.

Дуализм Декарта

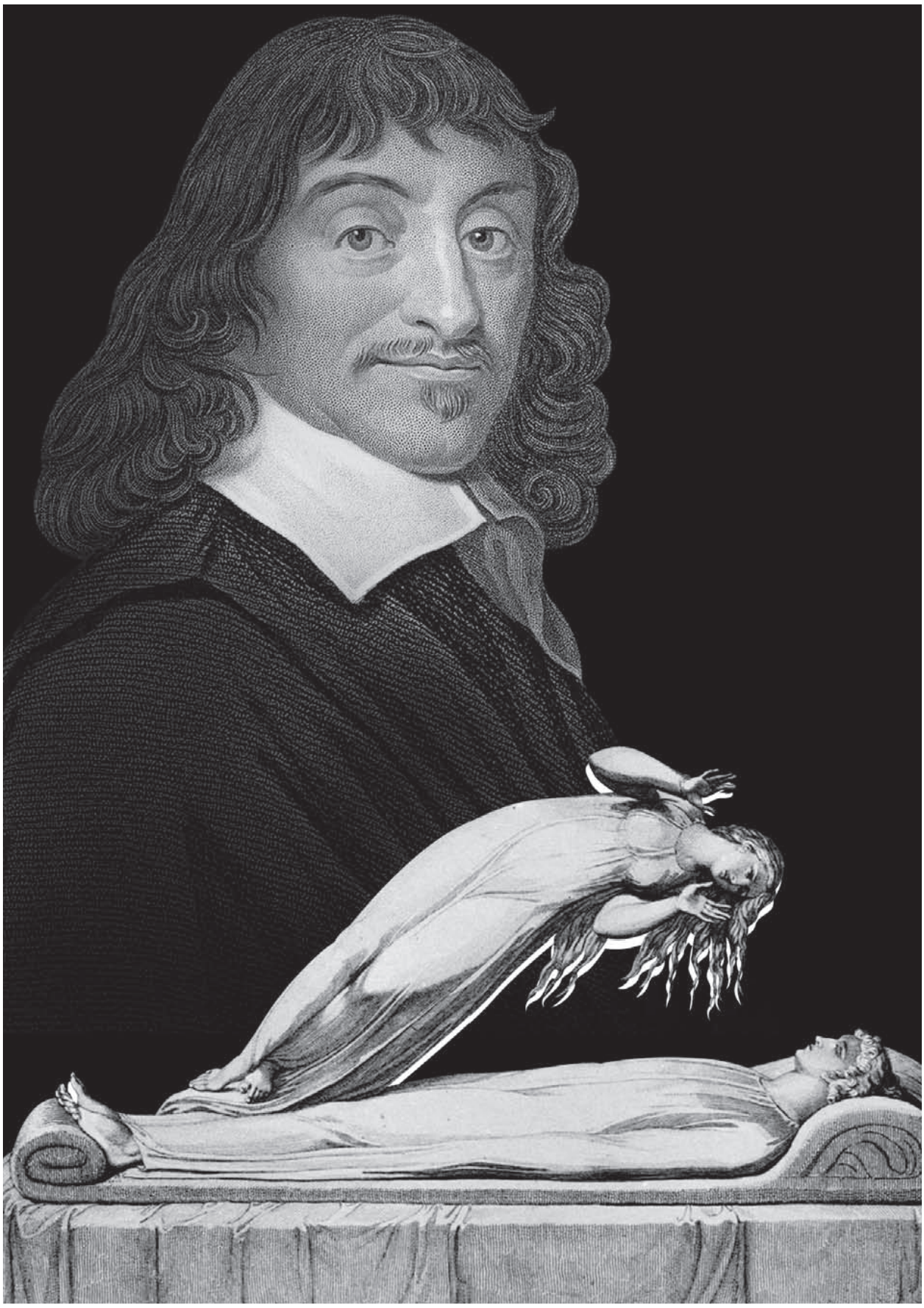
Субстанция (от лат. substantia — *«лежащее в основе», «подлежащее») — философская категория, обозначающая сущности, обладающие самостоятельным, автономным существованием, лежащие в основе многообразия явлений мира.*

Из-за проблемы взаимодействия между субстанциями картезианский дуализм не пользовался у философов особой популярностью. Современные приверженцы дуализма обычно говорят о дуализме свойств: сознание и тело — это не две разные субстанции, а всего лишь два параллельных, не сводимых друг к другу набора свойств, которые принимает единая основа мира.

Когда Декарт нашел свою несомненную истину «Я мыслю, следовательно, существую», первым делом встал вопрос, какова природа того Я, существование которого удостоверяется в акте мышления. Он признает, что до применения радикального сомнения ко всем истинам он полагал, что состоит из тела и души. Однако в самом начале своего рассуждения он назвал все факты о внешнем мире, включая факты о собственной телесности, недостоверными. Значит, Я не может быть тождественно с телом, оно должно быть связано с душой, иметь чисто ментальную природу.

Таким образом, Я — это дух, интеллект, разум, ум, вещь мыслящая. Мыслящая вещь сомневается, понимает, утверждает, отрицает, желает, не желает, представляет, чувствует. Ее главное свойство — осознанность.

Так Декарт вводит дуализм двух субстанций души и тела, материи и сознания, которые лежат в основе универсума. Главные атрибуты тел — протяжение и делимость. Главный атрибут души — мышление. Эти субстанции совершенно автономны друг от друга. Такое радикальное разделение сознания и тела, конечно же, поставило перед Декартом ряд проблем. Во-первых, возникает вопрос: где же именно тогда находится наша душа, если она не протяженна? Декарт неоднократно сам себе противоречит, говоря о том, что душа помещается в теле, как кормчий в своем корабле. Значит, все-таки какая-то пространственная локация есть. Во-вторых, неясно, каким образом можно объяснить взаимодействие между полностью независимыми субстанциями. Очевидно, что сознание оперирует данными, которые ему доставляют телесные органы чувств. Плюс оно способно отдавать телу приказы. Декарт осознавал эту трудность и потому позже стал говорить о шишковидной железе — особом органе взаимодействия между душой и телом.

Мельница Лейбница

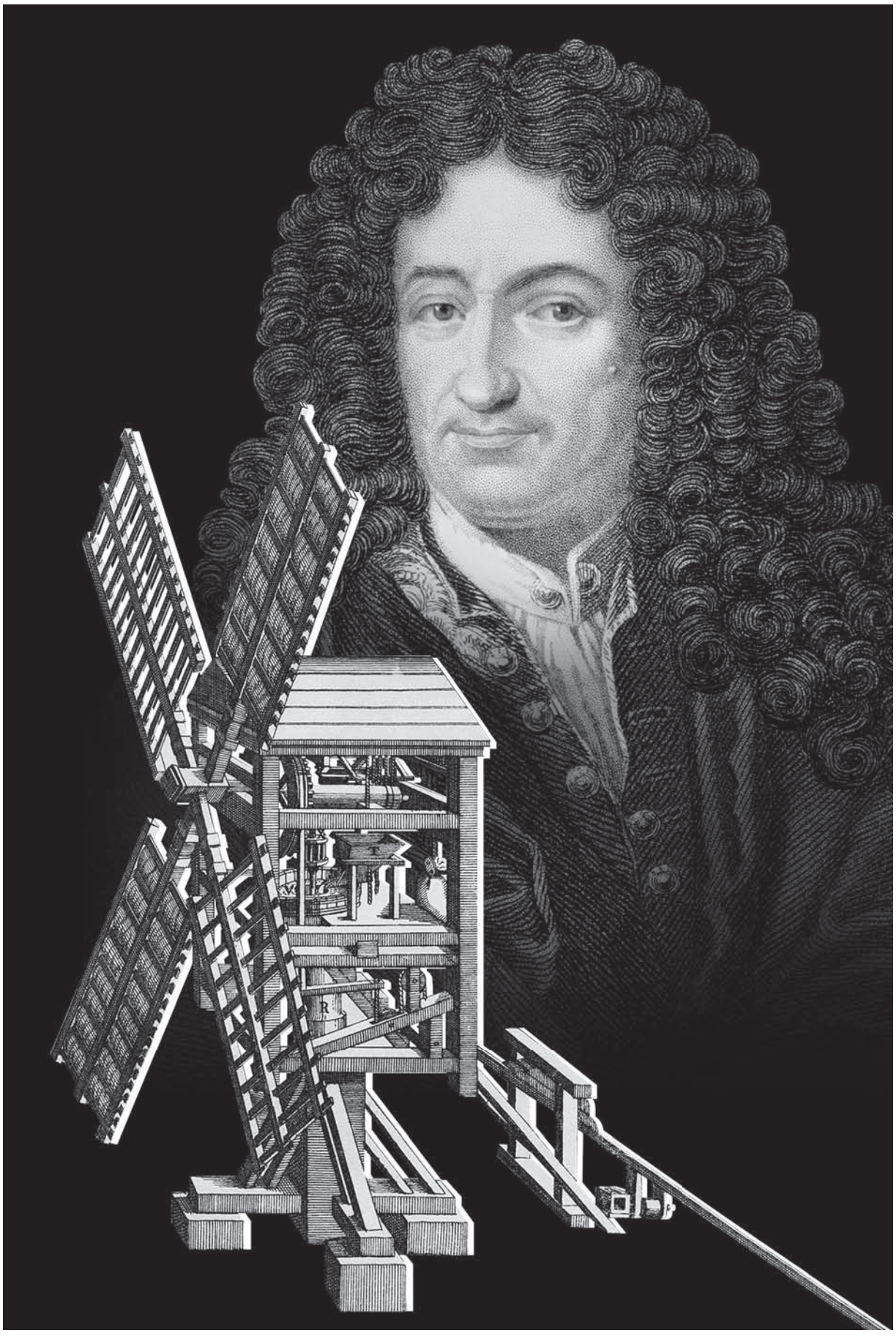
Лейбниц критиковал картезианское понятие протяженной телесной субстанции. Он полагал, что в самом понятии субстанции логически заключена необходимость ее единства, а поскольку тела, по Декарту, бесконечно делимы, они не могут быть субстанциями. Согласно Лейбницу, тела не имеют самостоятельного существования, это лишь феномены, производимые монадами.

Современный австралийский философ Лэвид Чалмерс (род. 1966) разделил проблемы сознания на легкие и одну трудную. Легкие проблемы связаны с вопросами о том, как именно сознание работает — как протекает восприятие, как устроена память и т.д. Это не значит, что все они решены, но они могут быть разрешены методами эмпирических наук. Трудная проблема сознания — это вопрос об онтологическом статусе сознания, то есть вопрос о том, как мозг может быть основой субъективного опыта. Ответа на этот вопрос пока не найдено.

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) — немецкий философ и ученый, основоположник дифференциального исчисления. В философии Лейбниц придерживался рационалистической теории познания, был сторонником концепции врожденных идей и создал многоуровневую онтологию, названную монадологией. В одноименной работе он проводит мысленный эксперимент о природе мышления и сознания, получивший наименование «мельница Лейбница».

Лейбниц предлагает представить себе сложный автомат, машину, производящую мысли, чувства и восприятия. По своим размерам она должна достигать мельницы, чтобы в нее можно было зайти и посмотреть, что там происходит. Так вот, если наблюдатель зайдет в эту мельницу, то он увидит только жернова, колеса, шестеренки, но не найдет в ней ничего, что могло бы объяснить наличие сознания. Этот мысленный эксперимент должен был показать, что мышление не может иметь механическую природу. По Лейбницу, мышление и восприятие — это свойства единых, неделимых и простых субстанций, лежащих в основе всего сущего, а именно монад.

Примечательно, что даже если не принимать лейбницианскую онтологию монад, то более чем за три века мельница Лейбница не потеряла своей актуальности. Благодаря развитию современных нейронаук никто не будет отрицать, что сознание как-то связано с работой мозга. Однако, когда ученые наблюдают за теми процессами, которые происходят в человеческом мозге, они видят там нервные импульсы, химические и физиологические процессы, но не видят там сознания как такового. Сознание по-прежнему необъяснимо из работы мозга, и главное — совершенно неясно, с какого края можно подойти к решению этой трудной проблемы. Именно поэтому, несмотря на все достижения науки в этой области, философские дискуссии вокруг онтологической природы сознания не затихают.

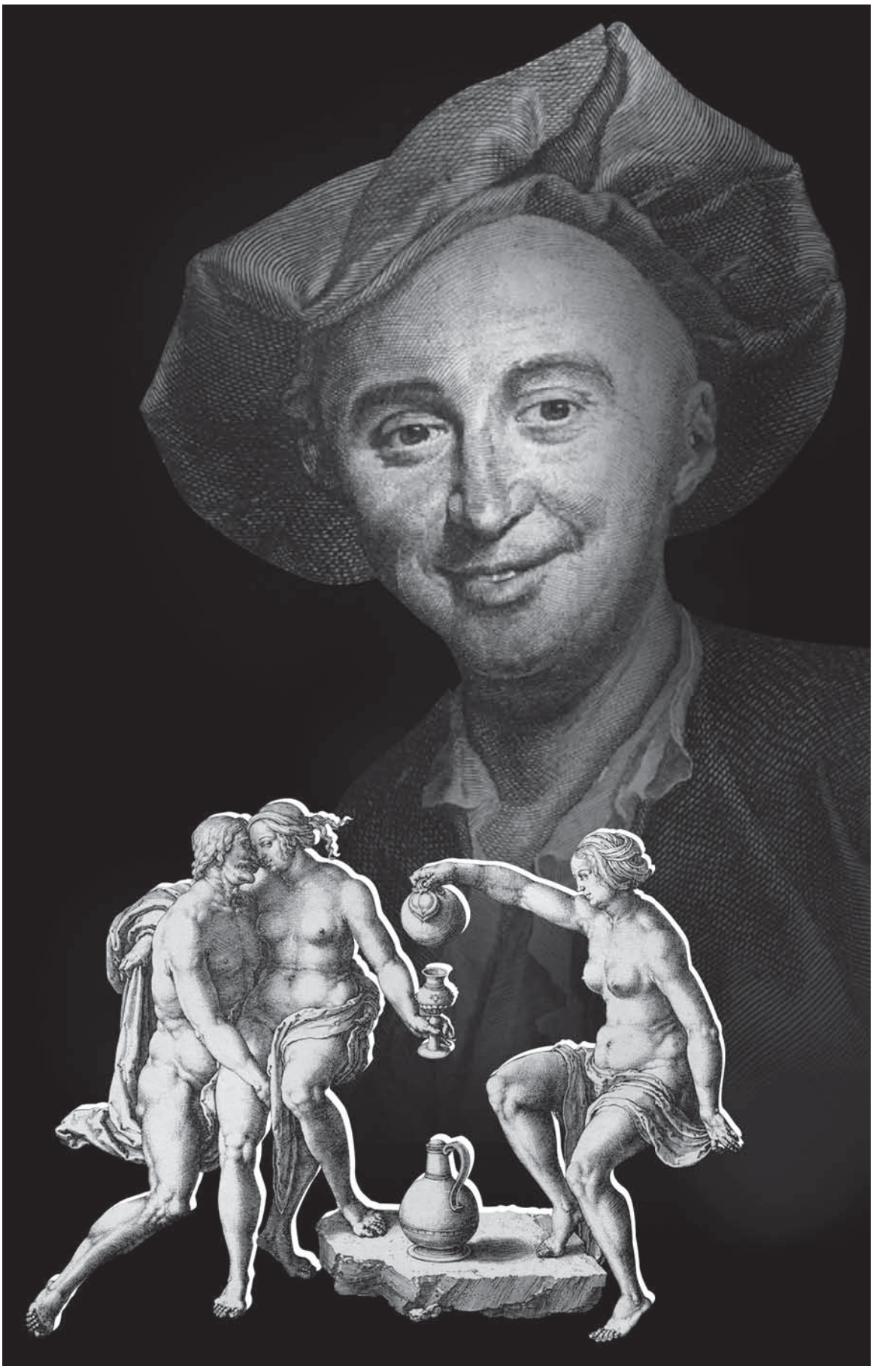
Человек-машина

Гедонизм — этическая позиция, согласно которой человек должен стремиться к удовольствию и избегать страдания. Именно исходя из удовольствия и страдания определяется, что есть добро и зло.

Ламетри пал жертвой собственных философских взглядов. Как последовательный гедонист, он старался брать от жизни все и однажды на празднике, устроенном в его честь, объелся трюфельного паштета, что привело к отравлению, которое перешло в сильную горячку, закончившуюся смертью.

Одним из центральных течений философии французского Просвещения был материализм. Материалисты придерживались точки зрения, что в мире не существует ничего, кроме материи. Чувства с несомненностью свидетельствуют о существовании материальных объектов. О существовании же бестелесных субстанций чувственный опыт ничего не говорит, а раз это так, то разумно предположить, что они просто не существуют. Естественно, материалистический подход к миру обуславливает и определенную концепцию человека. Жюльен Офре де Ламетри (1709–1751) называет ее «человек-машина».

Обычно философы соглашались, что природа человека двойственна: с одной стороны, он обладает материальным телом, а с другой — имеет нематериальную душу. Однако, если в мире существует только материя, ни о какой двойственности речи быть не может, человек — тоже чисто физическое, материальное существо. Согласно Ламетри, человек — это автомат, самозаводящаяся машина, всецело подчиненная физическим законам. Душа — это химера, лишенный содержания термин, за которым не стоит никакой реально существующей субстанции. Этим термином обозначается та часть человеческого организма, которая отвечает за мышление, но это совсем не значит, что мышление имеет нематериальную природу. Оно зависит от устройства мозга и подвержено влиянию болезней, возраста, диеты и т.п. В основе всех мыслей и действий лежит физическая чувствительность. Из этого следует, что действия и мысли человека всецело детерминированы материальными причинами, нет никакой свободы воли. Отсюда Ламетри также выводит свою гедонистическую этику: человек-машина стремится только к удовлетворению собственных потребностей.

Призрак в машине

Идея «призрака в машине» как категориальной ошибки служила для Райла подтверждением бихевиоризма, то есть доктрины отождествления ментальных процессов с поведением.

Проблема подхода Райла заключается в том, что далеко не все ментальные состояния возможно перевести на язык поведенческих диспозиций. Возьмем, к примеру, предложение «Оля представила себе, как бы она выглядела в новом платье». Предрасположенностью к какому поведению оно может объясняться?

Хотя далеко не все философы симпатизировали картезианскому дуализму, согласно которому тело и сознание — это две разные субстанции, он оказал огромное влияние на самые разные концепции. Многие философы вслед за Декартом стали одновременно принимать два тезиса: тело имеет физическую природу, оно подобно слаженно работающей машине, а сознание — это чистое мышление, не имеющее физического субстрата, которое тем не менее способно руководить телесной машиной. Английский философ Гильберт Райл (1900–1976) назвал эту концепцию сознания «призраком в машине» и подверг ее яростной критике.

Согласно Райлу, представление о сознании как независимом центре управления человеческими действиями возникает из-за категориальной ошибки. Категориальная ошибка происходит тогда, когда какие-то факты или объекты представляют так, как если бы они относились к одной категории, в то время как они принадлежат к совершенно другой. К примеру, представьте, что ребенка впервые отвели в зоопарк и пообещали, что он увидит там зверей. Ему показали слона, верблюда, лошадь, тигра и т.д. В конце ребенок спрашивает: «А где же звери?» Он думал, что «звери» — это категория, обозначающая вид животных, подобно «слонам» и «тиграм». Недоразумение разрешится, если объяснить ребенку, что слоны и верблюды — это и есть звери. Для Райла утверждение, что одновременно существуют сознания и тела, это такая же категориальная ошибка. Сознание не является чем-то существующим наряду с телом, человеческое тело и поведение и составляют сознание, как слоны и верблюды составляют зверей.

Таким образом, когда речь идет о ментальных состояниях, как в предложении «Оля сегодня печальна», не следует думать, что в голове Оли протекают какие-то субъективные приватные процессы, которые становятся причиной ее печали. Всего лишь имеется в виду, что Оля предрасположена сегодня к определенному поведению, которое мы характеризуем как печаль.

Суперспартанец и суперактер

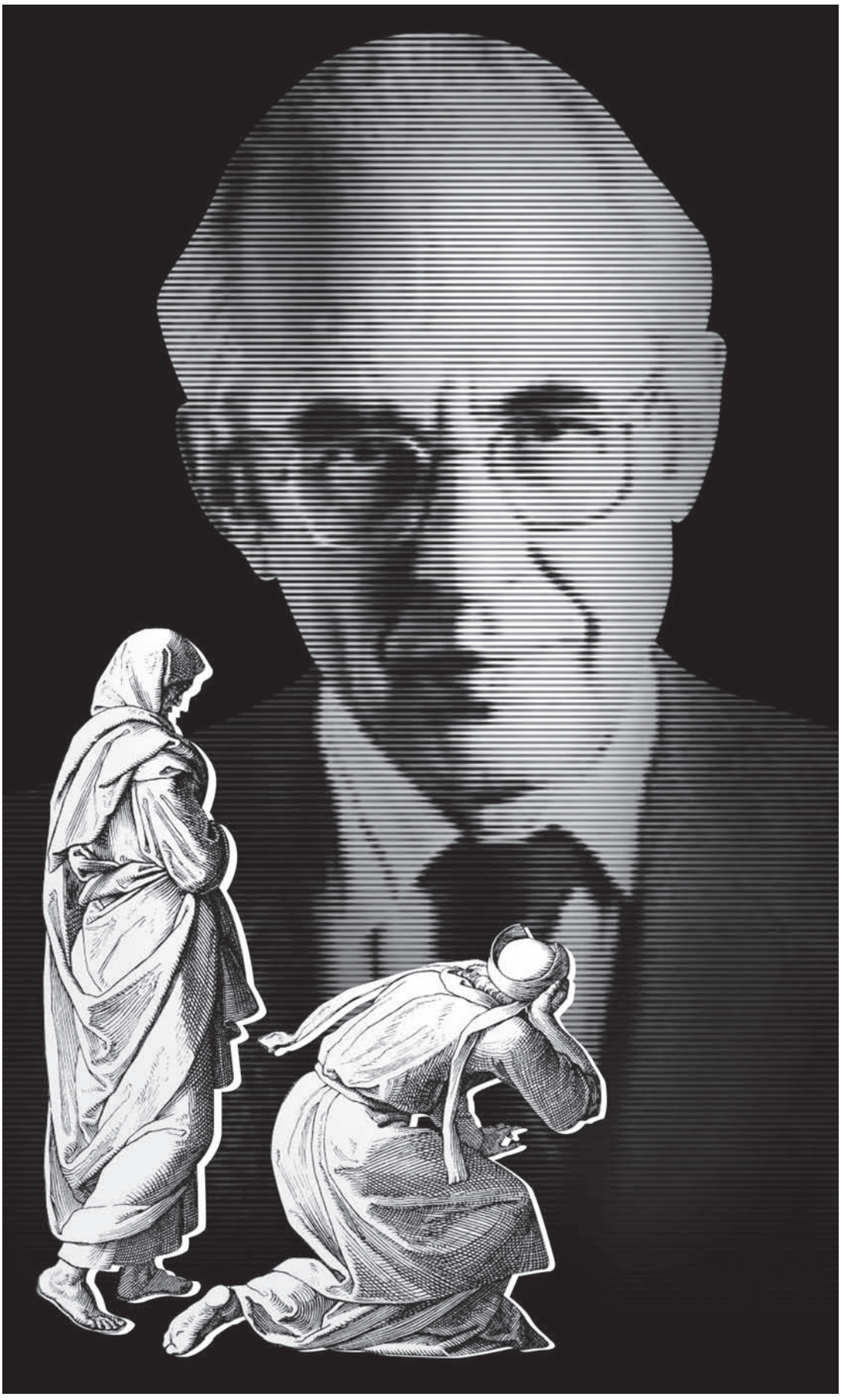
Поскольку функционализм обходит стороной вопрос о природе сознания, то он совместим практически со всеми теориями сознания, кроме бихевиоризма. Поэтому Патнэму было важно показать несостоятельность последнего. Ментальные состояния не могут отождествляться с диспозициями к поведению, поскольку они являются причинами этих диспозиций.

Функционализм строится на уподоблении сознания своеобразной компьютерной программе, которая обрабатывает информацию, получаемую ею на входе, и выдает какой-то результат на выходе.

Бихевиоризм был одним из самых влиятельных течений в философии и психологии XX века. Как явствует из его названия, он ставил в центр рассмотрения человеческое поведение. Его приверженцы считали, что любые внутренние состояния и процессы могут и должны быть описаны чисто во внешних поведенческих терминах. Это означает, что фраза «Он испытывает сильную боль» означает не то, что он испытывает особое внутреннее состояние, но то, что он проявляет диспозиции к определенному типу поведения: стонет, стискивает зубы, корчится и т.п.

Американский философ Хилари Патнэм (1926–2016) придумал аргумент, демонстрирующий некорректность такого подхода. Представьте себе двух человек. Первого можно назвать суперспартанцем. Он чувствует жуткую зубную боль, но усилием воли не позволяет ни единому мускулу дрогнуть на своем лице. Тем самым, несмотря на наличие у него ментального состояния боли, он не проявляет никаких диспозиций к болевому поведению. Второй человек — это суперактер. Он ничего не чувствует, но виртуозно изображает любые эмоции: боль, отчаяние, счастье, любовь. В его случае диспозиции к болевому поведению имеются, но не имеется никакой сопровождающей их боли. Таким образом, сведение внутренних ментальных состояний к внешним поведенческим проявлениям невозможно.

Сам Патнэм придерживался так называемой доктрины функционализма в философии сознания. Согласно функционализму, сознание — это черный ящик. Мы не можем описать его природу, но мы можем описать то, что поступает в него на входе, например чувственные данные, и то, что он выдает на выходе, например болевое поведение. Поэтому ментальные состояния описываются как функциональные состояния, то есть состояния, имеющие конкретные причины (входные данные) и следствия (выходные данные).

Китайская комната

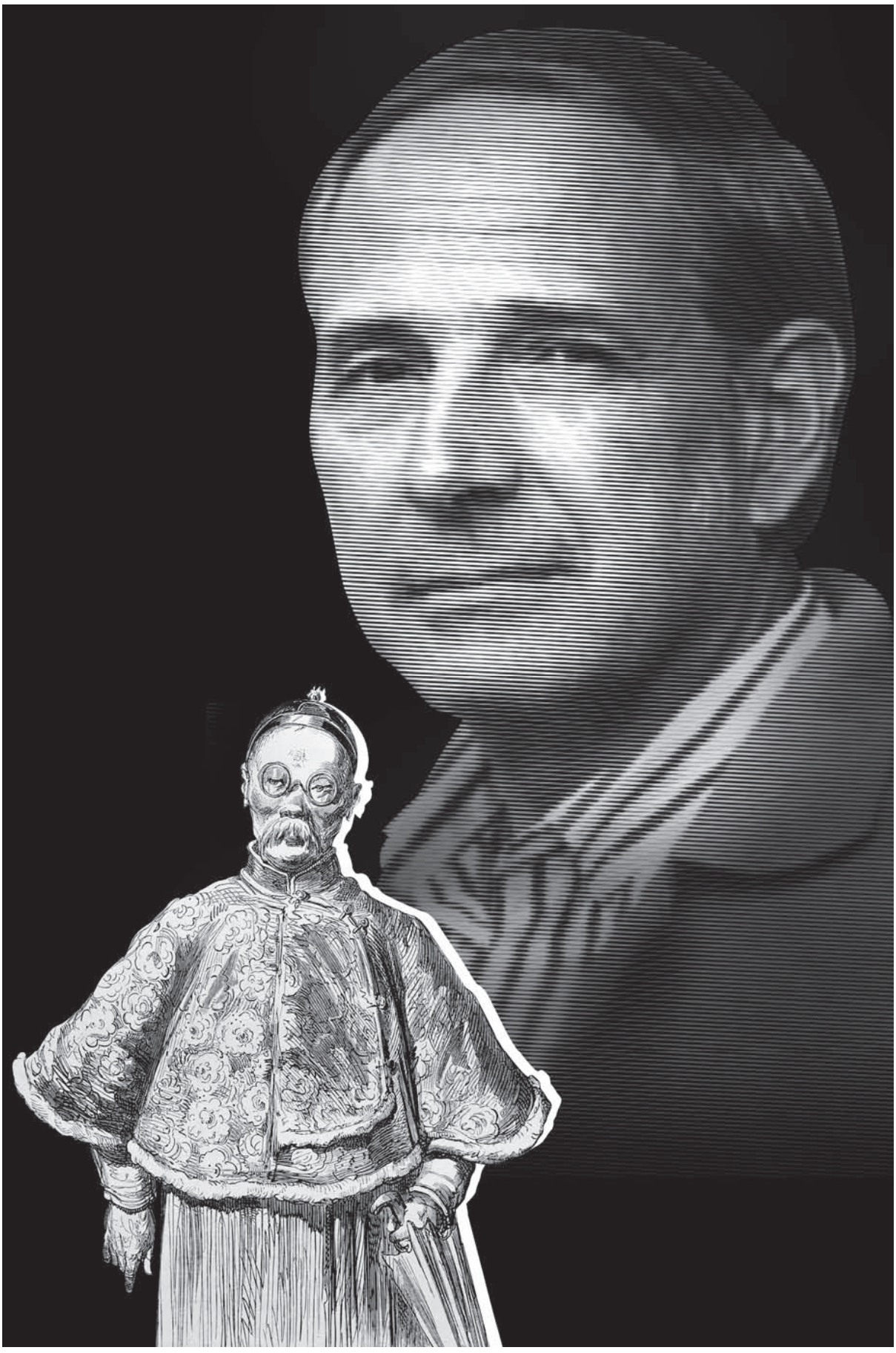
Серл считал, что компьютерная метафора не позволяет объяснить субъективный характер человеческого опыта «каково это быть кем-то», «каково это понимать нечто» и т.п., который и является центральной проблемой в философии сознания.

Развитие компьютерных технологий и разработок в области искусственного интеллекта в конце XX века навело философов на мысль, что мозг может быть рассмотрен по аналогии с компьютером, а сознание — по аналогии с программным обеспечением, которое на него устанавливается. Так возникла компьютерная метафора сознания. Особое влияние на нее оказало появление программ, которые могли пройти тест Тьюринга, то есть заставить своего собеседника сомневаться, имеет ли он дело с живым человеком или с программой. Если программа ведет себя в точности как человек, то почему нельзя предположить, что и человек ведет себя в точности как программа.

Американский философ Джон Серл (род. 1932) выступал против отождествления сознания и компьютерной программы с оригинальным аргументом китайской комнаты. Представьте себе человека, сидящего в закрытой комнате. Вы не видите, что в ней происходит, но можете с ним говорить. Вы говорите с ним по-китайски. Он дает осмысленные, с вашей точки зрения, ответы. Согласно Серлу, вполне возможно, что он не знает при этом китайского языка. Просто он, подобно компьютерной программе, следует определенному синтаксическому алгоритму, указывающему ему, какие выражения нужно ставить в соответствие поступающей информации.

Скажем ли мы про человека из китайской комнаты, что он понимает китайский язык? Очевидно, нет. Ведь он просто получает и выдает ничего не значащий для него набор символов, поскольку ему предоставлен синтаксис китайского языка, но недоступна семантика. Значит, сознание не может отождествляться с компьютерной программой, потому что ей не присуще понимание, сопровождающее человеческие ментальные процессы.

Критики Джона Серла указывали, что человека в китайской комнате легко вывести на чистую воду. Достаточно спросить у него, который час. Никакая программа не может учесть, когда конкретно будет задан вопрос. Чтобы ответить на него корректно, человек в китайской комнате должен иметь инструкцию, согласно которой при определенном наборе символов на входе он должен посмотреть на часы. Тем самым он получает семантическую информацию, и уже нельзя сказать, что он не понимает по-китайски. То есть и про компьютерную программу можно сказать, что она «понимает».

Философские зомби

Дэвид Чалмерс, в работах которого проблема представимости мира зомби занимает одно из центральных мест, создал зажигательный «Зомби-блюз», который он сам же и исполняет на философских конференциях.

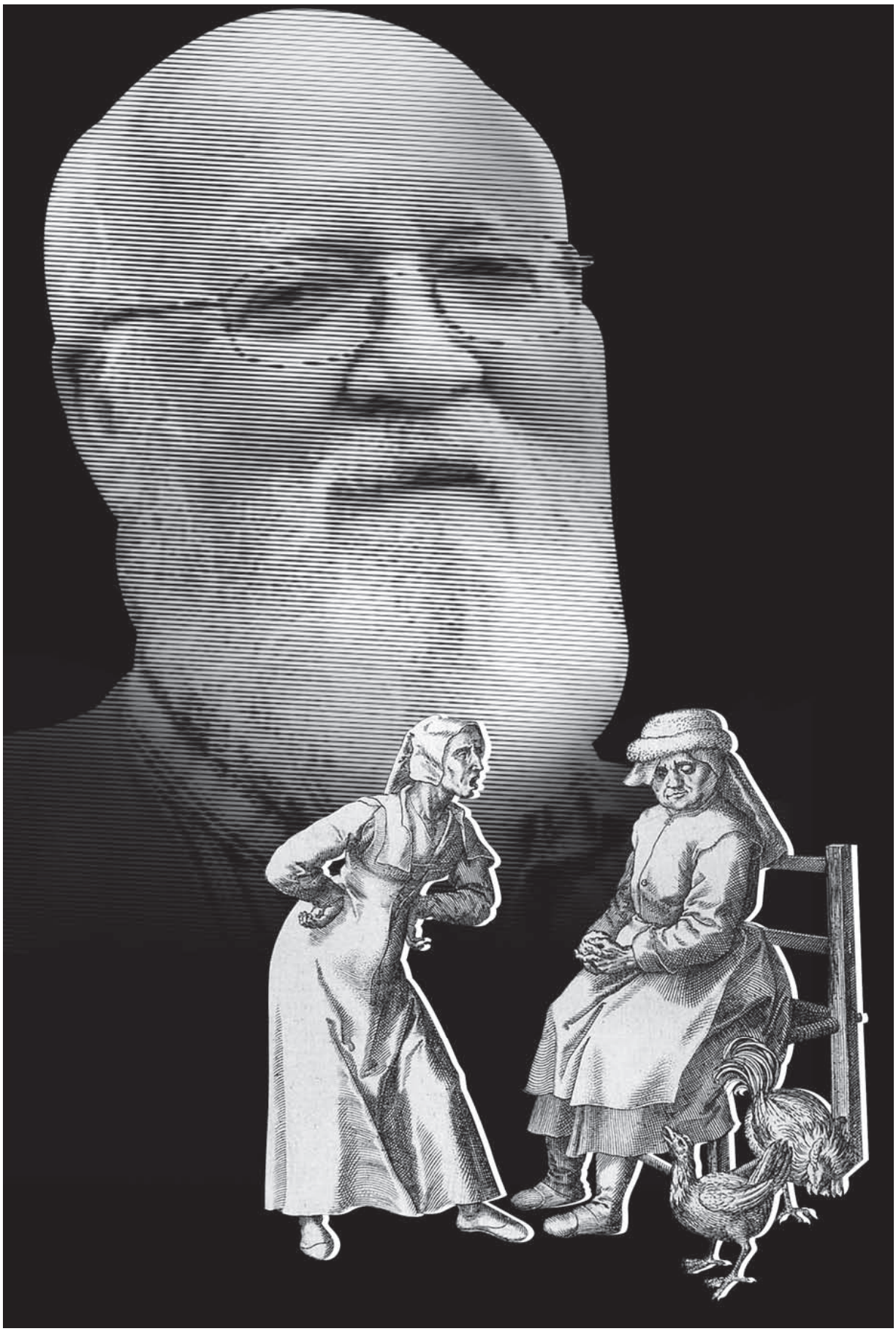
Американский философ Дэниел Деннет (род. 1942) в некоторых из своих работ заявлял, что философские зомби не просто возможны, но они существуют, и этими зомби являются сами люди. Сознание, по Деннету, не обладает реальным самостоятельным существованием. Это всего лишь иллюзия, создаваемая мозгом в процессе его работы. И люди видят эту иллюзию только потому, что ее существование было эволюционно выгодно.

Тема зомби активно эксплуатируется массовой культурой. Неудивительно, что она нашла свое место и в философии, а именно философии сознания. Правда, философские зомби сильно отличаются от тех кровожадных живых мертвецов, которых рисуют фильмы-апокалипсисы. Философские зомби — это существа, физически и поведенчески полностью идентичные человеку, но не обладающие при этом сознанием. Они выглядят как люди, ведут себя как люди, говорят как люди, но у них полностью отсутствуют субъективные человеческие переживания. Если такой зомби поскользнется и упадет, он скажет: «Черт побери», и потрет ушибленное место, но ничего не почувствует.

Конечно, зомби не существуют, однако, если удастся доказать, что мир, населенный подобными существами, возможно помыслить непротиворечиво, что он в принципе мог бы быть возможен, это становится серьезной проблемой для материалистических, или, как их еще называют, физикалистских, теорий сознания.

Физикалисты говорят о том, что в мире не существует ничего, что имело бы нефизическую природу. Потому сознание может быть объяснено сведением к физическим процессам, протекающим в мозге человека. Согласно такой позиции, мир зомби был бы невозможен, ведь если он устроен в точности, как наш, и зомби представляют нашу точную физическую копию, то они должны были бы обладать сознанием. Если же мир зомби в принципе возможен, то в нашем мире должно существовать еще что-то, помимо физического, что и объясняло бы сознание. Тем самым появляется возможность для утверждения дуализма между физическими фактами и независимым от них сознанием.

Так возможен ли мир зомби? Современные философы сознания пока не пришли к единой точке зрения: одни считают, что он возможен и физикализм ложен, другие приводят множество аргументов в пользу его невозможности и в защиту физикализма.

Мир в скобках

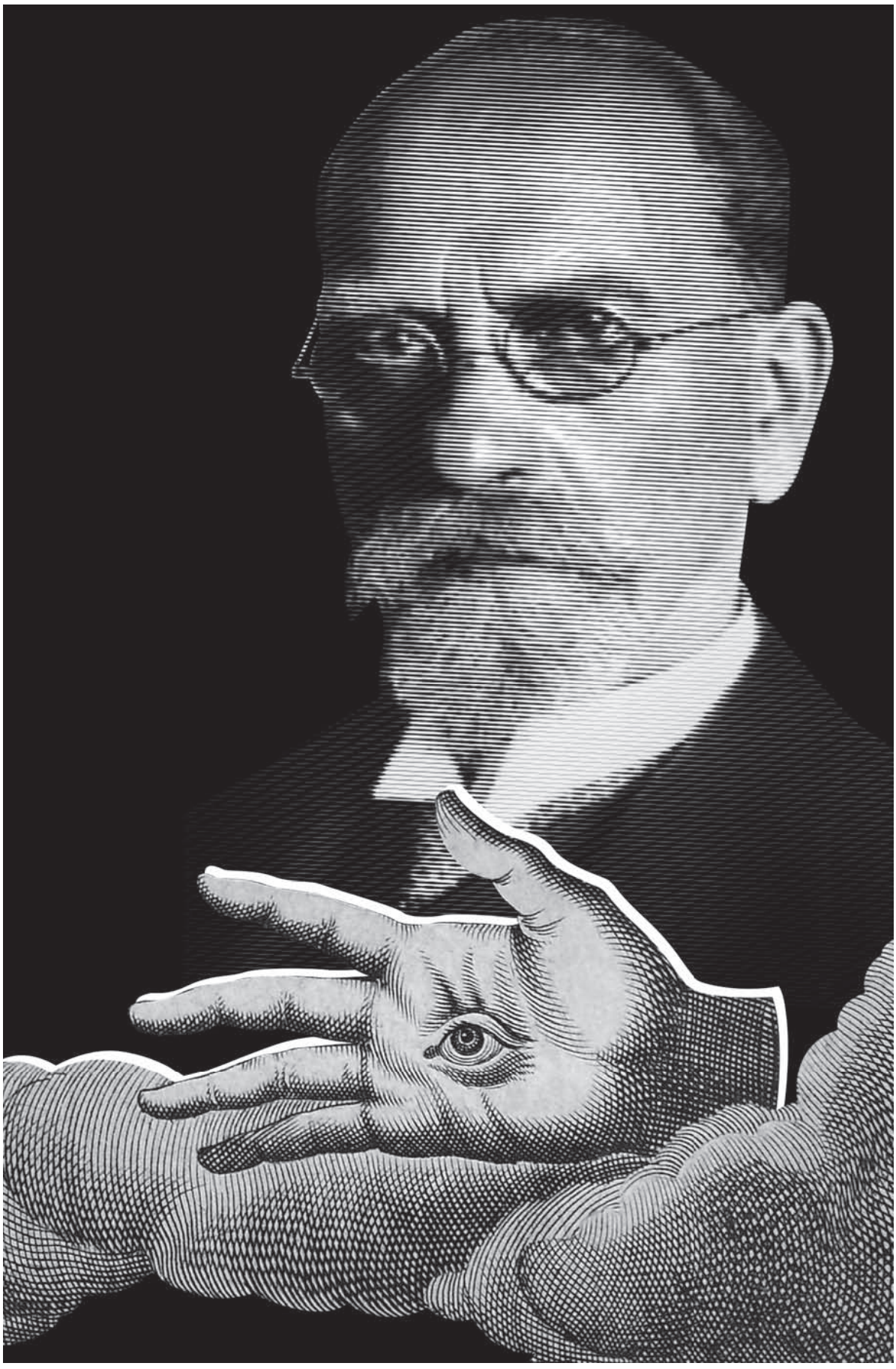
Представление об интенциональности сознания Гуссерль заимствует у австрийского философа Франца Брентано (1838–1917). Согласно Брентано, любые физические объекты просто есть и все, а сознание, в отличие от них, — это всегда сознание о чем-то.

Гуссерль полагал, что феноменология — это не просто отдельная ветвь философии, но универсальная наука о действительности. В ее рамках должен был осуществляться переход от описания феноменов индивидуального сознания к априорным содержаниям сознания, очевидность которых переживается всеми одинаково (как истины математики и логики), а затем и к первичному источнику смыслополагания — трансцендентальному Я, универсальной субъективности, конституирующей весь мир. Таким образом, феноменология должна охватывать собой все регионы бытия.

Немецкий философ Эдмунд Гуссерль (1859–1938) считал, что изучению сознания мешает так называемая естественная установка, характерная для наук и обыденных представлений. Она ставит в центр рассмотрения не содержание сознания как таковое, но вопрос, откуда оно берется, каковы психологические процессы, в нем протекающие, каково его соотношение с объектами внешнего мира. Согласно Гуссерлю, для объяснения сознания вообще не важно, существуют ли объекты на самом деле или нет, важен сам факт направленности сознания на объект, его интенциональность.

Он отталкивался от идеи, что содержание сознания — это не предметы, ценности, цели и т.п., но особый субъективный опыт, в котором они являются человеку. Иначе говоря, в сознании человеку даны только феномены. Феномен — это схватывание объекта, прояснение смысла, сопровождаемое особой очевидностью и щелчком «Ага!». Феномен не может существовать без своего объекта. Это всегда «сознание-о» чем-то. Значит, сознание не может быть пустым, оно не подобно комнате, в которую мы помещаем предметы. Сознание — это поток феноменов, и оно существует только там, где существует интенциональность.

Гуссерль считал, что исследование феноменов сознания может быть научным, только если отойти от естественной установки и отказаться от любых суждений о внешнем мире. Естественная установка несет с собой множество стереотипов и концепций, искажающих то, как вещи даны нам в сознании. Поэтому нужно вернуться от нее к самим вещам, как они предстают перед человеком в их очевидности и самоданности. Как говорит Гуссерль, нужно заключить мир в скобки, только тогда вещи проявятся в своем подлинном беспредпосылочном виде как смыслы. Таким образом, только через отказ от суждений о мире возможно возвращение к миру — миру, который не противопоставлен сознанию, но сливается с ним.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЧЕЛОВЕК, ЭТИКА, РЕЛИГИЯ

Благородный муж

Конфуций был первым в истории Китая профессиональным преподавателем. У него обучались более трех тысяч учеников. При этом в своей школе он на практике применял свои идеи: к обучению допускались все желающие, независимо от их происхождения, что по тем временам было прорывной идеей. Ученик только должен был заплатить символическую плату — связку сушеного мяса.

Очевидно, в образе благородного мужа Конфуций видел прежде всего себя самого. Еще в молодости он пытался направлять маленьких людей, взобравшись вверх по чиновничьей лестнице. Однако эти попытки не увенчались особым успехом, и он оставил их, посвятив себя преподаванию. Лишь во II веке до н. э., в эпоху Хань, он был признан «некоронованным царем», «подлинным властелином», а его учение обрело статус официальной религии.

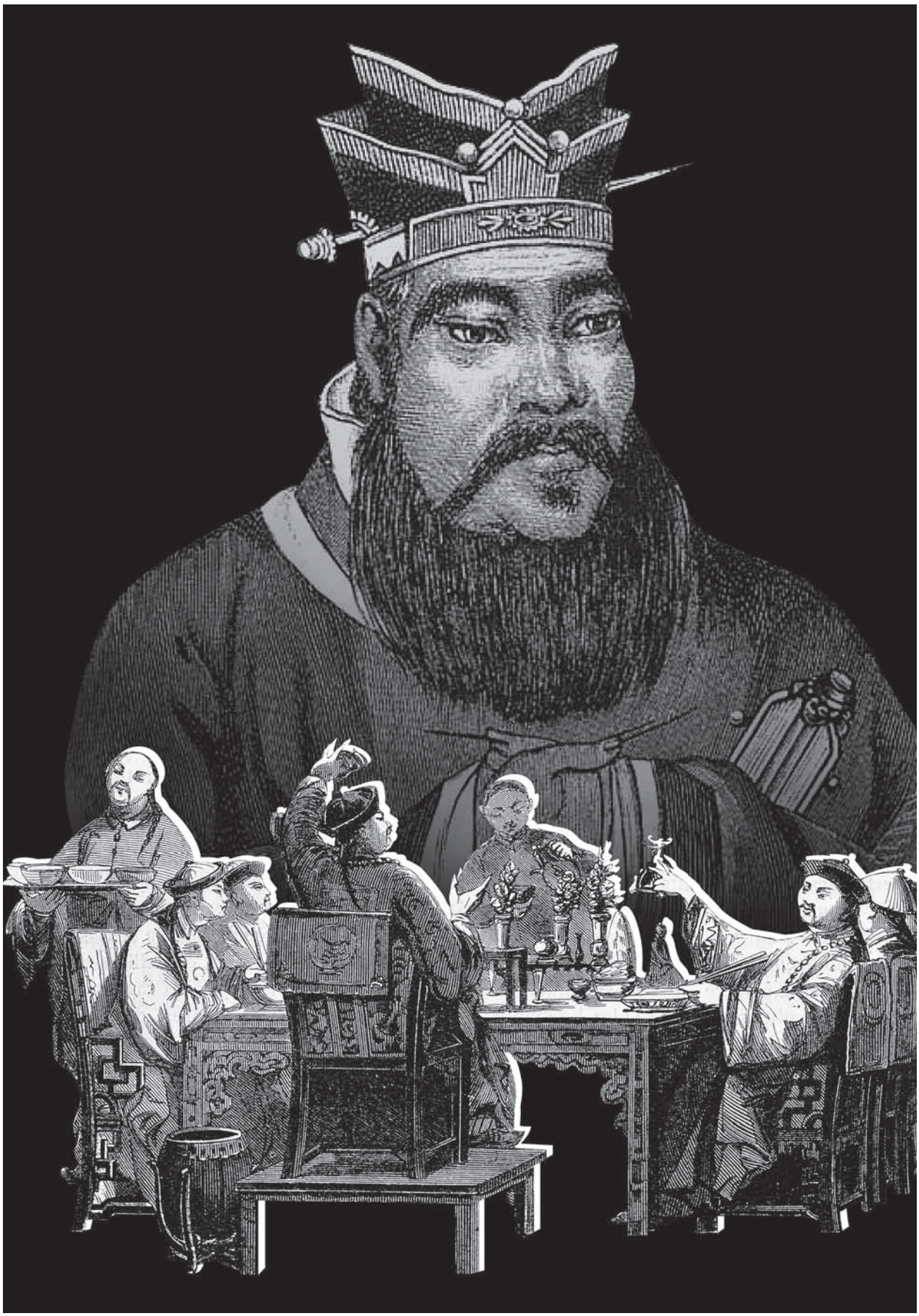
В центре этического учения китайского философа Конфуция (552/551–479 до н.э.) было представление о благородном муже — цзюнь цзы. Его благородство определялось не его происхождением, но идеальным сочетанием духовных и нравственных качеств, которые, в свою очередь, должны были обеспечивать ему право и на высокий социальный статус.

Что же это за качества? Во-первых, сыновья почтительность. Конфуций трактовал государство как одну большую семью, в которой правитель — это сын Неба и одновременно отец и мать народа. Поэтому сыновья почтительность была возведена в ранг всеобщей добродетели: с почтительностью нужно было относиться к каждому старшему — по возрасту, по социальному положению, по карьерной лестнице.

Во-вторых, гуманность. Благородный человек не просто внешне следует формальным законам приличия, но обладает внутренней любовью к людям, милосердием, добротой. Это прежде всего проявляется в следовании золотому правилу нравственности: поступать по отношению к другим только так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой.

В-третьих, безорудийность. Благородный муж противопоставлен маленькому, низкому человеку, который не видит ничего, кроме своих эгоистических интересов. Благородный муж руководствуется не сиюминутной выгодой, а общей справедливостью, он преодолевает свои слабые низменные стороны и поднимается к благопристойности. Поэтому благородный муж должен направлять маленьких людей, как ветер направляет траву.

Наконец, благородный муж познал свое небесное предопределение. Предопределение не тождественно року, парализующему волю человека, скорее оно показывает, как человек может прожить свою жизнь, максимально реализовав себя. Поэтому благородный муж не прозябает на земле, ведя бессмысленное существование, но знает, в чем состоит высшая цель его жизни, и он прилежно и настойчиво к ней идет.

Золотая середина

Термин «этика» был придуман Аристотелем. Он произвел его от понятия «этос» — «жилище», «очаг», «нора». По Аристотелю, этика изучает добродетели и их роль в достижении счастья, а также исследует, какой нрав человека является наилучшим.

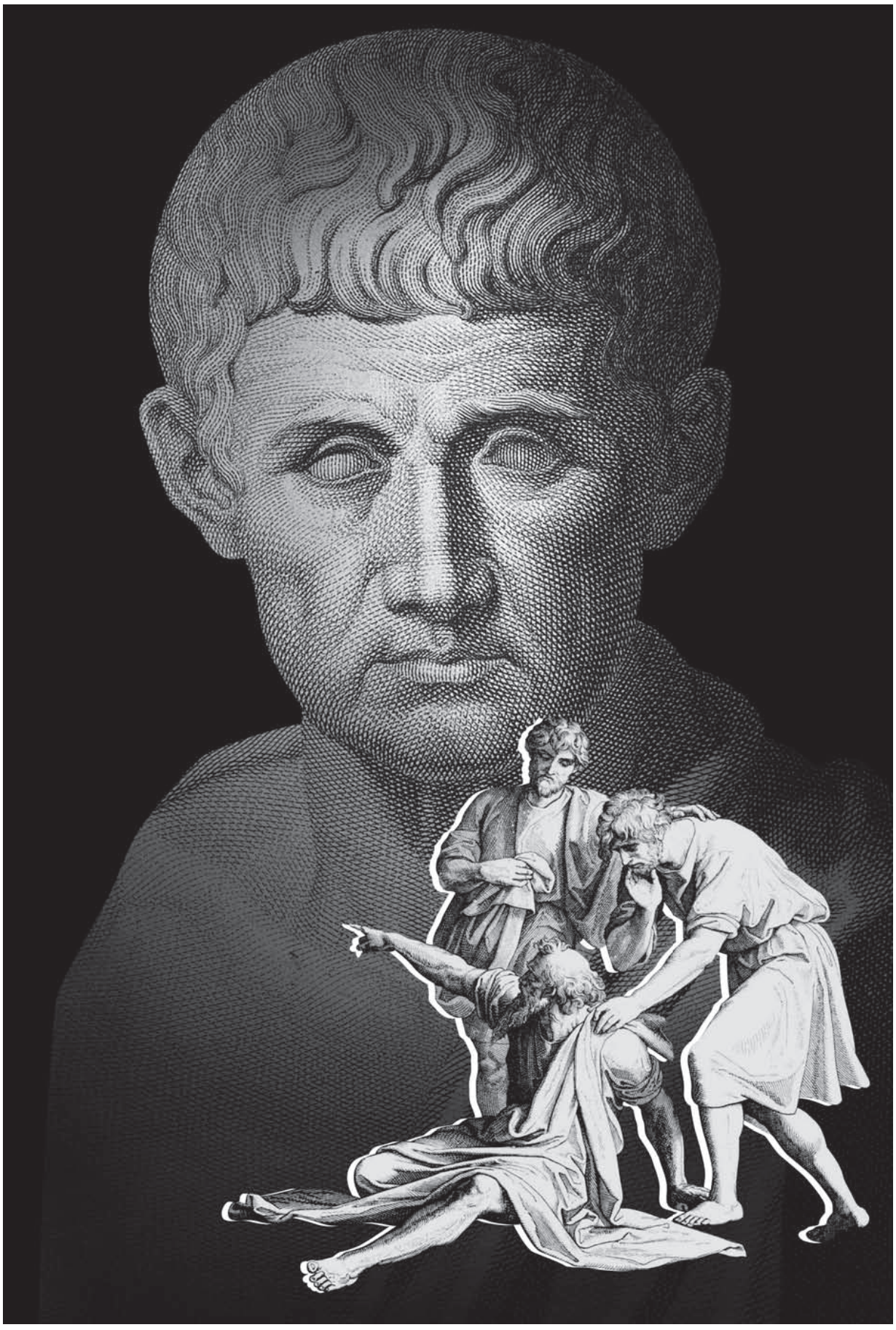
Аристотелевская этика относится к числу так называемых эвдемонических учений, так как она ставит понятие счастья в центр своего рассмотрения. Счастье — это высшее благо, главная цель человеческих действий. Добродетельный образ жизни — это путь к его достижению.

Все люди в мире каждый день вынуждены решать вопрос о том, как поступить в конкретной ситуации наилучшим образом. Аристотель считал этот вопрос центральным для этики.

Согласно Аристотелю, в своих поступках каждый человек так или иначе стремится к благу. Благо — это высшая цель, руководящая всей человеческой деятельностью. Чтобы достичь блага, человек должен поступать добродетельно. При этом добродетель понималась им не как набор каких-то хороших, правильных качеств, присущих личности, но как способность всегда поступать наилучшим образом при любых обстоятельствах.

Как же этого добиться? Придерживайтесь середины, говорит Аристотель. Добродетелен тот, кто следует мере между двумя крайностями. В любой ситуации возможны три образа действий, два из которых порочны: один — в силу избытка действия, а другой — в силу недостатка, и только третий образ действия, расположенный между этими крайностями, является похвальным. К примеру, мужество лежит между страхом за свою жизнь и безумной отвагой, благоразумие — между бесстрастием и распущенностью, щедрость — между скупостью и мотовством, дружелюбность — между подхалимством и вздорностью, правдивость — между хвастовством и притворством.

Впрочем, Аристотель признает, что определить, где находится золотая середина в конкретной ситуации, не так просто. Этика — это не бухгалтерия, а добродетельность — не среднее арифметическое. Например, благоразумие находится гораздо ближе к бесстрастию, чем к распущенности. Таким образом, верное видение золотой середины — это своего рода привычка, которая приходит только с опытом в результате взаимодействия с другими людьми.

Парадокс Эпикура

Самым главным благом Эпикур считал человеческий разум, поскольку он позволяет человеку делать правильный выбор, чего избегать, что претерпевать и к чему стремиться. Разум учит нас, что нельзя жить сладко, не живя разумно, хорошо и праведно, и наоборот: нельзя жить разумно, хорошо и праведно, не живя при этом сладко.

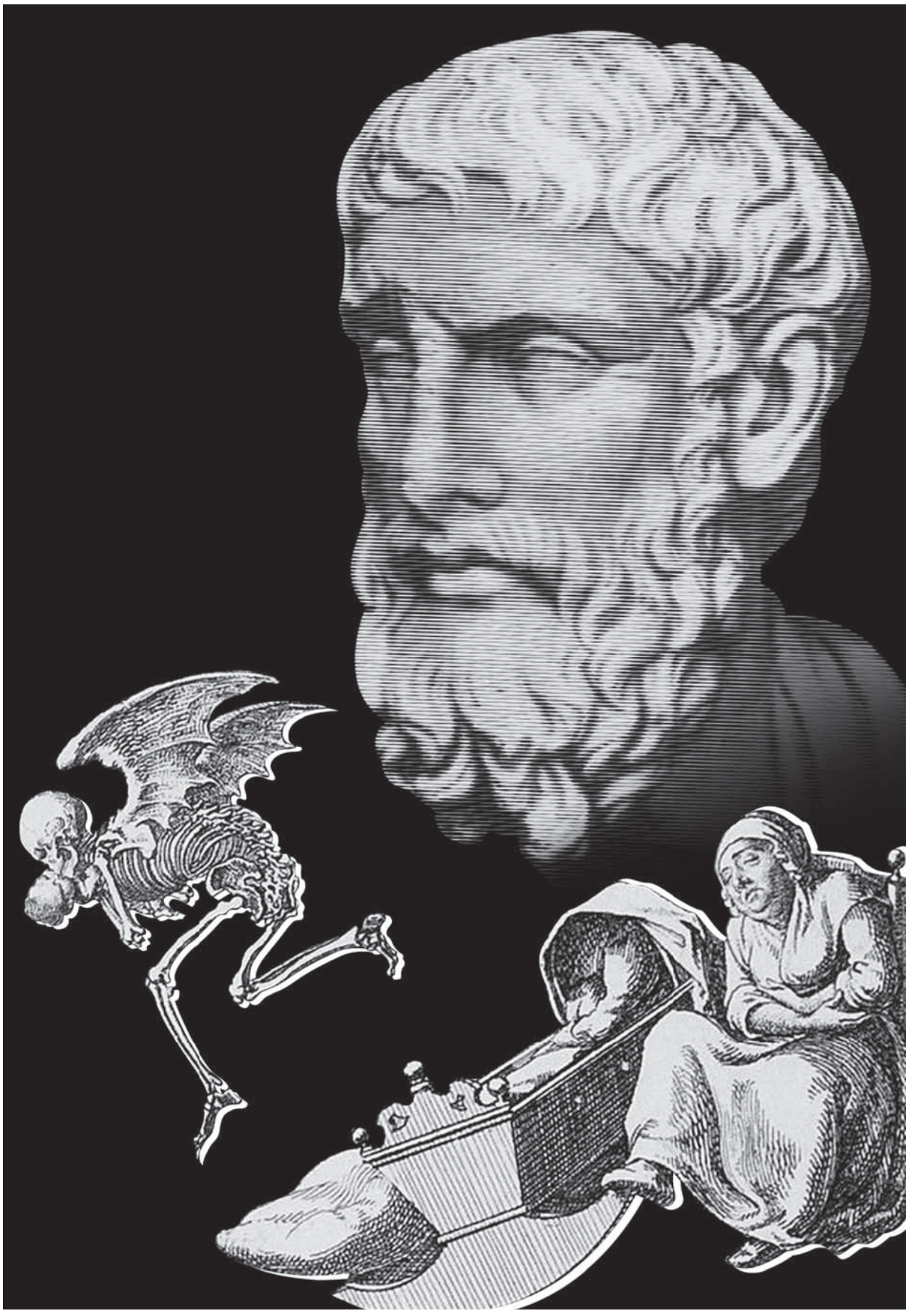
Поскольку Эпикур клал в основу своей этики принцип наслаждения, эта этическая система получила название гедонизма (от греч. «удовольствие», «наслаждение»).

Древнегреческий философ Эпикур (341/342–271/270 до н. э.) говорил, что, несмотря на то что все люди смертны, смерть не имеет к ним никакого отношения. Его парадокс звучал следующим образом: когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть приходит, то нас уже нет. Значит, смерть не существует ни для живых, ни для мертвых, так как для первых она сама не существует, а вторые для нее сами не существуют.

Из этого парадокса он выводил этические следствия. Если смерти нет, то глупо ее бояться. Сама по себе она не может причинить нам ни страдания, ни облегчения, потому что она есть лишь отсутствие ощущений, а все, что люди считают хорошим и плохим, проистекает только из ощущений. Если же смерть, которая всегда считалась самым страшным из зол, перестает казаться таковым, то уж тем более не может быть страшна и жизнь.

Эпикур считал страх (перед смертью, богами, болью) главным источником человеческих страданий, а потому главным препятствием на пути к блаженной жизни. Чтобы излечить человечество от страха, он разработал «тетрафармакон» — четверолекарство: «Бог не внушает страха; смерть не внушает опасения; благо легко достижимо; зло легко претерпеваемо».

Блаженство — не то, что ждет человека после смерти, но жизнь в здоровье, покое и безмятежности. Чтобы его достичь, нужно руководствоваться принципом наслаждения. То, что причиняет человеку страдание и боль, это зло. То, что дарит ему наслаждение, это благо. Нужно избегать страданий и стремиться к наслаждению. Однако Эпикур не предлагает броситься в омут с головой и предаться всем возможным удовольствиям плоти. Часто человеку приходится отказываться от наслаждения, если за ним следует большее страдание. И наоборот, человек должен претерпевать страдания, если они ведут к большему удовольствию. Поэтому в конечном итоге блаженная жизнь является не разнузданной, а аскетичной.

Гильотина Юма

Другое важное следствие гильотины Юма для этики заключается в том, что если моральные суждения не тождественны суждениям о фактах, то они не могут быть оценены с точки зрения их истинности и ложности. В этом случае опять же не ясно, как выбрать, каким именно моральным предписаниям следовать, а каким нет.

Хотя в философии не было придумано удачного способа обойти гильотину Юма, она необязательно оборачивается катастрофой для этических учений. Некоторые философы просто признают, что этика — это не область разума и у нее не может быть рационального обоснования, однако это не значит, что у нее нет никакого обоснования — оно просто лежит в других сферах.

«Все детки должны есть кашу по утрам, ты у нас пока ребенок, поэтому ты тоже должен съесть свою порцию», — говорит мама капризничающему ребенку. «Биологическое предназначение женщины — рожать детей. Образованные женщины рожают меньше детей. Поэтому женщины не должны получать образование», — говорят противники женской эмансипации. Кажется, что оба эти рассуждения построены одинаково, однако первое из них логически корректно, а второе нет. В чем же разница?

Дэвид Юм в «Трактате о человеческой природе» замечает, что нельзя переходить от высказываний о том, что *есть*, к высказываниям о том, что *до́лжно*. Если дела обстоят определенным образом, это совсем не означает, что они должны так обстоять. Чтобы умозаключение было корректным, посылки и заключение должны иметь одинаковую логическую модальность. В рассуждении мамы про кашу это правило сохраняется, а в рассуждении противника эмансипации — нет.

Этот принцип впоследствии получил название гильотины Юма. Она не просто позволяет уличить собеседника в использовании некорректных способов рассуждения, она разрубает связь между высказываниями о фактах и высказываниями о долге и тем самым создает огромную проблему для этики.

Одна из задач этики — разработка и обоснование этических норм. Довольно часто это обоснование выглядит следующим образом: мир устроен так-то, поэтому люди должны делать то-то. Это именно тот тип умозаключений, который запрещает гильотина Юма. Получается, что никакое нормативное заключение или заключение о ценностях не может быть корректно выведено из набора чисто фактуальных посылок. Тем самым отрицается возможность рационального обоснования нормативных этических учений. Если же подобные учения нерациональны, то возникает вопрос, с какой стати необходимо следовать описанным в них этическим предписаниям.

Категорический императив

Категорический императив напоминает золотое правило нравственности: «Поступай с другим так же, как хотел бы, чтобы поступали с тобой». Кант специально уточняет, что они не тождественны. Золотому правилу нравственности люди следуют как раз из своих эгоистических интересов, они хотят, чтобы лично к ним относились хорошо. Категорическому императиву следуют из чистого чувства долга, потому что он не сулит человеку никакой личной выгоды.

Кантовская этика очень сурова, это этика постоянного преодоления себя. Кант признавал это, говоря, что следование ей делает людей достойными счастья, но не оставляет им возможности стать счастливыми в реальном мире. Из этого он заключал необходимость допустить бессмертие души и существование Бога, чтобы те, кто жил добродетельно, могли быть вознаграждены за это после смерти высшим блаженством.

Иммануил Кант полагал, что центральное место в этике занимают моральные законы, точнее, один моральный закон — категорический императив. Он гласит: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Это означает, что, размышляя над тем, как лучше поступить в конкретной ситуации, человек должен выбрать тот вариант действий, относительно которого он мог бы пожелать, чтобы так поступали все и всегда. К примеру, продавец хочет обмануть покупателя и продать ему испорченный товар. Если придать его поступку универсальную форму, получится: «Обманывай всегда, когда тебе это выгодно». Если бы это правило стало всеобщим законом, которому все обязаны следовать всегда и везде, то люди бы постоянно друг друга обманывали, перестали бы друг другу доверять и само человеческое сосуществование оказалось бы под вопросом. Никто в здравом уме не хочет, чтобы это произошло. Значит, обман ради своей выгоды аморален.

Кант предлагает и другую формулировку категорического императива: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда только как к средству». Если кто-то относится к другим людям только как к средству для достижения своих целей, то тем самым он отрицает их и свою собственную человечность, а это разрушает фундамент, лежащий в основании этики и человеческого общежития.

Кант обращает внимание, что часто люди действуют сообразно с моральными законами, но в основе их поступков лежит личный интерес или естественная склонность к доброте. Такие поступки, по Канту, не могут считаться нравственными. Нравственно поступает только тот, кого личные склонности и ситуация вынуждают поступить аморально, но он наперекор всему из чистого чувства долга действует в соответствии с категорическим императивом.

Переоценка ценностей Ницше

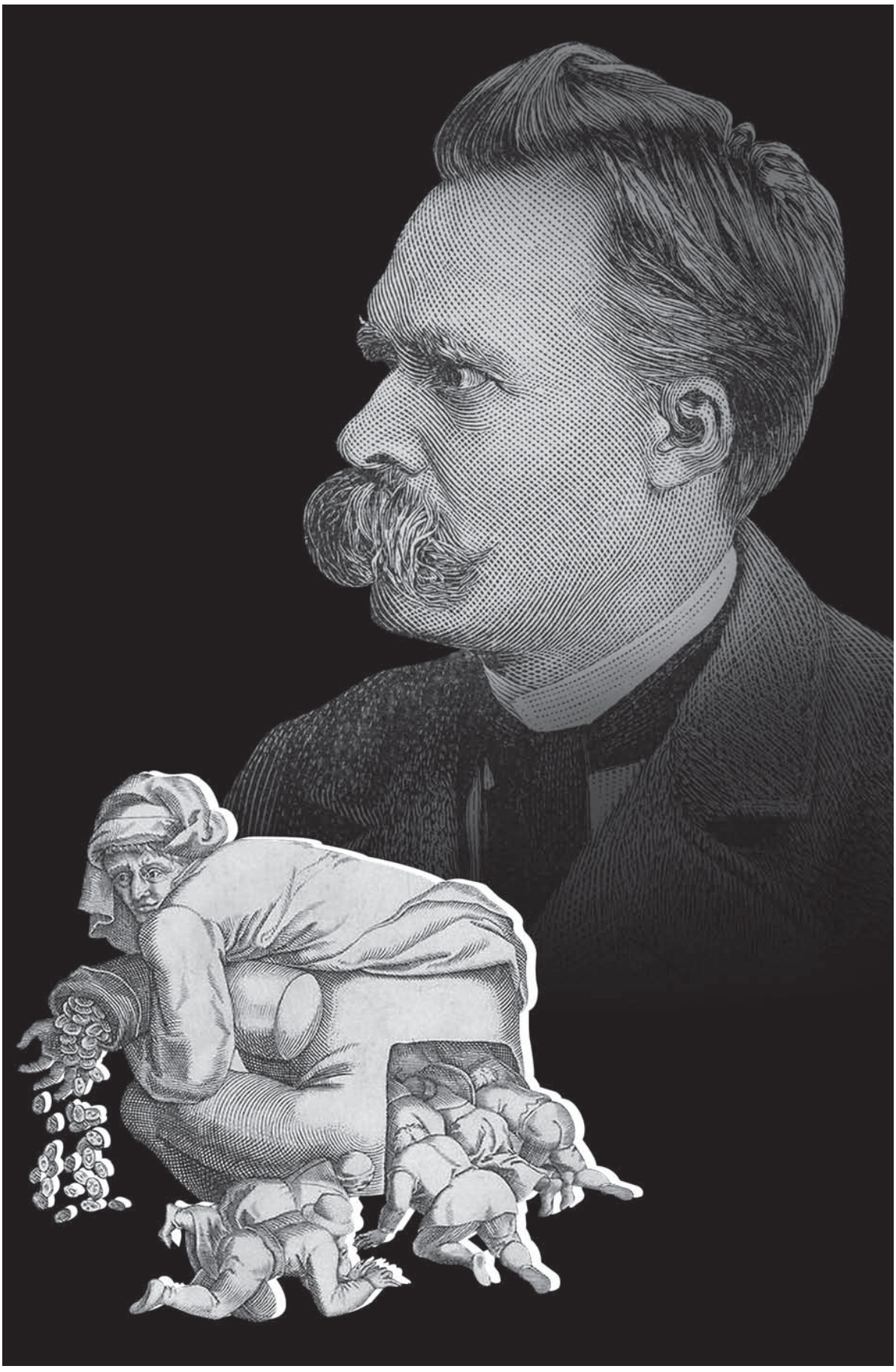
Сверхчеловек — это не «улучшенная модель» человека. Про него нельзя сказать, что он добрее, благороднее, умнее и т.п. Сверхчеловек преодолевает человеческое в человеке. Он является выражением чистой воли к жизни, возвышающейся над всем человеческим, а потому и над всякой моралью.

Ницше был яростным критиком христианства и называл себя Антихристом. По мысли Ницше, христианство построено на рессентименте и рабской морали. Иисус Христос был единственным христианином, он не хотел основать новую религию и церковь, но только показать, как нужно жить. Церковь же исказила его образ, подтасовала его учение и приспособила его для своих собственных нужд.

Люди любят говорить о вечных ценностях. В то же время в процессе истории человеческая жизнь сильно меняется. Не должны ли ценности меняться вместе с ней?

Впервые о переоценке ценностей заговорил немецкий философ Фридрих Ницше (1844–1900). Он считал, что современная ему цивилизация перестала верить в ценности, лежавшие в ее основе. В знаменитом пассаже из «Веселой науки» безумный человек кричит толпе: «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы убили его!» Речь идет о христианском боге, воплощающем в себе весь сверхчувственный мир идей, идеалов, нравственных законов. Эти ценности начинают обесцениваться вследствие того, что люди постепенно осознают: идеальный мир не осуществим в пределах реального. Наступает эпоха нигилизма — отрицания и неверия, а вместе с ней настает время для переоценки ценностей.

Переоценка заключается в том, чтобы поставить под вопрос саму ценность принятых ценностей. Она начинается с исследования генеалогии морали, то есть истории возникновения и воцарения ценностей. Ницше описывает два главных типа морали — мораль господ и мораль рабов. Мораль господ — аристократическая мораль, она возникает от переизбытка жизни и энергии, «хорошее» и «плохое» эквивалентны в ней «благородному» и «презренному». Мораль рабов — мораль, навязанная жрецами, мораль слабых, мораль стада. Слабые боялись сильных, хотели отомстить им за их жизненную силу, отобрать и приручить ее. Ницше называет это рессентиментом. Именно он и ложится в основу рабской морали с ее идеалами терпеливости, смирения, праведности, аскетизма и понятиями вины, нечистой совести, греха. Согласно Ницше, рабская мораль победила, она задавила волю к жизни, заменив ее болезнью, страданием, самоистязанием, короче — волей к ничто. Но ее век подходит к концу. Грядет пришествие Сверхчеловека, абсолютно свободного существа, который не просто принесет новые ценности, но перейдет по ту сторону добра и зла.

Непротивление злу

Толстой не просто принял христианское учение, он его значительно переосмыслил. По его мнению, Церковь значительно исказила первоначальное учение Христа, и его нужно очистить от ложных наслоений. С этой целью он предпринял собственный перевод и изложение Евангелий, где полностью отказался от церковных догматов о непорочном зачатии, воскресении, Троице, назвав их непостижимыми для разума чудесами, и сосредоточился на этической проповеди Христа. В ответ Русская православная церковь выступила с посланием, в котором извещалось об «отпадении» Толстого от Церкви.

Махатма Ганди положил принцип непротивления злу насилием в основу своей политической программы во время борьбы Индии за независимость от Британской империи, тем самым доказав возможность его эффективного применения на практике.

В своей «Исповеди» Лев Толстой (1828–1910) признается, что значительную часть жизни его преследовала мысль о самоубийстве. Он не видел в жизни никакого смысла и описывал себя как человека, загнанного волком в колодец, на дне которого сидит дракон. Он знает, что его ждет неминуемая смерть, существование его полно страдания, но он держится за маленький сучок, выступающий из стены колодца и не разжимает пальцы. Так он жил до тех пор, пока не обратился к учению христианства.

Согласно Толстому, ядро христианского учения — это проповедь Христа, изложенная в Евангелиях. Суть этого учения такова: человек — не только плотское, но и духовное существо; именно через дух в человеке проявляется божественное начало; главный способ его проявления — это любовь. Поэтому любовь — это смысл и сущность человеческой жизни, а также верховный закон, руководящий ею. Закон этот должен распространяться на всех без исключения. В практическом аспекте это означает, что нельзя противиться злому, нельзя делать другому то, чего не хочешь, чтобы делали тебе, нельзя насилием отвечать на насилие.

Толстой предвидел, что европейский мир катится к катастрофе, потому что в этом мире царило насилие. Он утверждал, что насилие всегда передается по цепочке: сначала одни люди под угрозой страданий и смерти заставляют более слабых делать то, чего последние не желают, потом более слабые, освободившись, в свою очередь, начинают мстить и заставляют несогласных с ними делать то, что считают нужным и полезным, — а затем цикл насилия повторяется. Единственный способ разорвать цепь насилия — действовать по завету Христа, а именно, не отвечать ударом на удар, но подставить другую щеку.

Абсурдный человек Камю

Камю настаивает, что абсурдность не является свойством любой жизни. Абсурд рождается из напряженного осознания разлада между «я» и миром, и, как только это осознание ослабевает, абсурд поворачивается к человеку спиной.

В 1957 году Камю получил Нобелевскую премию по литературе за вклад в исследование человека.

Французский философ и писатель Альбер Камю (1913–1960) считал, что существует одна-единственная настоящая философская проблема, а именно — проблема самоубийства. Есть ли у жизни смысл? Стоит ли она того, чтобы ее прожить?

Обычно люди думают, что самоубийцы расстаются с жизнью, потому что она казалась им абсурдной. Камю предлагает остановиться и задуматься, что такое абсурд. С этой целью он обращается к древнегреческому мифу о Сизифе. Согласно преданию, Сизиф был очень хитер, не уважал богов, обманом выведывал их секреты, заковал в кандалы саму Смерть, а когда он умер и попал в Аид, он сумел обмануть Плутона, вернуться в мир живых и прожить еще долгие годы на берегу моря. За это боги покарали его: после смерти он должен был снова и снова вкатывать на гору огромный камень, который каждый раз срывался с вершины. Сизиф выполняет тяжелый бессмысленный труд, но абсурдность его существования состоит не в этом. Для Камю она складывается из трех вещей. Во-первых, Сизиф был страстным человеком: он знал, что боги покарают его, и все равно выбрал прожить свою жизнь именно так, как хотел. Во-вторых, Сизиф — бунтовщик: он спокойно принимает свою судьбу и в то же время не примиряется с ней, он не чувствует себя виновным. Наконец, Сизиф свободен. Конечно, он свободен не в физическом смысле, поскольку не может никуда уйти, но у него нет никаких иллюзорных надежд: он уже в аду, он будет вечно катить камень. Сам факт осознания этой неизбежности ставит его выше нее. Это и есть подлинная свобода. Страсть, бунт, свобода — три атрибута абсурдного человека.

При таком подходе абсурд не лишает жизнь смысла, наоборот, он придает ей величия. Только в абсурде и стоит жить — жить вопреки всему. Поэтому абсурдный человек далек от самоубийства.

Самообман Сартра

В 1964 году Сартр получил Нобелевскую премию по литературе, но отказался от нее, объяснив свое решение тем, что писатель, по его мнению, не должен быть зависим от каких-либо институтов.

В соответствии со своей философской позицией Сартр никогда не был кабинетным философом и всегда принимал активное участие в социальных движениях своего времени. В частности, в мае 1968 года он участвовал в уличных демонстрациях наряду со студентами и даже был взят под стражу за нарушение общественного порядка. Президент Франции Шарль де Голль отдал распоряжение отпустить его со словами: «Вольтера не арестовывают».

Французский философ Жан Поль Сартр (1905–1980) основал философское течение под названием экзистенциализм. Суть экзистенциализма заключается в том, что у человека существование (экзистенция) предшествует его сущности. Представьте себе гончара, который лепит горшок. Обычно у него в голове уже есть некий образ, который и составляет сущность того, что он вылепит. В случае с человеком такого образа нет, потому что, согласно Сартру, нет бога, который заранее наделил бы человека какой-то сущностью и природой. Поэтому человек сначала приходит в мир, а уже потом определяет, что́ он есть, причем определяет он это сам. Нет никакого детерминизма, человек полностью свободен в своем выборе самого себя. Оборотной стороной этой абсолютной свободы становится абсолютная ответственность: человек всецело ответственен за то, что́ он есть. Более того, выбирая себя, он выбирает образ человека вообще, то есть, выбирая себя, он также выбирает и всех людей. Поэтому ответственность человека за свои поступки огромна — она в конечном итоге распространяется на все человечество.

Тем не менее, человеческое сознание часто не выдерживает этой ответственности и не хочет признавать своей абсолютной свободы. Поэтому оно впадает в самообман: вместо того чтобы воспринимать себя как свободную экзистенцию, оно стремится себя объективизировать, сделать человека равным его социальной роли: отец семейства, любящий сын, послушный работник и т.п. Человек в самообмане верит, что его поступки обусловлены этой социальной ролью. Например, юноша, который не пошел на фронт и остался с матерью, будет говорить, что поступил так, потому что он любящий сын. Сартр настаивает, что из-за самообмана последовательность причин и следствий здесь перевернута: этот юноша был любящим сыном, потому что он остался с матерью, а не наоборот. Свободное действие всегда первично, как бы сознание ни пыталось это от себя скрыть.

Банальность зла

Ханна Арендт была еврейкой, и в 1933 году она была взята под стражу гестапо. После освобождения она эмигрировала из Германии во Францию, однако, когда Франция была оккупирована немцами, ее отправили в лагерь для интернированных. В 1941 году ей удалось бежать из Франции в США.

Книга о процессе над Эйхманом вызвала мощный шквал критики. Многим не понравился критический подход Арендт к судебному процессу и роли еврейских лидеров в Холокосте.

Когда люди сталкиваются с человеком, повинном в большом зле, они записывают истоки этого зла на счет самой природы злодея. Злодей по своей природе агрессивен, кровожаден, порочен, ненормален, ему доставляют удовольствие страдания его жертвы. Абсолютный злодей — это абсолютный монстр, полностью утративший человеческий облик.

Когда немецко-американский философ Ханна Арендт (1906–1975) писала репортажи с судебного процесса над одним из высших чиновников СС Адольфом Эйхманом, который состоялся в Иерусалиме в 1961 году, ей пришлось поставить под сомнение такое представление. Эйхман заведовал транспортировкой евреев в лагеря смерти. Однако он не был злодеем в описанном выше смысле. Он никогда никого не убивал, не получал удовольствия от чужих страданий, не был антисемитом, он был самым обычным не очень умным человеком, которого больше всего на свете интересовало его продвижение по карьерной лестнице. В этом нет ничего аморального. И все же его действия — это воплощение абсолютного зла. Как это возможно?

Арендт утверждает, что даже радиальное зло может быть банальным. Человек, как Эйхман, может просто выполнять свою работу, быть законопослушным гражданином, делать то же, что и все вокруг, ни разу в жизни не задумавшись о смысле и содержании своих действий. Эйхман отправлял людей на верную смерть, но его никогда не мучила совесть. Не потому, что ее у него не было, а потому, что из-за его ограниченности и привычки мыслить стереотипами и шаблонами, подсовываемыми идеологами, он вообще не рассматривал свои действия как ситуацию морального выбора. Банальность зла проистекает не из злого умысла, но из отсутствия мысли как таковой.

Зло и агрессия

Лоренц считал, что, раз агрессия сидит в биологической основе человека и ее невозможно просто подавить, необходимо искать новые эффективные пути торможения и разрядки агрессии. Сам он указывал на возможность переориентирования агрессии на замещающие объекты, развитие спорта, укрепление личных связей между людьми, науку и искусство как способы справиться с агрессией.

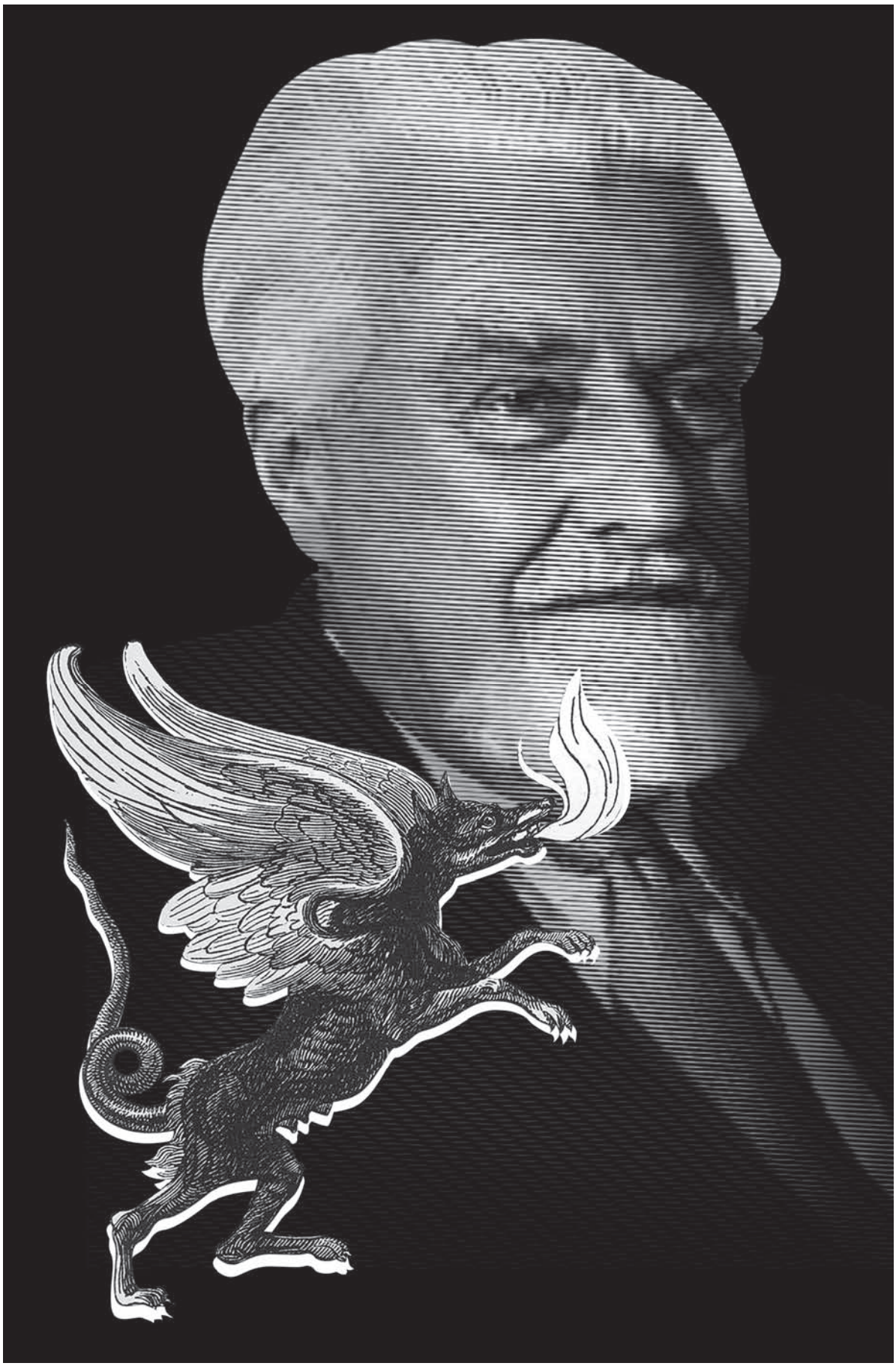
Согласно Лоренцу, из агрессии возникает не только зло, но и любовь. Дело в том, что любовь и дружба, основанные на личном союзе, представляют собой один из самых сильных тормозящих агрессию механизмов, появившихся в ходе биологической эволюции.

Существует расхожее мнение, что зло коренится в животной природе человека. Австрийский зоолог и философ Конрад Лоренц (1903–1989) решил исследовать это с точки зрения биологии.

Лоренц утверждает, что в мире живой природы агрессия — один из базовых инстинктов, необходимый для выживания вида. При этом настоящая агрессия существует не между хищником и его жертвой, а внутри одного вида. Внутривидовая агрессия имеет три цели: равномерное распределение особей по доступной территории, отбор наиболее сильных в поединках и защита потомства. Целью агрессии никогда не бывает уничтожение собрата, и в ходе эволюции были выработаны мощные тормозящие механизмы, которые способны перевести агрессию в мирное русло. Лоренц называет их аналогами морального поведения и замечает, что чем опаснее животное, чем легче оно может убить своего противника, тем эти «моральные» запреты более развиты и строги.

Человек по своей природе — безобидное существо, поэтому и никаких сильных механизмов торможения агрессии у него развито не было. Он просто не мог своими голыми руками причинить другому человеку много вреда. Однако все изменилось, когда первобытные люди изобрели оружие. Установленный в ходе биологической эволюции человека баланс между возможностями убийства и слабыми запретами агрессии был нарушен. Чтобы восстановить этот баланс, первобытные люди разработали первые моральные принципы — табу, страх перед которыми тормозил агрессию.

Таким образом, мораль — это компенсаторный механизм, приспосабливающий человеческие инстинкты к требованиям общественной жизни. Проблема заключается в том, что по мере развития человечества этот компенсаторный механизм перестает справляться со все увеличивающейся нагрузкой, что приводит к ужасающим последствиям в виде войн, геноцидов, террора, то есть к возникновению зла.

Проблема вагонетки

Утилитаризм — этическое течение, согласно которому ценность поступков определяется исходя из их полезности.

Представьте себе неуправляемую вагонетку, несущуюся по рельсам. К вашему ужасу, сумасшедший профессор привязал к этим рельсам пять человек. К счастью, вы можете переключить стрелку и пустить вагонетку по запасному пути. Но только вы заносите руку над переключателем, как замечаете, что к запасным путям также привязан один человек. Как поступить в этой ситуации? Ничего не делать и дать вагонетке раздавить пятерых или спасти им жизнь ценой жизни человека, привязанного к запасным путям?

Этот знаменитый мысленный эксперимент был предложен английским философом Филиппой Фут (1920–2010) для иллюстрации принципа побочного действия, принимаемого многими этическими концепциями, в частности — концепцией утилитаризма. Его суть состоит в том, что ради достижения благой цели этически допустимы поступки, которые могут иметь своим побочным действием нанесение вреда человеку, вплоть до его смерти. В случае с вагонеткой переключить стрелку и пожертвовать одним ради спасения пятерых — это этически допустимое действие.

При этом принцип побочного действия имеет уточнение: если вред является не побочным эффектом поступка, но прямым проявлением агрессии, то такой поступок не может быть этически допустимым. Это иллюстрирует видоизменение эксперимента с вагонеткой, предложенное американкой Джудит Джервис Томпсон (род. 1929). Представьте, что запасного пути нет, но вы стоите на мосту и рядом с вами оказался крупный прохожий, которого вы можете сбросить с моста и остановить вагонетку. Согласно принципу побочного действия, этот поступок не будет этически допустимым, потому что смерть незнакомца — не побочное действие, но умышленная прямая агрессия. Это становится понятным, если учесть еще одну альтернативу: вы могли бы спрыгнуть с моста сами и спасти пятерых ценой своей собственной жизни, но на подобное самопожертвование мало кто решается.

Конечно, всегда остается вопрос: насколько спасение пятерых — это более благая цель, нежели спасение одного? Представьте, что этот человек является единственным в мире, кому известен способ нейтрализовать биологическое оружие, с помощью которого сумасшедший профессор собирается уничтожить все человечество. Если стоящий у стрелки последует принципу побочного действия и переправит вагонетку на него, то тем самым он обречет на гибель все человечество.

Онтологический аргумент

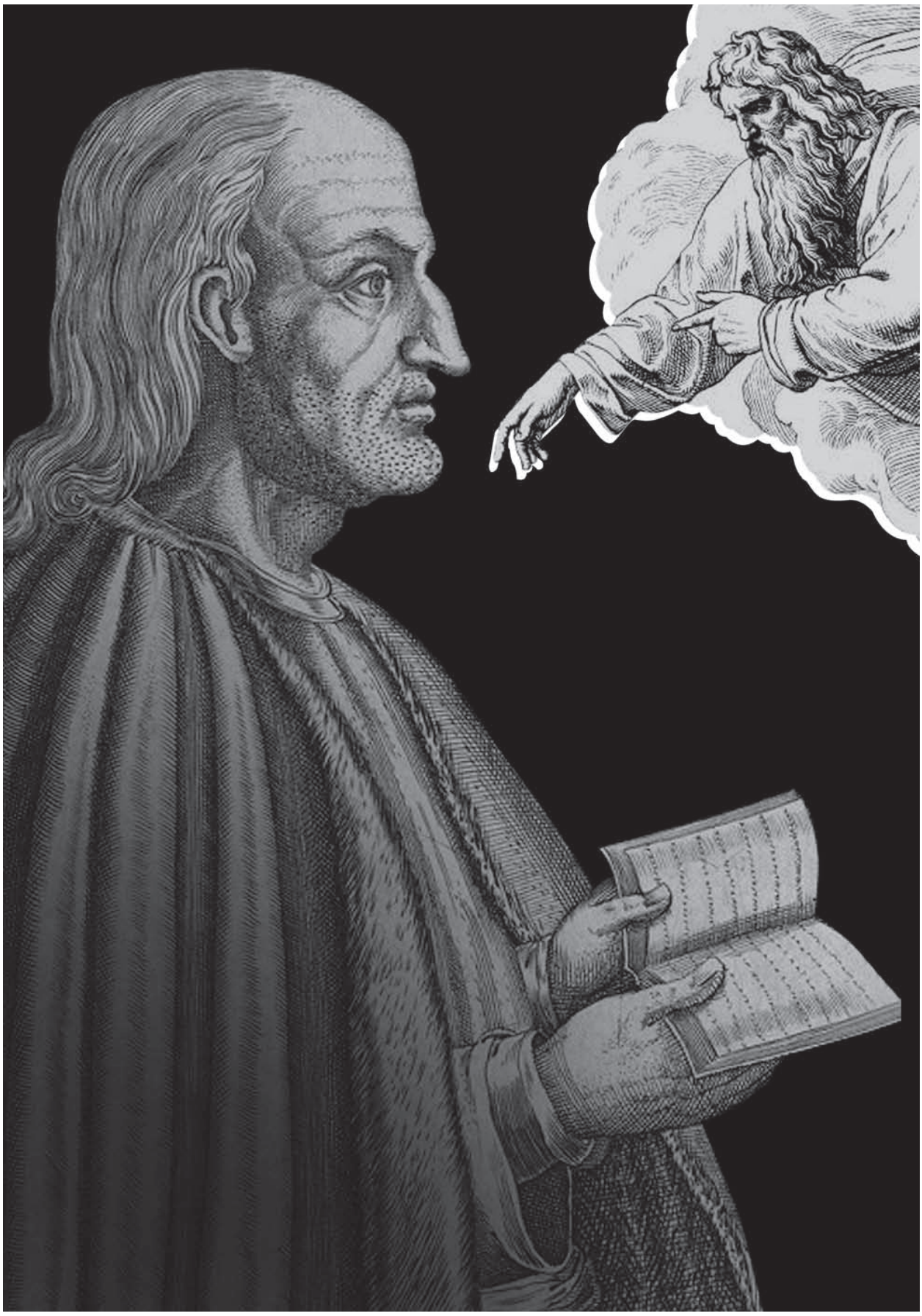
Из понятия Бога как того, больше чего невозможно помыслить, Ансельм также выводил основные божественные атрибуты: всемогущество и бесконечность.

Крест на онтологическом аргументе поставил Кант. Ансельм рассматривал существование как одно из совершенств, которым всесовершенное существо обязано обладать. Однако бытие не есть реальный предикат. Говоря, что вещь существует, мы не добавляем нового содержания к ее понятию, а лишь утверждаем, что этому понятию соответствует реальный предмет. Поэтому нельзя сказать, что реальная вещь представляет собой больше, чем ее идея. Согласно знаменитой формулировке Канта, «сто действительных талеров в моем кармане не содержат в себе ни на йоту больше, чем сто возможных талеров». Значит, даже если мыслить некую сущность как высшую реальность, то все же еще остается вопрос, существует она или нет.

В Средние века философия была тесно связана с религией. Часто философией занимались представители различных монашеских орденов. Поэтому неудивительно, что большая часть их философских интересов была сосредоточена вокруг вопросов о том, познаваема ли божественная природа с помощью разума, можно ли доказать бытие Божие. Один из самых знаменитых ответов на последний вопрос принадлежит монаху-бенедиктинцу, епископу из Кентербери Ансельму (1033–1109).

Доказательство Ансельма получило название онтологического аргумента. Ансельм намеревался показать, что если человек действительно понимает, в чем именно заключается сущность христианского Бога, то он не может отрицать его существование. Бог по сути есть то, больше чего невозможно помыслить — всесовершенное существо. Теперь у нас есть два варианта: либо Бог существует только как идея в головах людей, либо он существует объективно. Если бы Бог был только идеей, говорит Ансельм, то он не мог бы быть всесовершенным существом. Ведь идея, обладающая реальным существованием, безусловно, больше и совершеннее, чем просто идея. Следовательно, если мы принимаем, вслед за христианами, что Бог — это абсолютное совершенство, то мы вынуждены признать, что он существует. Что и требовалось доказать.

Хотя онтологическому аргументу нельзя отказать в элегантности, создается ощущение, что он строится на каком-то софизме. Его вскрыл еще современник Ансельма — монах Гаунило. Он указывает на то, что понятия и идеи не могут с необходимостью обуславливать существование собственных объектов. Представим, к примеру, сказочный затерянный остров, прекраснее и совершеннее которого нет на свете. Если следовать логике Ансельма, реально существующий остров был бы совершеннее всего лишь идеи такого острова. Потому он реально существует. Однако это не так. Хотя мы можем представить этот остров, из этого совсем не следует, что он существует.

Пять доказательств бытия Бога

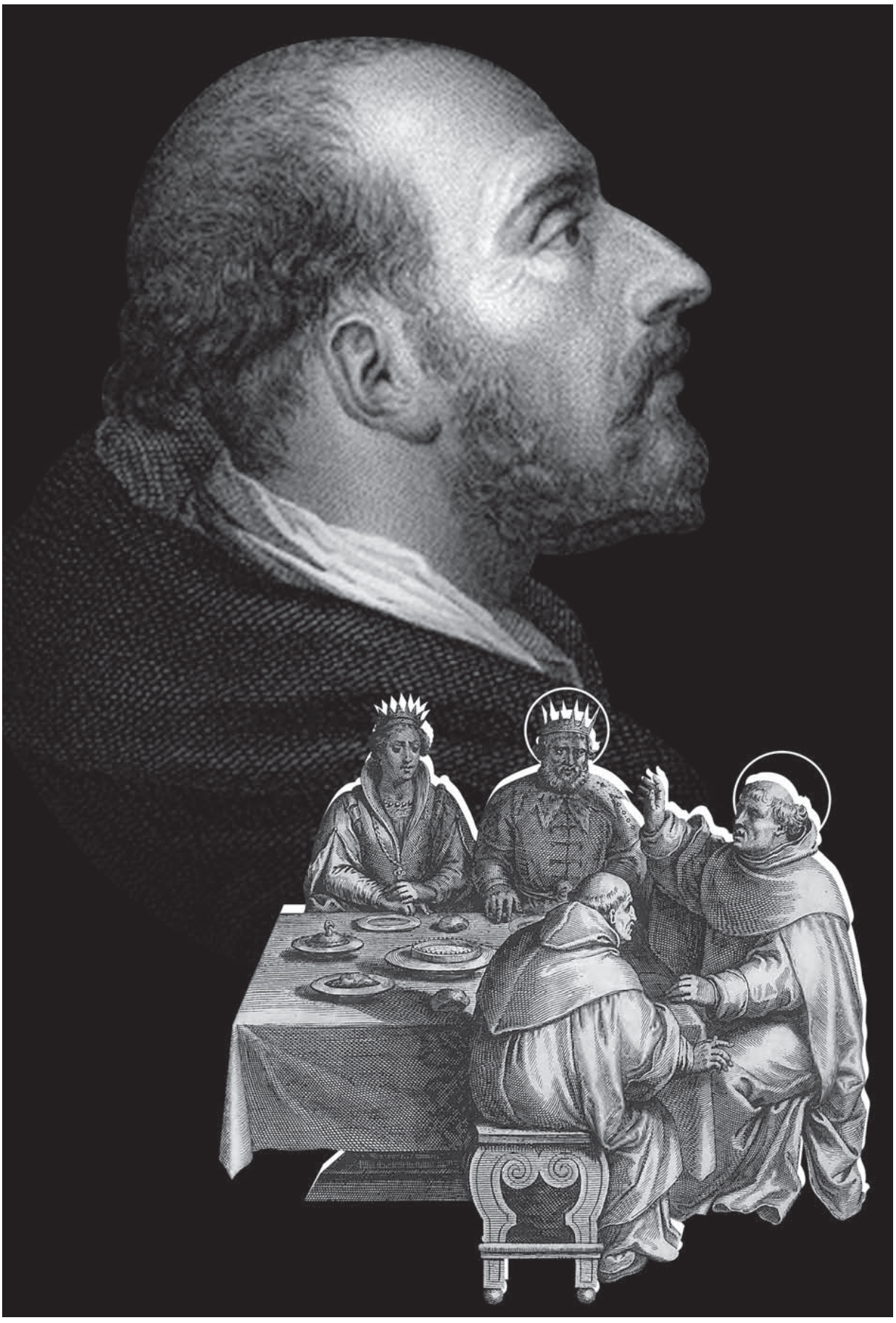
Доказательства Фомы Аквинского строились на основе аристотелевской физики с ее концептами перводвигателя, первопричины и т.п. Когда же в Новое время под влиянием работ Галилея и Ньютона произошла смена научной парадигмы и аристотелевский подход к природе заменился экспериментальным естествознанием, подобные доказательства Божественного бытия перестали казаться легитимными. В философии воцарился скептицизм относительно того, что бытие Бога может быть доказано рациональными средствами.

Учение Фомы Аквинского было положено в основу догматической теологии католицизма. Католическая церковь признала его святым. За свой праведный образ жизни он был прозван «ангельским доктором».

Средневековый философ и теолог Фома Аквинский (ок.1225–1274) считал, что для обращения неверующих в христианство важно иметь рациональное доказательство бытия Бога — такое доказательство, с которым нельзя было бы не согласиться. При этом он полагал, что онтологический аргумент Ансельма Кентерберийского не работает. Доказательство бытия Бога не может быть прямым, то есть строиться на анализе самого понятия о Боге как о совершеннейшем существе. Зато оно может быть косвенным: можно проанализировать, каким образом устроен мир, и на основании этого анализа заключить, что такое устройство с необходимостью предполагает существование Бога.

Фома Аквинский формулирует пять подобных доказательств: от движения, от производящей причины, от необходимости и не-необходимости, от степеней совершенства, от божественного руководства вещами. Вот как выглядит доказательство от движения. Все в этом мире движется. Очевидно, что движение имеет причиной своего движения нечто иное. Исследуя причину движения одного предмета, мы видим, что его движет другой, и так до бесконечности, пока не доходим до перводвигателя, который сам не движется ничем иным, но который движет все, оставаясь при этом неподвижным. Единственное, что подходит на роль этого перводвигателя — это Бог. Значит, Бог существует.

Все остальные доказательства строятся сходным образом. Доказательство от производящей причины показывает, что Бог — это первопричина всего сущего. Аргумент от необходимости строится на том, что Бог обладает необходимостью сам по себе и сообщает ее всем вещам мира. Аргумент от степеней совершенства приходит к тому, что Бог — самая совершенная сущность, наделяющая благом и совершенством все остальное. Наконец, последнее доказательство указывает на то, что все в мире устроено целесообразно, хотя сама природа лишена разума. Значит, ее направляет некое разумное существо, являющееся конечной целью, то есть Бог.

Пари Паскаля

Паскаль не случайно прибегает к идее пари в решении религиозных вопросов. Он был великим математиком, и к области его математических интересов относилась теория вероятностей, многие задачи которой построены как раз на примерах игры в орлянку, кости и карты.

Агностицизм — философская концепция, утверждающая, что поскольку естествознание своими методами не может выяснить ничего о предельных основаниях бытия, в частности существует ли Бог и какова его природа, то подобные вопросы должны быть объявлены в принципе непознаваемыми.

Французский философ и ученый Блез Паскаль (1623–1662) считал, что природа Бога для человеческого разума абсолютно недоступна. Человек конечен и несовершенен, и познать разумом он может только то, что наделено такими же свойствами. Бог же бесконечен и совершенен, поэтому его можно постигнуть только верой, но не разумом. Следовательно, говорит Паскаль, доказать или опровергнуть существование Господа с помощью рациональной аргументации невозможно.

Впрочем, по мнению Паскаля, это не означает, что рациональный путь к вере в Бога закрыт. Чтобы убедить своих скептически настроенных по отношению к религии читателей в существовании Бога, он предлагает сыграть с ним в орлянку. Пускай орел — это утверждение, что Бога нет, а решка — утверждение, что Бог существует. На кону в игре стоит вечное блаженство. Если выпадает решка, то есть Бог существует и вы в него верите, то после смерти вас ждет вечное блаженство, тогда как атеистов и агностиков ждут вечные муки в аду. Если же выпадает орел, и Бога нет, то после смерти людей ничего не ждет, просто верующие проживут свою жизнь в соответствии с религиозными предписаниями, а неверующие — нет. Таким образом, если Бога нет, то верующий особо ничего не теряет, в то время как, если Бог есть, верующий выигрывает очень много, а неверующий проигрывает все. Следовательно, оказывается, что с точки зрения разума верить в Бога выгоднее, чем не верить.

Конечно, встает вопрос, какова цена такой веры. Сам Паскаль признает, что подобный путь к вере в Бога не может быть назван наилучшим. Сам он был глубоко религиозным человеком и считал, что истинная вера в Бога — это вера сердца и вдохновения, а не холодный расчет разума.

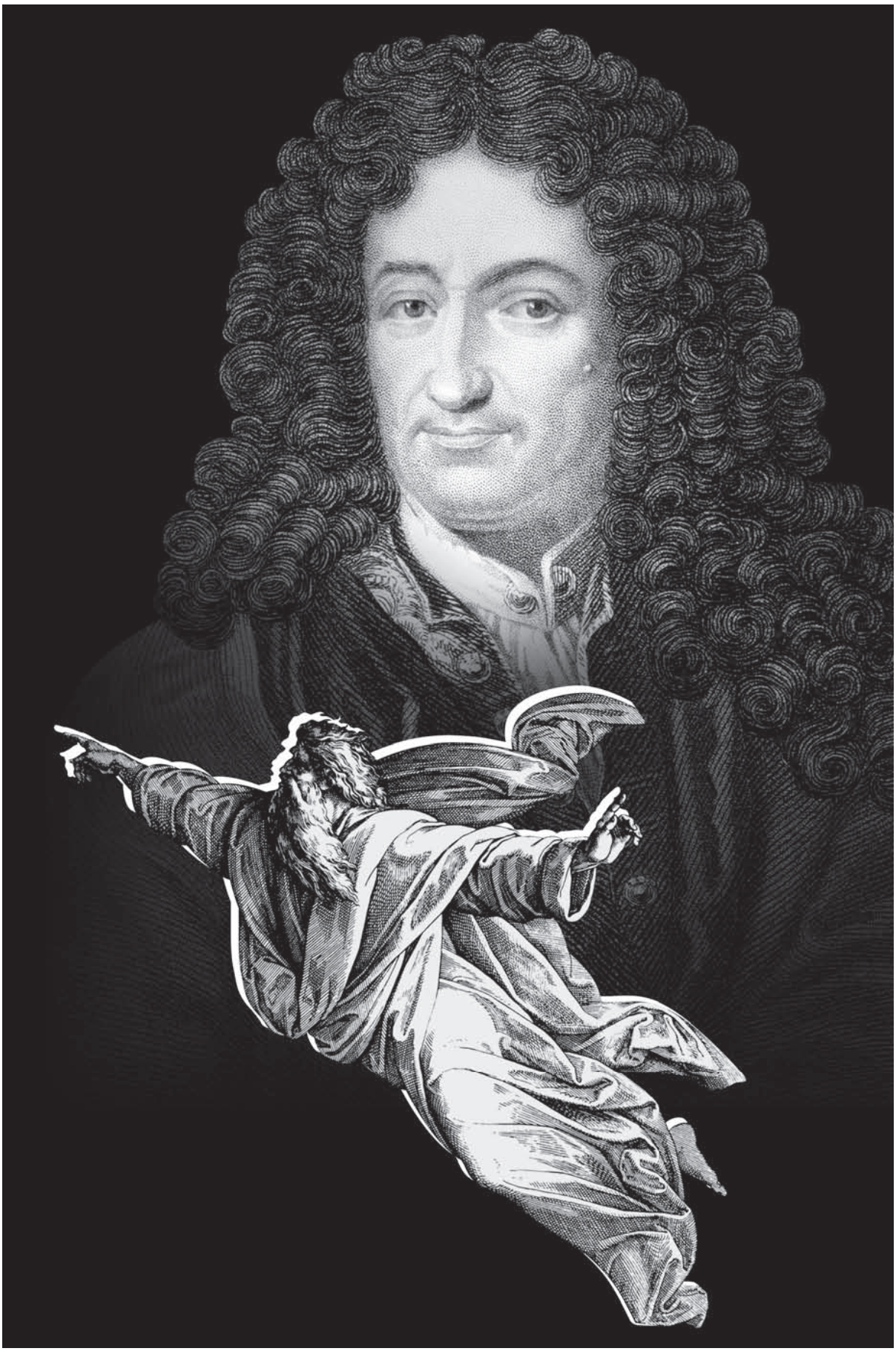
Теодицея Лейбница

Лейбниц считал, что существует бесчисленное множество возможных миров. Все они отличаются друг от друга по двум параметрам — порядку и многообразию. Наилучшим миром оказывается тот, в котором наибольшее многообразие сочетается с наивысшим порядком, то есть мир, в котором из наименьшего количества законов выводится наибольшее количество следствий. Наш мир именно таков.

Одним из критиков лейбницевской теодицеи был Федор Достоевский (1821–1881). В «Братьях Карамазовых» устами Ивана Карамазова он говорит о том, что никакая мировая гармония не стоит безвинно пролитой слезы ребенка. Тем самым оправдать физическое зло, допущенное в мир Богом, невозможно.

В христианстве Бог — творец мира. Он обладает двумя обязательными качествами: он всезнающ и всеблаг. На это критики религии могут ответить: если это так, то как же он смог допустить, что в мире существует зло. Это так называемая проблема оправдания Бога за зло в мире. Готфрид Лейбниц назвал ее теодицеей и попытался предложить ее решение.

Согласно Лейбницу, все зло в мире можно разделить на три вида: метафизическое, физическое и моральное. Метафизическое зло — это онтологическое несовершенство мира, его нельзя избежать, так как, не допуская его, Бог вообще бы не смог ничего сотворить. Даже всеблагой Бог не может создать мир, лишенный несовершенств. Такой мир просто воспроизводил бы Бога, а не был бы его творением. Физическое зло — это боль и страдания, которые иногда становятся неизбежными. Они кажутся людям чудовищными, но это лишь проблема масштаба. Если перестать воспринимать мир с эгоистической точки зрения человечества и взглянуть на него с более общих позиций, то такое зло часто оборачивается благом, а мир совсем не кажется погрязшим во зле. Физическое зло растворяется в мировой гармонии. Моральное зло — это грех. Его всегда можно избежать. Оно не имеет никакого оправдания, но повинны в нем только люди, а не Бог. Моральное зло — это оборотная сторона их свободы. Кроме того, мир не стоит на месте, он развивается, то есть движется к совершенству. Настоящее состояние мира должно рассматриваться как промежуточный этап. Количество зла в мире будет все уменьшаться и уменьшаться. Таким образом, Бог не несет ответственности за зло в мире. Более того, поскольку он всеблаг, то выбрал к творению наилучший из всех возможных миров.

Рыцарь веры Кьеркегора

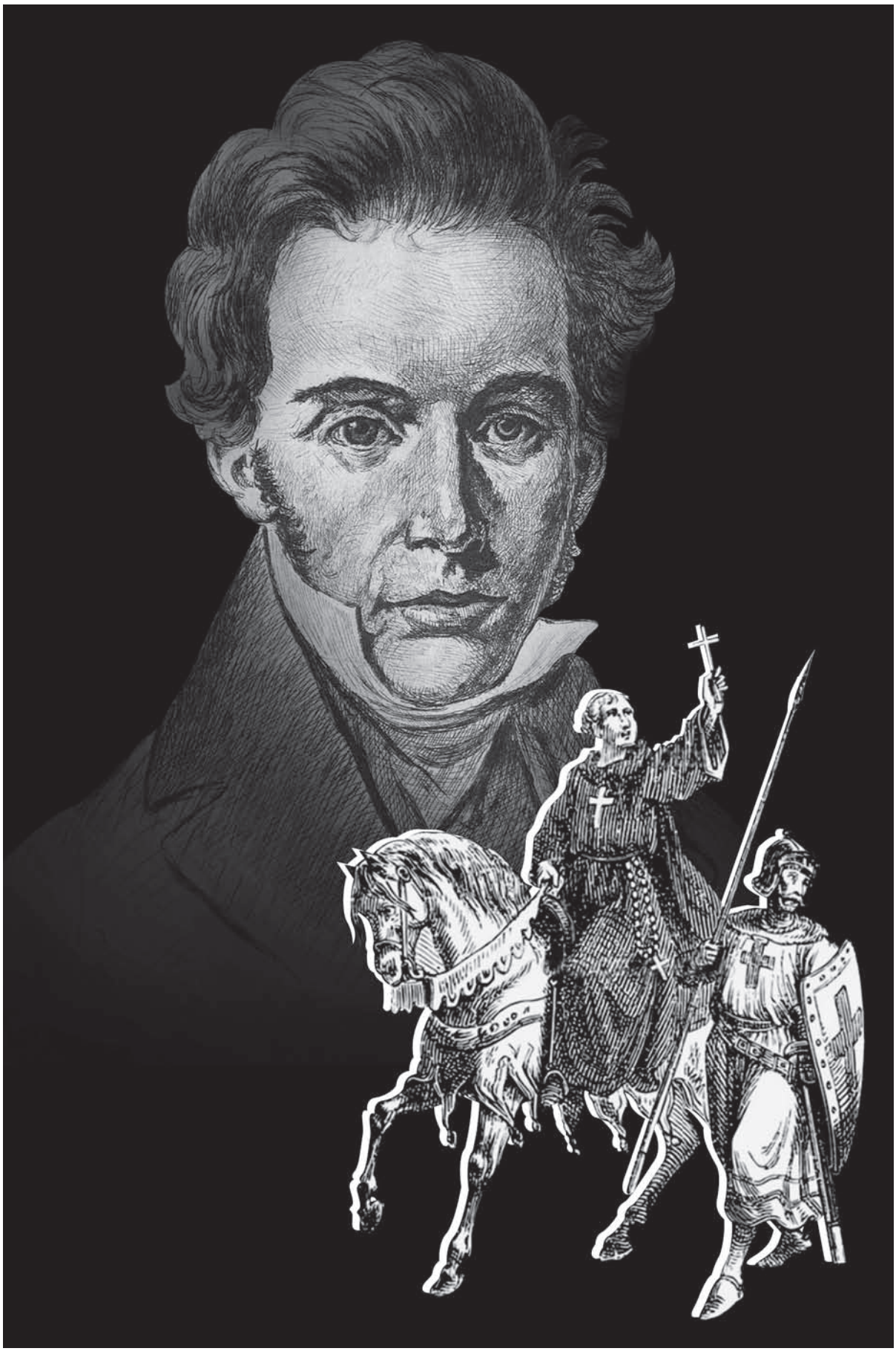
По мнению Кьеркегора, из-за того, что вера может быть только негативной и внутренней, ее нельзя перевести на язык слов. Следовательно, верующий не может объяснить неверующему, что значит верить. Поэтому невозможно убедить людей обратиться в христианство. Можно объяснить им догмы, но нельзя вдохнуть в них религиозную страсть. Каждый должен сам по себе прийти к субъективной истине веры.

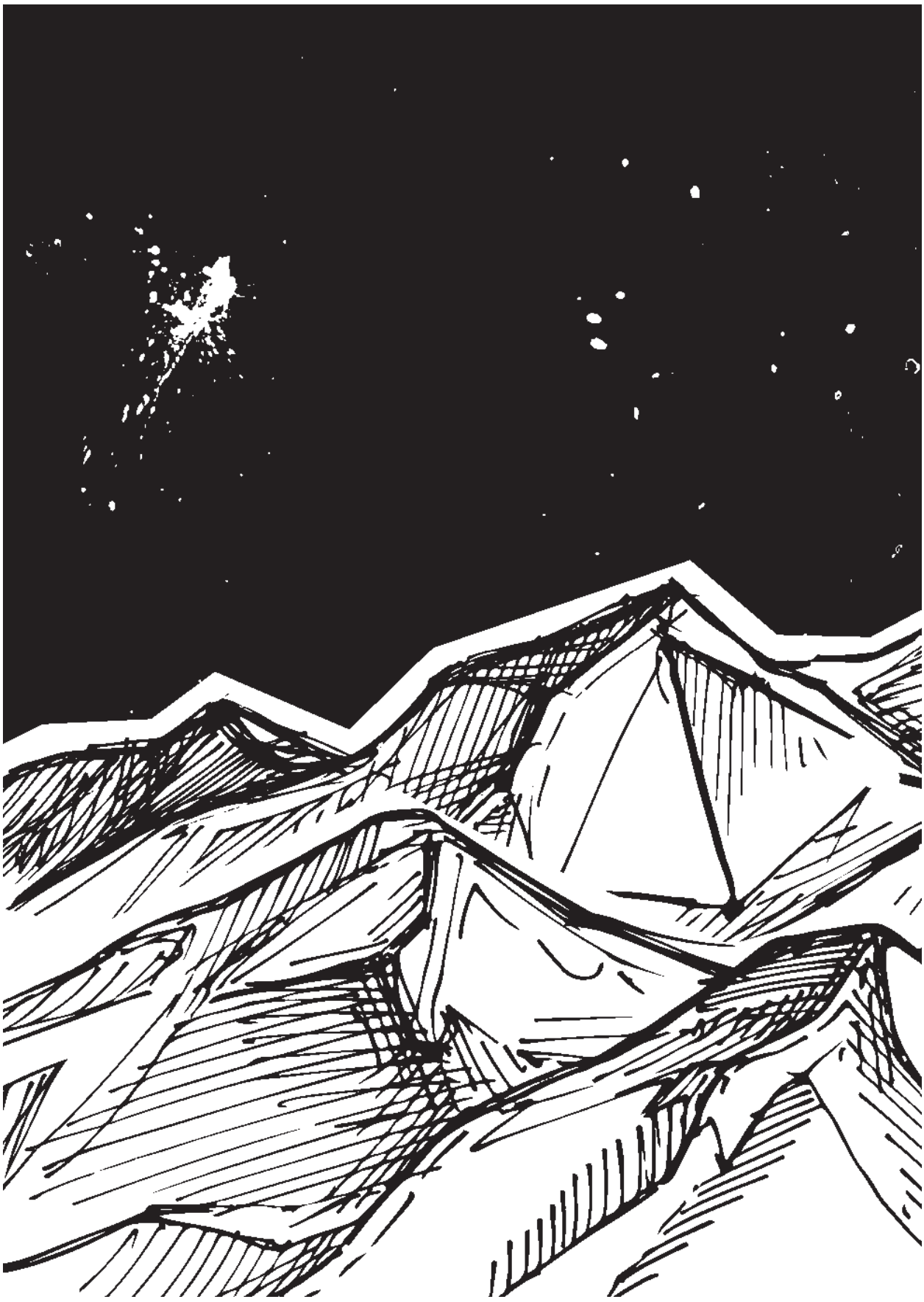
Центром своей философии Кьеркегор полагал сократическую иронию. Подобно Сократу, использовавшему иронию, чтобы показать ограниченность человеческих представлений о благе, красоте и добре, Кьеркегор хотел указать своим современникам на их ограниченность в понимании христианства и веры. В одной из своих работ он говорил, что все стремятся все упростить, а его задача — усложнить. Ему это удалось: путь рыцаря веры — истинно трудный путь.

Достаточно ли креститься, ходить в церковь и соблюдать пост, чтобы быть христианином? Достаточно ли соглашаться с догмами, чтобы быть христианином? Датский философ Серен Кьеркегор (1813–1855) считал, что соблюдение обрядов и знание догм ни на йоту не приближает человека к тому, чтобы быть христианином.

Согласно Кьеркегору, христианство — это не совокупность догм и религиозных предписаний, но способ бытия человека и его общения с Богом. Свой идеал христианина Кьеркегор показывает на примере ветхозаветного Авраама. Он называет его рыцарем веры. Вкратце история Авраама такова: он и его жена Сара были уже стары, но у них не было детей. Бог явился Аврааму и пообещал дать им ребенка, если они обязуются почитать его и обрезать крайнюю плоть в знак этого завета. Авраам согласился, и у них родился сын Исаак. Однажды Бог сказал Аврааму: возьми сына своего и принеси мне его в жертву. Когда Авраам уже занес над Исааком нож, к нему явился ангел и остановил его.

Что особенного в этой истории? Во-первых, Авраам — это парадоксальный, абсурдный герой. У него есть все причины сомневаться в том, что Бог от него требует, но он все равно верит. По Кьеркегору, в христианских догмах нельзя не сомневаться и истинная вера — это вера не в согласии с ними, но вера вопреки сомнению в них. Во-вторых, вера Авраама — это не холодный расчет разума, но страсть: любовь, страх и трепет. Истинная вера — это всегда вера сердца. В-третьих, рыцарь веры одинок. Даже если бы Авраам попытался поделиться с кем-нибудь требованием Господа, ему никто бы не поверил. Верующий всегда находится с Богом один на один. Поэтому вера отрицает общество с его этикой и законами. В этом смысле вера может быть только негативной и внутренней. Наконец, рыцарь веры готов к отказу от себя, к абсолютному самопожертвованию, но только в этом акте и рождается его истинное Я, утверждается его бытие.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

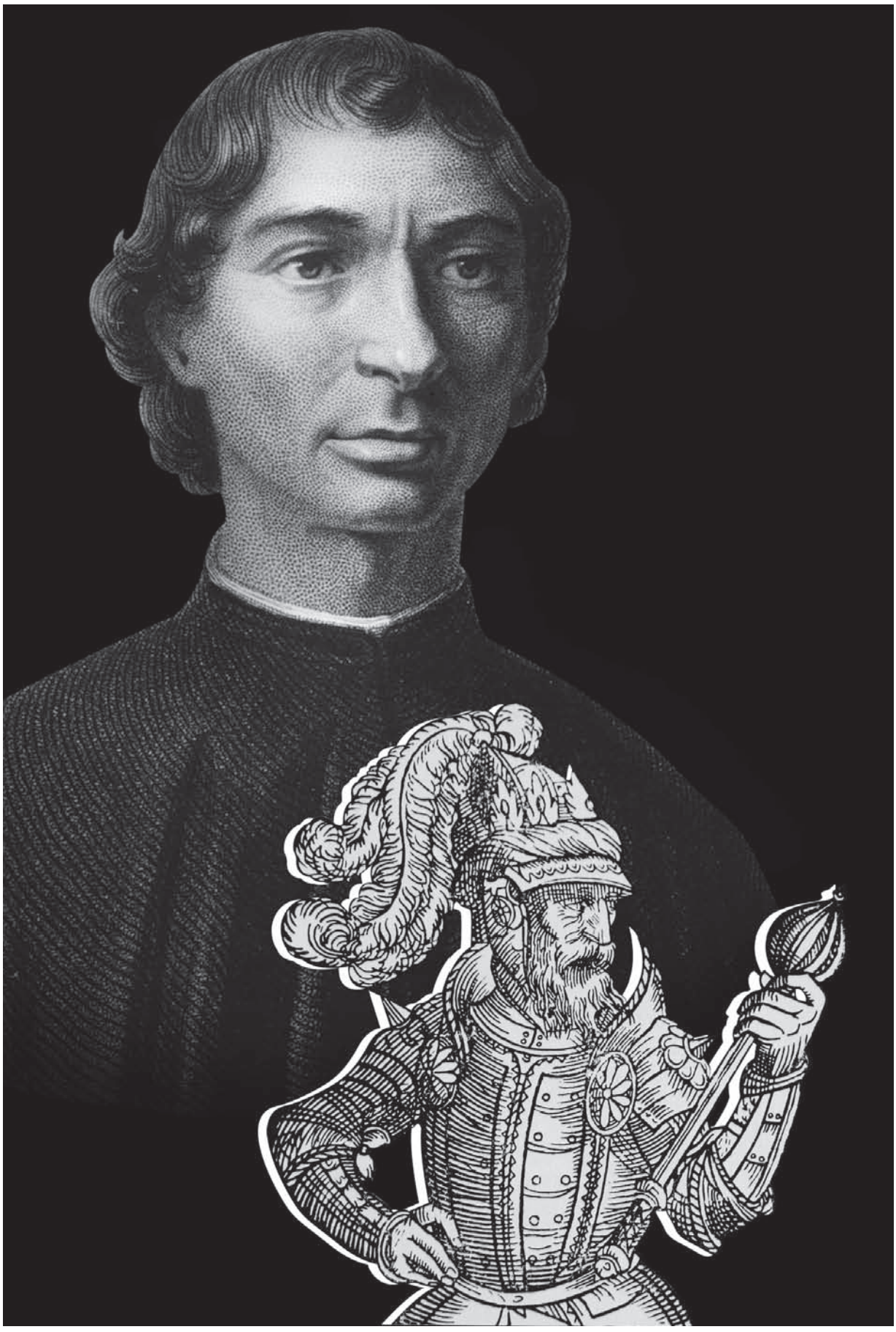
Государь Макиавелли

Сочинение Макиавелли «Государь» было не просто теоретическим трудом, это было послание, адресованное правителю Флоренции Лоренцо Медичи.

Хотя государь может отступать от этических предписаний для сохранения своей власти, Макиавелли подчеркивает, что для него вредно предаваться порокам, праздности, чрезмерным удовольствиям. Государь должен жить довольно скромно, его основными занятиями должны быть военные упражнения.

Этика толкует нам о том, что все люди должны стремиться быть благородными, честными, порядочными, щедрыми, добрыми и т.п., но всегда ли эти качества полезны для тех, кто стоит во главе государства? Должен ли, например, президент всем и всегда говорить правду? Если нет, то где предел? Должен ли он всегда держать свое слово? Если да, то что делать, если ситуация кардинально изменилась и данное им обещание будет во вред его же народу?

Один из самых знаменитых ответов на эти вопросы принадлежит итальянскому философу Никколо Макиавелли (1469–1527). Говоря кратко, позиция Макиавелли сводится к тезису «цель оправдывает средства». Если государь хочет сохранить власть, то он должен научиться отступать от этических предписаний. Согласно Макиавелли, государю лучше быть скупым, чем щедрым, жестоким, нежели милосердным, хитрым, нежели правдивым. Государь может нарушить свое собственное слово, плести интриги, подставлять своих союзников, расправляться с соперниками всеми средствами. Лучше, чтобы государя боялись, а не любили. Он должен действовать подобно льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, поэтому он должен действовать как лев, когда нужно отпугнуть волков (тех, кто прямо покушается на власть), и как лиса, когда нужно обойти капканы (сложные ситуации, из которых нужно выйти победителем). При этом хороший правитель должен уметь это скрывать, то есть он должен быть превосходным лицемером. Если государь будет таким, как диктует этический кодекс, то это пойдет ему только во вред. Если же он будет выглядеть таким, как диктует этический кодекс, то это будет ему только во благо. Конечно, Макиавелли делает оговорку, что государь должен действовать подобным вероломным образом, только если на то есть необходимость, в остальное же время его поведение может вполне сообразовываться в этическими нормами.

Утопия Томаса Мора

Из-за того что многие утописты, сами того не осознавая, рисовали не только неидеальные, но прямо тоталитарные государства, жанр утопии породил жанр антиутопии, где вроде бы рациональные и справедливые принципы государственного устройства высвечивались в их страшном применении.

Для Томаса Мора «Утопия» была не только рассказом об идеальном государстве, но и способом покритиковать современное ему устройство Англии с его сильным социальным расслоением, праздностью знати, очень тяжким трудом земледельцев, абсолютной властью короля и религиозными гонениями.

Философы любят поразмыслить над тем, каким могло бы быть идеальное государство — самое эффективное, справедливое, разумное. Описания таких государств получили собирательное название утопий по одноименной книге Томаса Мора (1478–1535). Слово «утопия» переводится как «место, которого нет».

Утопия из книги Мора — это островное государство, расположенное к югу от экватора. По своей форме это республика. Жители Утопии живут большими семьями, каждая из которых ежегодно выбирает себе представителей, из которых формируется сенат. Сенат принимает решения по всем общественным делам, а также выбирает князя, который правит до конца жизни. В Утопии мало законов, и все они просты для понимания, так что каждый сам может защищать себя в суде. В Утопии нет частной собственности и денег, все ее жители равны. Они носят одинаковую одежду, питаются вместе в общих столовых, все занимаются земледелием. Помимо земледелия каждый выбирает себе одно из ремесел и занимается наукой. Жители Утопии очень добродетельны: они никогда не сидят в праздности, равнодушны к богатству, не придаются низменным удовольствиям, заботятся о больных, избегают пороков. В Утопии узаконена свобода вероисповедания, и ее жители очень религиозны.

Нарисованная картина, возможно, была бы прекрасной, если бы не одно но: жители Утопии мало похожи на реальных людей — людей, которые подвержены страстям, часто действуют иррационально, хотят отличаться от других. Мор говорит о том, что тех, кто нарушает заведенный порядок, утопийцы обращают в рабство и отправляют на самые грязные работы. Причем нарушением порядка может стать измена жене или нежелание переселяться в деревню. Утопия явно обладает тоталитаристскими чертами, потому что у ее жителей нет права распоряжаться собственной жизнью по своему усмотрению.

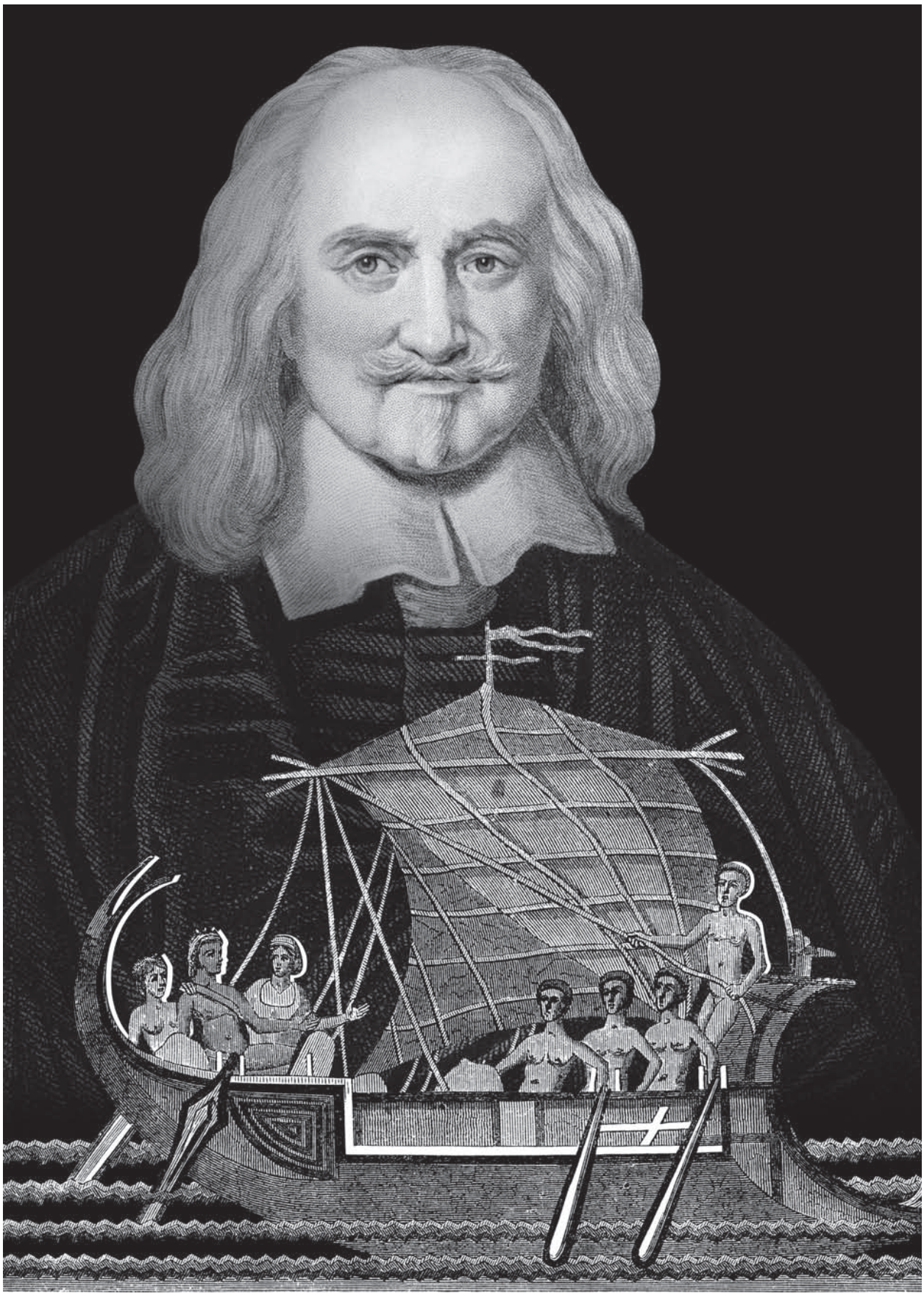
Левиафан Гоббса

При таком подходе встает вопрос о свободе человека. Понятно, что суверен свободен в своих действиях. Но можно ли назвать свободными подданных? Гоббс оправдывает ограничения человеческой свободы тем, что, если бы власти суверена не было, каждый мог бы оказаться рабом, то есть вообще лишиться свободы. По его мнению, разумнее претерпеть притеснения со стороны власти, чем подвергнуть себя бедствиям войны. Пределы свободы подданных определяются тем, что не входит в заключенный общественный договор.

Образ Левиафана Гоббс заимствовал из книги Иова. Левиафан — морское чудище, созданное Господом. Оно было настолько огромным и страшным, что ни один человек не смог бы совладать с ним. Всем, кто попытался бы заарканить его, пришлось бы смирить свою гордыню. Для Гоббса государство — это такой же Левиафан, человеческое создание, перед которым люди склоняют голову.

Люди рождаются, живут и умирают в каком-то государстве, подчиняются его законам, служат на его благо. Но так было не всегда. Когда-то люди не знали государственности. Каждый был сам за себя. Почему же вдруг они решили объединиться? Откуда взялось государство и почему мы ему подчиняемся, хотя оно нас ограничивает? Один из самых знаменитых ответов на эти вопросы принадлежал английскому философу Томасу Гоббсу (1588–1679).

Гоббс предположил, что в догосударственный период люди боролись за ресурсы всеми доступными способами: грабили, убивали, насиловали. Он назвал это естественное состояние человечества войной всех против всех. Однако постоянная война изматывает и ослабляет. В конечном итоге всем хочется спокойной жизни в достатке и избавления от страха смерти. Так постепенно в головы людей начали закрадываться мысли, что было бы хорошо, если бы все стремились к миру, что можно поступиться какой-то частью своей свободы в обмен на благополучие, что лучше не делать другому того, чего ты не желал бы по отношению к себе. Из подобных мыслей складываются первые естественные законы. Однако никакие законы не будут работать, если все отдать на откуп доброй воли самих людей. Человек — существо слабое и непостоянное. Поэтому законы должны быть надежно гарантированы. Нужна сила, держащая людей в страхе и заставляющая соблюдать естественные законы. Такой силой становится государство. Люди договариваются передать всю власть и ответственность одному лицу — суверену, который может использовать силу так, как считает необходимым для всеобщего мира и общей защиты. Все остальные становятся его подданными. Власть суверена неограниченна, он не может быть наказуем подданными, они не могут повлиять на его решения, он является верховным законодателем и высшим судьей. Так появляется государство — Левиафан, который своим могуществом и великолепием заставляет всех ему подчиняться и почитать его.

Естественный человек Руссо

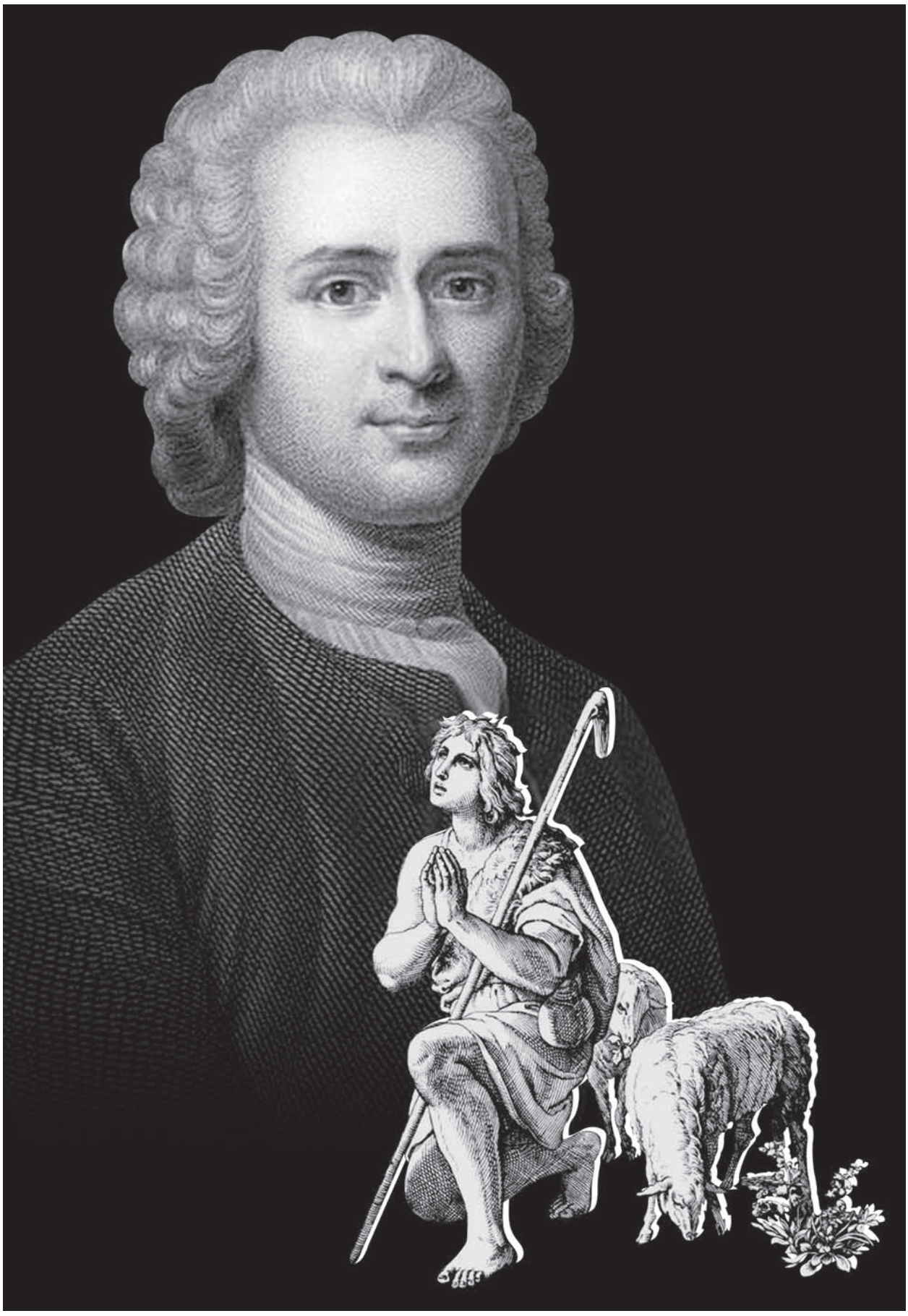
Руссо был одним из теоретиков общественного договора. В отличие от Гоббса, он считал, что общественный договор заключается не между подданными и сувереном, но между равноправными гражданами для защиты их жизни и собственности с сохранением их изначальной свободы. Отдельные идеи из его трактата «Об общественном договоре» были включены в «Декларацию прав человека и гражданина 1789 года».

Идея естественного человека была положена Руссо и в основу педагогики. В романе «Эмиль, или О воспитании» он рисует идеал гуманистического воспитания, раскрывающего естественные для каждого человека любовь и сострадание. К сожалению, Руссо представляет собой пример философа, который не следовал своим собственным идеям. Известно, что своих четырех детей он отдал в приют.

Однажды французский философ Жан Жак Руссо (1712–1778) решил поучаствовать в конкурсе, объявленном Дижонской академией наук, ответив на вопрос, способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов. Вопреки всем ожиданиям ответ его был отрицательным. Цивилизация, движимая развитием науки и искусств, развращает человека. Именно через цивилизацию человек приобретает все отрицательные качества: праздность, тщеславие, погоню за материальными благами. Человек в его естественном состоянии совсем не таков.

Естественный человек живет в гармонии с природой. Ему не нужно жилище, одежда и орудия. Единственные его потребности — пища, отдых и размножение. Он боится только голода и боли. Вокруг него нет других людей. Естественное состояние человечества — совсем не война всех против всех, как полагал Гоббс. Естественный человек не знает зла и насилия, потому что он лишен пороков и страстей. Его отличают две черты: стремление к самосохранению и чувство сострадания ко всему живому. Естественный человек счастлив.

Он не остался в безмятежности и одиночестве и создал общество из стремления к самосохранению, говорит Руссо. Естественный человек заметил, что иногда союз с другими людьми позволяет ему лучше добывать пищу и спасаться от опасностей. Так люди начали объединяться в семьи, которые постепенно разрастались. Появился язык, позволявший людям общаться. И вот в один прекрасный момент кто-то догадался огородить участок земли и сказать: «Мое!» Этот человек изобрел собственность и тем самым заложил основу общества. Произошло грехопадение естественного человека. Он утратил свою естественную доброту и заменил ее моралью и законами. Спасаясь от войн и насилия, которые повлекли за собой возникновение собственности, он отказался от своей естественной свободы и надел на себя ярмо государства, обрекая себя на труд, рабство и нищету.

Индивидуальная свобода по Миллю

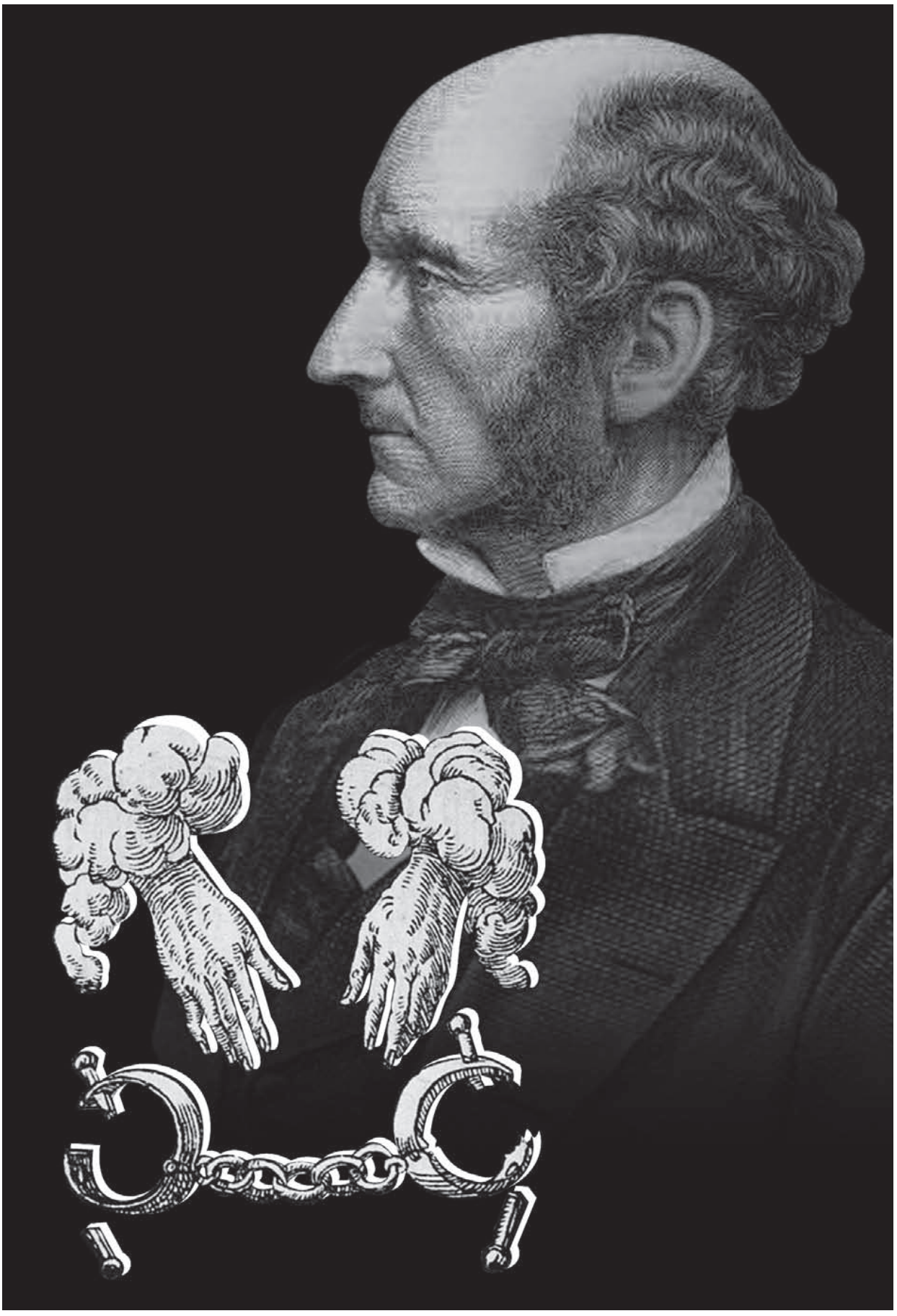
Милль предвидел возражение, согласно которому существуют мнения и образы жизни, не вредящие другим членам общества напрямую, но подрывающие его устои, а потому подлежащие запрету. Он утверждал, что приверженцы подобного мнения не учитывают, что никакие убеждения не обладают абсолютной истинностью, а потому уверенность в них проистекает не откуда-то свыше, но только через постоянное сравнение с противоположными убеждениями, постоянное исправление, дополнение и критику. Поэтому желающие запретить оппозиционные мнения оказывают самим себе медвежью услугу.

Концепция Милля имеет слабость в расплывчатом толковании вреда. Не вполне понятно, о каком именно вреде идет речь: физическом, экономическом, моральном. Если понимать вред максимально широко, то сфера индивидуальной свободы может быть практически полностью подавлена сферой общественного контроля.

Английский философ Джон Стюарт Милль (1806–1873) полагал, что даже демократические общества способны породить ужасную форму тирании — тиранию общественного мнения.

Понятно, что люди, живущие в обществе, принимают на себя ограничения и обязательства. Однако они должны полностью подчиниться обществу, потерять индивидуальные различия. Проблема в том, что любое общество, даже демократическое, тяготеет к тому, чтобы насильно навязывать свои представления и правила всем без исключения. Оно всегда стремится сгладить любые индивидуальные различия и принудить людей следовать тем образцам, которые признаются большинством в качестве достойного образа мыслей, жизни и поведения. Поэтому, согласно Миллю, власть общества над индивидом должна быть ограничена. Где же должна пролегать эта граница?

Милль формулирует следующий принцип: общество может вмешиваться в действия индивидов только в том случае, если они причиняют вред другим его членам; во всех остальных случаях его мысли и действия — это его личное дело: никто не может принуждать индивида делать или не делать что-то только на том основании, что от этого ему самому было бы лучше. Этот принцип невмешательства утверждает, что каждый человек является неограниченным господином над своим телом и мыслями, то есть той сферой, которая не имеет непосредственного отношения к другим людям. Это и есть сфера индивидуальной свободы. По Миллю, она слагается из трех компонентов: свободы совести и свободного выражения своих мыслей, мнений и чувств; свободы выбора того образа жизни, который наиболее отвечает индивидуальным предрасположенностям и представлениям о счастье — в той мере, в какой они не вредят другим людям; свободы общественных союзов и организаций. Если эти свободы в обществе отсутствуют, то, какова бы ни была форма правления, оно не может считаться свободным.

Одномерный человек Маркузе

Маркузе считал, что одномерной стала и философия. Когда неопозитивистская аналитическая философия объявила большие философские проблемы бытия, сознания, свободы результатом неправильного языкового употребления и на этом основании отказалась от их исследования, она тем самым отказала философии в трансцендентальном измерении, которое позволяло ей быть критичной по отношению к обществу и политике.

Немецко-американский философ Герберт Маркузе (1898–1979) считал, что современные ему индустриально развитые общества являются царством технически продвинутой, комфортабельной, мирной, демократической несвободы, тоталитарными системами. Он полагал, что тоталитаризм может быть результатом не только определенного вида политического устройства и политического террора, но и особой формы экономического и технического контроля, который вполне совместим с плюрализмом партий, свободой прессы и т.п.

Дело в том, что технологическая цивилизация может существовать только за счет постоянной экспансии производства. Экономика не будет работать, если люди не будут хотеть покупать новые машины, новую одежду, новые гаджеты. Поэтому современная цивилизация репрессивно стремится навязать индивидам потребности в тех вещах, которые она производит. Успех в этом предприятии может быть достигнут только в том случае, если индивид сам будет полностью отождествлять себя с тем, что ему навязывается. Таким образом, современное общество полностью устраняет сферу личной свободы — внутреннего пространства, в котором человек может оставаться самим собой. Люди становятся одномерными: их личность всецело исчерпывается тем, что навязано им обществом.

Выходит, что технологическая цивилизация водит людей по кругу: она сначала навязывает им определенные потребности, а затем успешно их удовлетворяет, в результате чего любая критика или неподчинение системе кажутся социально бессмысленными. В итоге, хотя в основе западных демократических институтов лежат принципы свободы мысли, слова и совести, по сути они оказываются нейтрализованы из-за отсутствия личной автономии, пространства негативного мышления и возможности оппозиции.

По Маркузе, сама же технологическая цивилизация может подсказать выход из царства несвободы. Техника может избавить человека от необходимости трудиться и подчиняться навязанным потребностям и снова обрести личную свободу. Еще один способ — лишить человека доступа к массовым средствам коммуникации. Тогда, оставшись наедине с самим собой, он смог бы произвести самостоятельную переоценку своих потребностей.

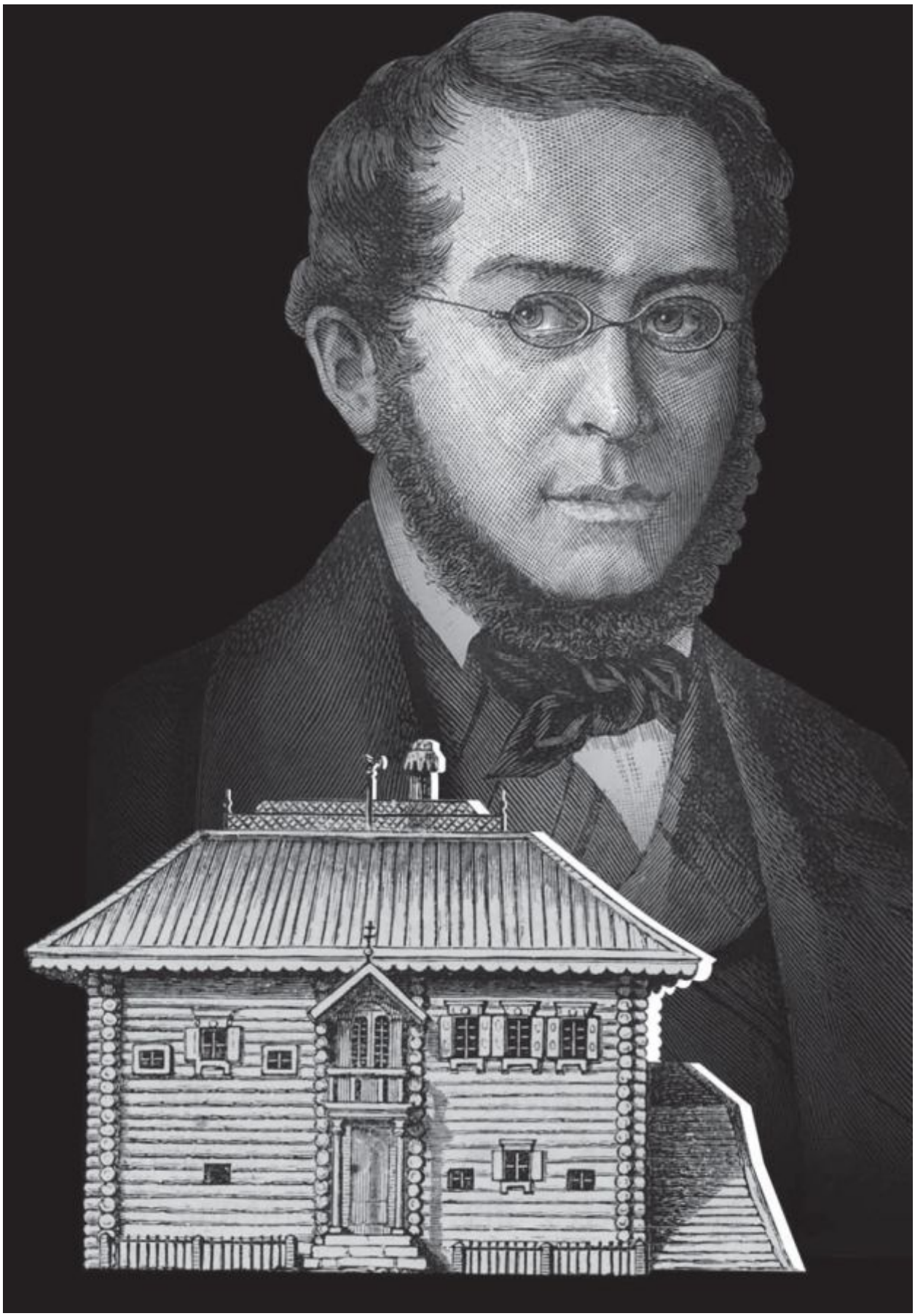
Собственность — это кража

Несмотря на всю критику частной собственности, Прудон не является сторонником общественной собственности и коммунизма. Он полагал, что коммунизм построен на эксплуатации человека, отчуждении труда, подчинении частной жизни государству, то есть не является справедливым общественным устройством. Он считает, что за всеми людьми должно быть сохранено право владения, а на место государства должна прийти анархия. Только они могут сделать возможной настоящую свободу.

Французский философ Пьер Жозеф Прудон (1809–1865) начинает свою работу о том, что есть собственность, с фразы, которая впоследствии стала афоризмом: «Собственность — это кража». Он считал, что собственность не имеет под собой никакого исторического основания. Ни естественные права, ни захват, ни труд, ни общественный договор не могут служить оправданием возникновению собственности. Согласно Прудону, они закрепляли за человеком только право владения, но не собственности. Когда человек владеет чем-то, например участком земли, это значит, что он с согласия общества может на нем жить, обрабатывать его, ухаживать за ним, при необходимости оставить его и занять другой участок, но этот участок ему не принадлежит. Он не принадлежит никому и в то же время принадлежит всему обществу. Если человек заявит, что этот участок земли — его собственность, он тем самым крадет его у всех остальных членов общества. Тем самым собственность — это кража, антисоциальное деяние.

Прудон исходит из старой истины, что человек — это общественное существо. Люди стремятся жить вместе, причем инстинктивно они тянутся к общественному устройству, которое было бы построено на принципах справедливости, всеобщего равенства и свободы. Однако люди не сразу поняли, в чем именно заключается общественная справедливость. Вместо признания в другом личности, равной нашей, они начали понимать под справедливостью право сильного и право хитрого. В результате родилась собственность, а вместе с ней и все ее пороки: эксплуатация сильным слабого, общественное неравенство, тунеядство, ростовщичество, поборы и т.п. Вместо того чтобы объединять людей на справедливых началах, собственность разъединяет их. Где есть собственность, там всегда будет война за нее, поэтому собственность непременно приводит к насилию и тирании. Согласно Прудону, общество либо погибнет под гнетом собственности, либо должно избавиться от нее.

Для Прудона вором и паразитом на теле общества является не только собственник, эксплуатирующий чужой труд, но и тунеядец, который отказывается от труда вообще. Прудон предлагает не только отказать лентяям в содержании, но и отправлять их на принудительные работы. Не ясно, впрочем, как это предложение может сочетаться с его же идеями уважения к другой личности и свободы человека.

Диалектика господина и раба Гегеля

По Гегелю, диалектика господина и раба — это описание того, как люди переходят от индивидуального существования к существованию совместному, то есть описание рождения государства. Рабство и тирания тем самым рассматриваются им как необходимые ступени в истории, а потому они относительно оправданы. Тот, кто не прошел через рабство, не может прийти к идеям свободы, равенства и самоуправления.

Немецкий философ Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) полагал, что история — это диалектический процесс осознания Абсолютным духом самого себя. Диалектичность заключается в том, что на каждом шагу Абсолютный дух проходит через триаду Тезис-Антитезис-Синтез. Тезис — это утверждение идеи. Поскольку в любой идее всегда содержится скрытое противоречие, за ним следует отрицание — антитезис. Оба они вступают в борьбу, которая поднимает их на новый уровень — синтез. Синтез, в свою очередь, становится тезисом для следующей триады, и весь процесс повторяется заново на более выкосом уровне самосознания Абсолюта.

Самая знаменитая иллюстрация этого процесса — диалектика господина и раба, которая, с одной стороны, описывает ступени развития сознания, а с другой — человеческую историю. Все начинается с того, что в определенный момент человек поднимается от осознания внешних объектов к осознанию своего собственного Я. Получаем тезис — единичное самосознание. Этого первобытного человека ждет неминуемая встреча с другим человеком, результатом которой будет схватка за признание своего права на жизнь и свободу. Она заканчивается тем, что один, чтобы сохранить свою жизнь, отказывается от своей свободы и права на признание как равного, тогда как другой подчиняет его. Получаем антитезис — признание. Из признания рождается господство и рабство. Теперь начинается борьба между тезисом и антитезисом. Господин побеждает раба, подчиняет себе его волю, но раб стоит выше господина. Он отказался от эгоцентризма индивидуального самосознания и принял право господина на жизнь и свободу. Господин же не сумел перейти к признанию. Он не видит в рабе такого же человека, как он сам. Поэтому он не может считаться по-настоящему свободным. Он должен увидеть в рабе самого себя и освободить его, только тогда оба станут свободными. Когда признание становится обоюдным, рождается всеобщее самосознание. Это и есть синтез.

Всеобщее самосознание — это формы, в которых люди осознают себя причастными какой-то общности, а именно: семья, нация, отечество, государство и т.п.

Отчуждение Маркса

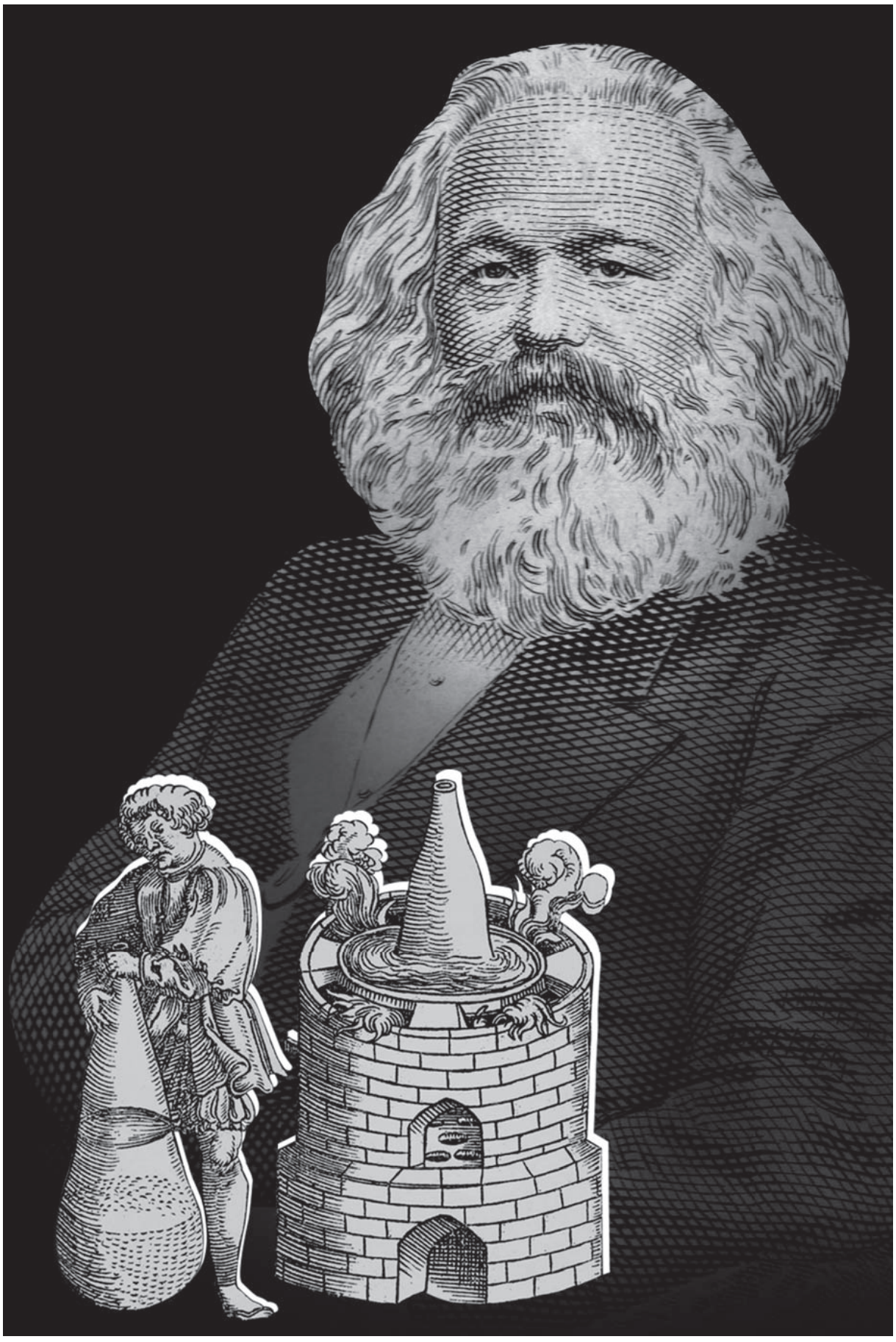
Поскольку частная собственность — это продукт отчужденного труда и средство его отчуждения, преодоление отчуждения возможно только через устранение частной собственности, то есть установление коммунизма.

Философия Маркса называется историческим материализмом: решающую роль в истории играет развитие материального производства. Это базис, на котором надстраиваются все другие общественные институты: политика, культура, наука, религия, мораль. В его основе лежит диалектика производительных сил и производственных отношений. Производительные силы — люди и орудия труда. Они динамичны. Производственные отношения — форма организации труда и собственности. Они косны. Отсюда рождается конфликт, в результате которого происходит социальная революция и создаются новые производственные отношения. В этом состоит сущность исторического процесса.

Все знают, что Карл Маркс (1818–1883) критиковал капитализм. Примечательно, что в сердце этой критики лежали не только экономические, но и философские мотивы. Она построена вокруг концепта отчуждения. Рабочий отчужден от самого себя, он не обладает самосознанием. Конечно, это не значит, что он не знает, что он рабочий. Это он знает, проблема как раз в том, что только это он и знает. И для капиталиста, и для самого рабочего рабочий представляет собой только рабочего, но не человека. Капиталистическое производство обесчеловечивает рабочего. Это и есть отчуждение.

Маркс рассматривает его в четырех аспектах. Во-первых, отчуждение по отношению к продукту труда. Продукты труда рабочего — это товары, от них зависит его существование, но они ему не принадлежат, и он не имеет возможности их приобрести. Во-вторых, отчуждение от акта производства. Оно является для рабочего чем-то внешним. В процессе производства рабочий и его труд принадлежат не ему, а капиталисту. Поэтому в труде рабочий не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет и разрушает себя. Его труд не добровольный, а вынужденный, принудительный. В-третьих, отчуждение от родовой сущности человека. По Марксу, сущность человека состоит в том, чтобы жить общественной, производительной жизнью, свободной сознательной деятельностью. Рабочий трудится не для ее реализации, а просто чтобы поддержать свое существование. Сама жизнь оказывается лишь средством к жизни. Наконец, отчуждение человека от человека. Поскольку продукт труда и сам труд рабочего являются для него чуждыми и враждебными, таковым становится для него и тот, кому они действительно принадлежат, — хозяин труда, капиталист.

Безусловно, отчужденное состояние рабочего не может считаться справедливым. Поэтому рабочий должен преодолеть отчуждение, осознать свою человеческую сущность и в результате этого осознания сбросить иго капитализма.

Конец истории Фукуямы

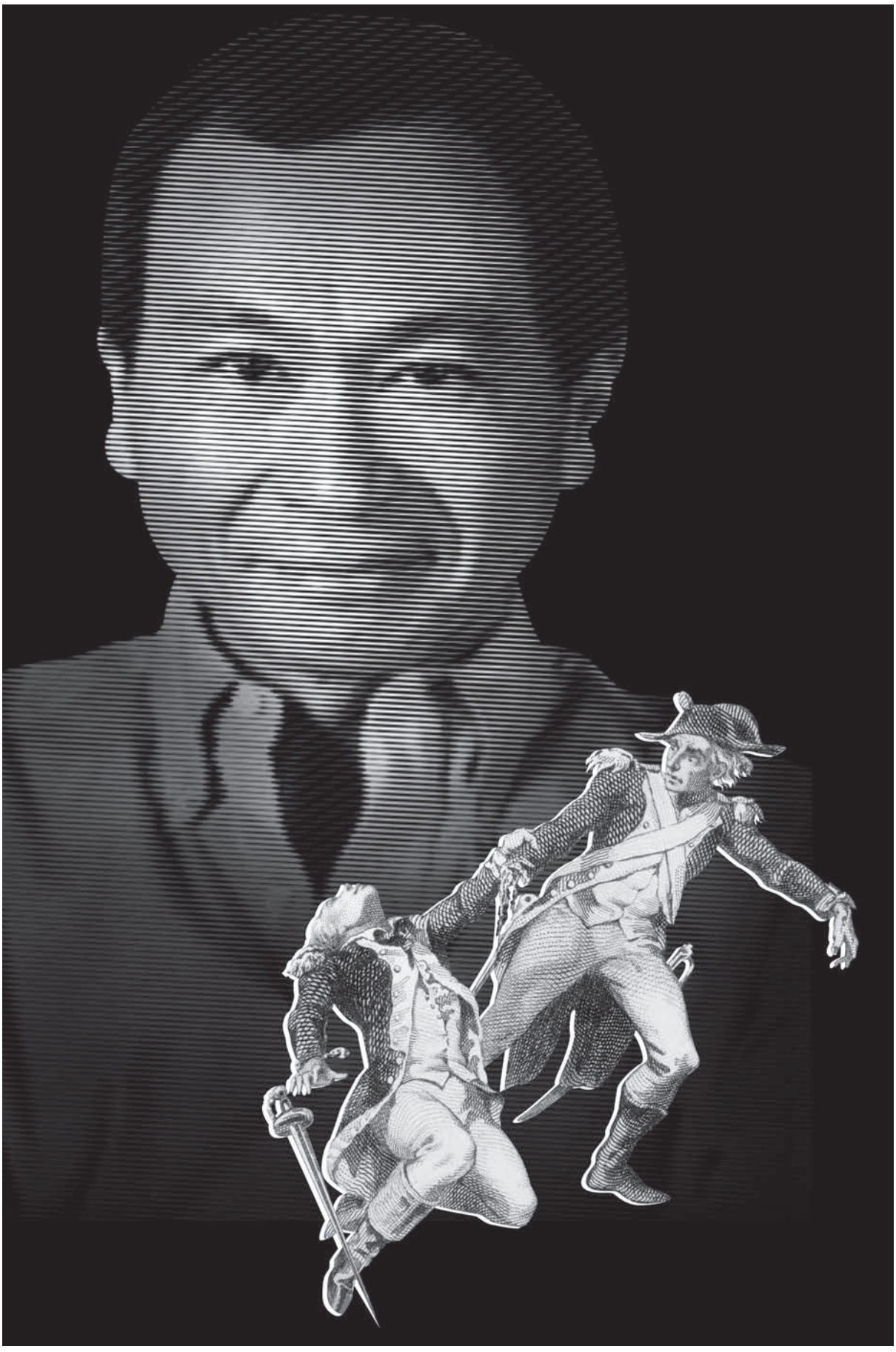
Согласно Фукуяме, Маркс ошибся, когда считал, что устранение различий между господами и рабами возможно только при коммунизме. Именно либеральная демократия создает истинно бесклассовое общество, потому что она отказывается видеть в человеке только представителя социальной группы и видит в нем прежде всего человека в его всеобщности.

Фукуяма признает, что либеральная демократия не стала повсеместной и часто не удерживалась у власти надолго. Причина этого, впрочем, заключается не в каких-то ее недостатках, а культурных традициях народов, становящихся препятствиями на пути демократизации.

Философов всегда интересовало, что представляет собой человеческая история. Является ли она направленным движением к чему-то или ходит по кругу? Можно ли сказать, что она универсальна или в мире существует множество замкнутых цивилизаций со своими законами развития? Неожиданный ответ на эти вопросы дает американский философ Френсис Фукуяма (род. 1952).

Он считает, что история человечества универсальна, направлена, осмысленна и конец ее уже наступил. Как же так? Человечество вроде бы продолжает существовать, ведутся войны, меняются границы государств и формы власти. Фукуяма этого не отрицает, однако, по его мнению, человечество уже произвело на свет идеальную форму политического устройства, лучше и справедливее которой мы не можем ничего себе представить, а именно — либеральную демократию. В этом смысле История с большой буквы пришла к своему завершению.

Он основывает свое утверждение на анализе событий второй половины XX века. В это время происходит падение основных тоталитарных и авторитарных режимов, многие страны переходят к рыночной экономике и демократическому политическому устройству. По словам Фукуямы, у этой либеральной революции были две причины. Первая — утверждение современной технологической цивилизации, которая повлекла за собой мощный экономический рост. Результатом этого стала политическая и экономическая унификация, равнение на наиболее развитые страны — страны со свободным рынком и демократией. Вторая причина сложнее. Вслед за Гегелем Фукуяма считает, что в центре политической жизни лежит борьба за признание. Люди хотят не только права на жизнь, свободу и частную собственность, но и всеобщего признания достоинства их личности. Только либеральное государство способно сделать это признание универсальным, то есть предоставить его всем гражданам, поскольку они люди, а не потому что они члены той или иной социальной или национальной группы.

Третья волна Тоффлера

«Третья волна» — это футурологическая книга, то есть Тоффлер попытался нарисовать образ перемен, ждущих человечество. Поскольку с ее издания прошло уже более сорока лет, сейчас уже можно видеть, что многие из его предсказаний сбылись.

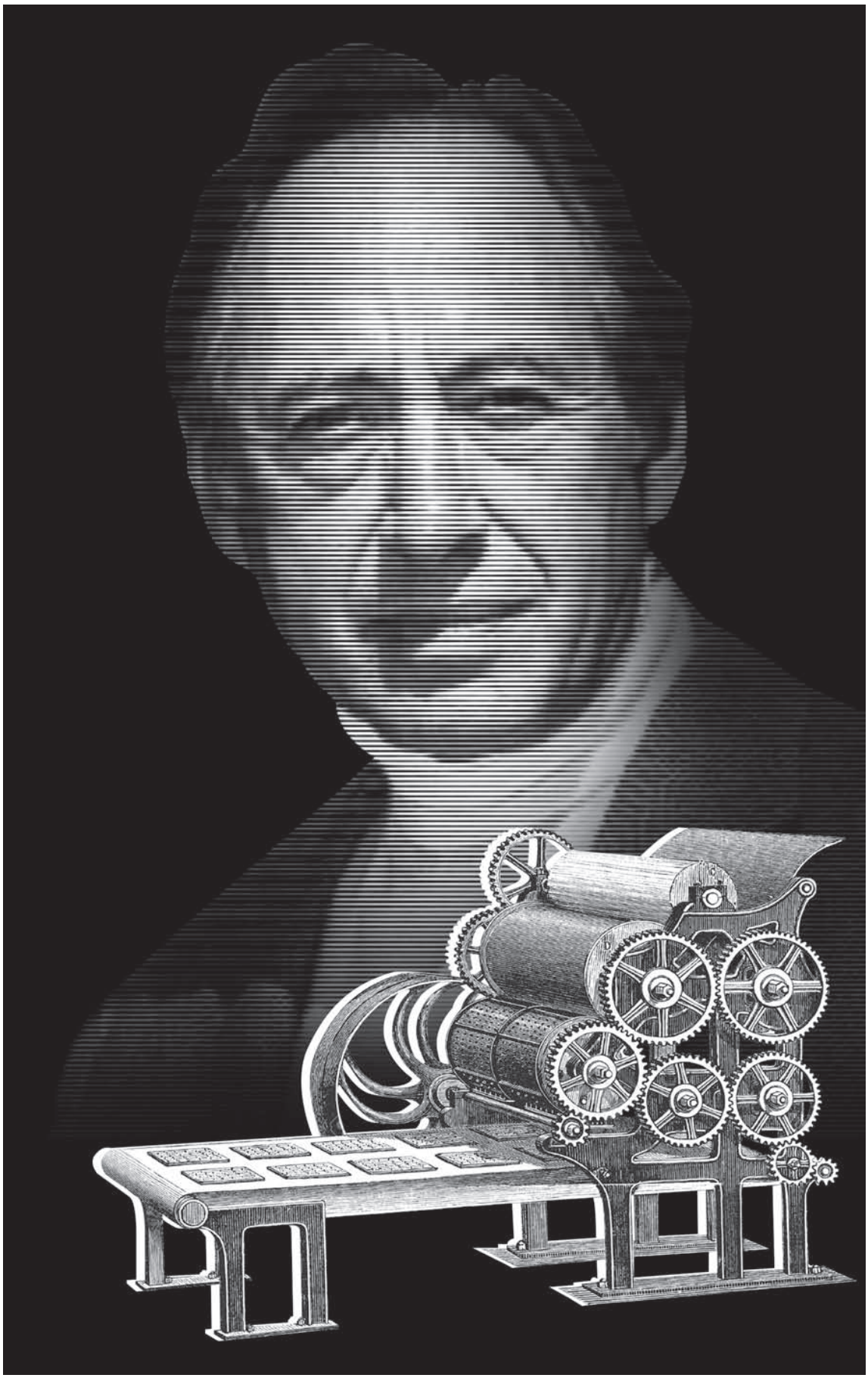
Тоффлер называл свое описание грядущего социального устройства «практопией». В отличие от утопии и антиутопии, практопия — это не лучший и не худший из возможных миров, это практичный мир, не лишенный несовершенств, но тем не менее более благоприятный для человеческого существования, чем сельскохозяйственная и индустриальная цивилизации.

Американский философ Элвин Тоффлер (1928–2016) считал, что история человечества далека от своего завершения. Наоборот, она находится в самом начале своего пути — на пороге новой постиндустриальной цивилизации.

Тоффлер описывал человеческую историю с помощью метафоры волн перемен. Первая волна — это сельскохозяйственная революция, которая началась примерно восемь тысяч лет назад и изжила себя к началу Нового времени. Вторая волна — это промышленная революция, пик которой пришелся на XVIII–XIX века. Наконец, третья волна — постиндустриальная революция, начавшаяся в середине XX века. Волны не сменяют друг друга одномоментно по всему миру, скорее, они набирают силу, достигают максимальной высоты, обрушиваются на человечество, а потом постепенно отползают. Таким образом, они находятся в постоянном движении и перекрывают друг друга.

Что же несет с собой третья волна? Кратко говоря, изменения по всем фронтам: возобновляемую энергетику, рост наукоемких производств, распространение информационных технологий и использования искусственного интеллекта, уход от массовости и стандартизации в производстве и потреблении, гибкость в организации труда, появление индивидуальных медиа, торжество клипповой культуры, распад нуклеарной семьи, отказ от традиционных ценностей, становление экономики производителей для себя, распад национальных государств.

При этом третья волна повлечет за собой серьезные социальные потрясения, подобные революциям, прокатившимся по Европе в XVIII–XIX веках. Дело в том, что все эти социальные и экономические изменения требуют и новых политических форм: власти меньшинств, полупрямой демократии, децентрализации в принятии политических решений, но ветхие политические институты, созданные волной индустриализации, будут стараться сохранить свои позиции, что приведет человечество к глубокому кризису.

Открытое общество

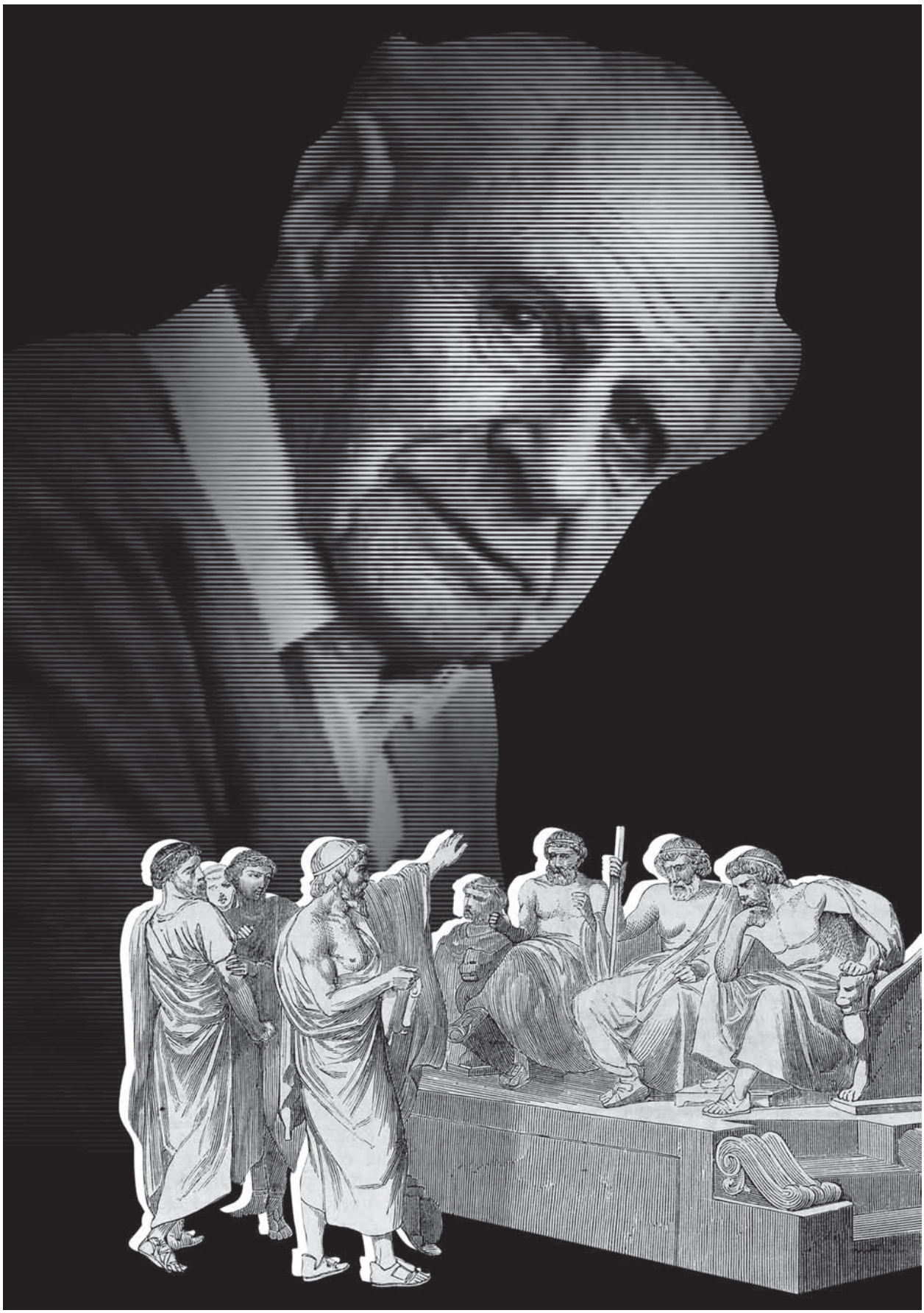
Для Поппера, наблюдавшего появление тоталитаризма, не было ничего хуже тирании. По этой причине он яростно критикует историцизм, лежавший в основе тоталитарных идеологий. Историцизм полагает, что главные действующие лица истории — не конкретные люди, но избранные народы, классы, нации, расы. История — это закономерное и направленное развитие избранных к конечной цели в виде идеального общественного устройства. Выявление исторических законов позволяет делать предсказания относительно природы этого устройства. Согласно Попперу, историцизм ненаучен, потому что он полностью извращает понятие научных законов и предсказаний.

Хотя Поппер утверждает, что не существует никакой конечной цели и смысла истории, а над людьми не довлеет историческая необходимость, кажется, что это утверждение противоречит его собственному описанию перехода от закрытых обществ к открытым.

Карл Поппер считал поворотным событием человеческой истории переход от закрытых обществ к открытым. Он называл его настоящей революцией, которая началась еще в Древней Греции, но до сих пор не может считаться завершенной.

Различие между открытыми и закрытыми обществами лежит не столько в способе их социальной организации, сколько в характерном для них способе мышления. Для закрытых обществ характерно магическое мышление. Причину любого общественного изменения они видят в действии сверхъестественных сил. Социальные институты никогда не становятся объектом критического рассмотрения. В нем нет места личной ответственности, так как любое действие оправдывается ссылкой на традиции. Жизнь в них регулируется жесткой системой табу. Такое общество напоминает организм, где все члены неразрывно связаны между собой. Открытое общество освобождает критические способности человека. Оно основывается на рациональной попытке улучшить условия жизни своих членов. В нем люди вынуждены принимать индивидуальные решения, то есть они получают свободу и ответственность за свою жизнь. Открытые общества абстрактны: для того чтобы взаимодействовать, его членам не нужно находиться в личном контакте.

Открытые общества обладают одной важной характеристикой: они позволяют противиться тирании. Это становится возможным благодаря двум особенностям. Во-первых, они демократичны. Демократия не представлялась Попперу наилучшей или самой справедливой формой правления, но только она предоставляла механизмы контроля за властью. Во-вторых, все изменения в этих обществах проводятся посредством социальной инженерии, то есть постепенной рациональной перестройки политических и экономических институтов для решения социальных проблем. Это позволяет исключить превращение членов общества в заложников утопических идей властителей.

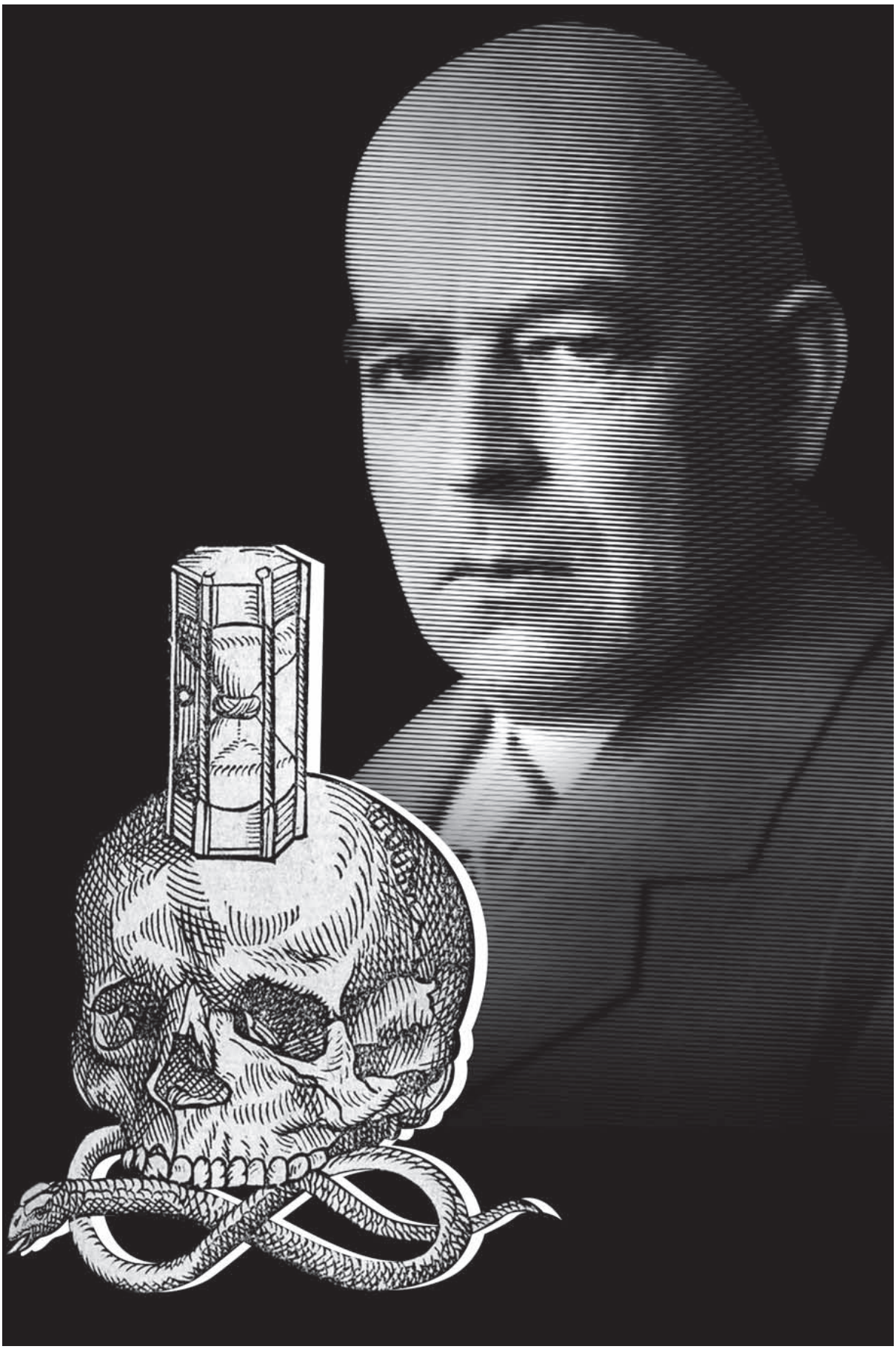
Закат Европы

Русский философ Николай Данилевский (1822–1885) также считал всеобщую историю человечества иллюзией и разработал свою собственную концепцию культурно-исторических типов. Согласно этой концепции, Россия и славянский мир стоят у порога зарождения своего собственного нового культурно-исторического типа, совершенно отличного от Западной Европы.

Несмотря на справедливость критики европоцентризма в исторических науках, концепция локальных культур сталкивается с серьезной проблемой: принимая ее, довольно сложно объяснить процессы глобализации, протекающие в современном мире.

Хотя вслед за Гегелем и Марксом идея истории как всеобщего поступательного процесса, ведущего к одной цели, стала очень популярной, далеко не все философы поспешили с ней согласиться. Одним из критиков выступил немецкий философ Освальд Шпенглер (1880–1936). Шпенглер изучал историю культуры и искусства, в результате чего он пришел к выводу, что концепция всемирной истории предполагает определенную картину мира, присущую далеко не всем культурам. Традиционная схема «Древний мир — Средние века — Новое время» является продуктом культуры и исторической науки Западной Европы и поэтому ориентирована прежде всего на историю Западной Европы. По этой причине ее нельзя распространять на другие культуры. Античность, Западная Европа, Индия, Вавилон, Китай, Египет, арабская культура, культура майя — это целые миры, равноправные и независимые, которые развиваются в собственном темпе и создают особые культурные формы.

Шпенглер описывает локальные культуры как живые существа высшего порядка, проходящие стадии становления, расцвета и увядания. Стадию увядания он называет цивилизацией. Это умирание, окаменение некогда живых органических культурных форм. Когда культура входит в стадию увядания, ареной истории становятся мировые города, по отношению к которым вся остальная страна культуры нисходит на положение провинции, имеющей своим исключительным назначением питать их остатками своего человеческого материала. На место богатого формами, сросшегося с землей народа приходит житель большого города, новый кочевник, человек абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокого отвращения к крестьянству. Согласно Шпенглеру, Западная Европа как раз вошла в стадию цивилизации, а потому ее история близится к закату.

Восстание масс

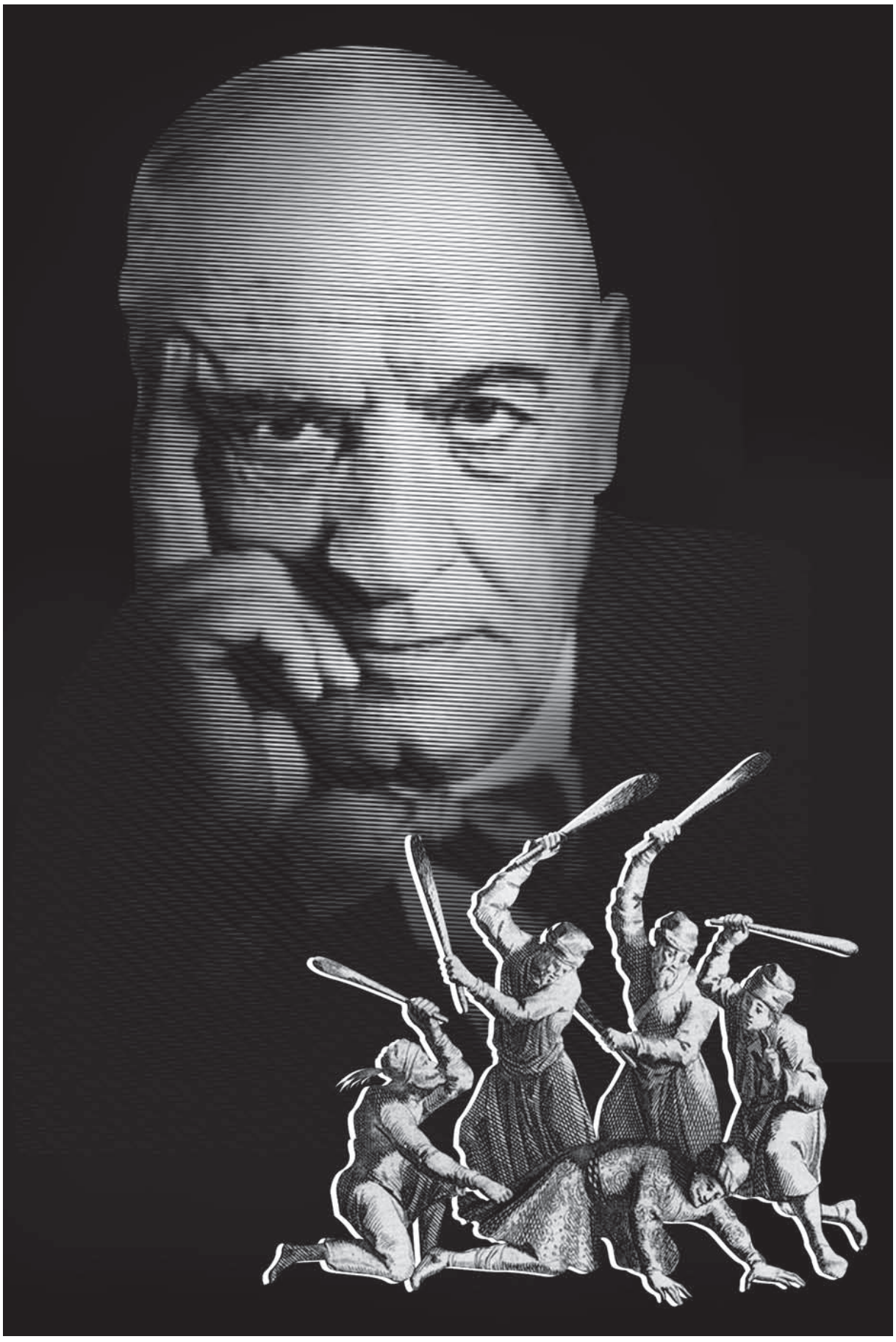
«Восстание масс» во многом оказалось пророческим. Ортега-и-Гассет предвидит возникновение тоталитарных государств и неизбежность насилия, которое вылилось во Вторую мировую войну, Холокост, социальные репрессии в СССР. Тем не менее его предсказание одичания не сбылось. Европа оправилась от потрясений, и европейская цивилизация не погибла под натиском варварских масс.

В 1929 году испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) выпустил книгу под названием «Восстание масс», где он описал феномен массового человека, порожденного европейской цивилизацией XIX века.

Согласно Ортега-и-Гассету, общества всегда представляли собой единство массы и меньшинств. Меньшинство — это сообщество, которое чем-то выделяется. Масса — это средний человек, он ничем не выделяется, ощущает себя таким же, как все, и считает свою посредственность нормой. При этом масса всегда была пассивна. Представители меньшинств руководили ею. В начале XX века массовый человек восстал против своего предназначения быть ведомым и захватил власть. Это стало возможным благодаря развитию либеральной демократии, науки и промышленности. Они сделали жизнь значительно легче и комфортнее. Европейский человек перестал дрожать перед лицом смерти и голода, ему стали доступны многие материальные блага, для него были устранены социальные барьеры. В итоге родился массовый человек — неблагодарная заурядность, переполненная чувством превосходства и всесилия.

С точки зрения Ортега-и-Гассета, у восстания масс есть несколько губительных для европейской цивилизации последствий. Во-первых, там, где торжествуют массы, торжествует насилие, поскольку насилие — это единственный способ, которым масса утверждает себя. Во-вторых, массовый человек отдает решение всех проблем и конфликтов на откуп государству, что приводит к поглощению им всякой независимой социальной активности, к экспансии власти во все сферы жизни. Общество вынудят жить для государства, человека — для государственной машины. Наконец, массы несут за собой новое варварство, одичание, утрату культуры. Ведь сознание массового человека герметично: оно плотно закрыто для любых чуждых ему идей, а потому он не в состоянии впитывать и перерабатывать культурный опыт предыдущих поколений.

Для Ортега-и-Гассета термин «массовая культура» является оксюмороном. Массовый человек неспособен произвести и воспринять то, что лежит в основе любой культуры: целостную систему идей, относительно которой выверяются отдельные взгляды, и общий свод правил, к которым можно обращаться в споре. Он вообще неспособен к спору. Единственное, что он может, — силой навязывать свою пошлость. Там, где царит пошлость, невозможна культура.

Homo Ludens Хейзинги

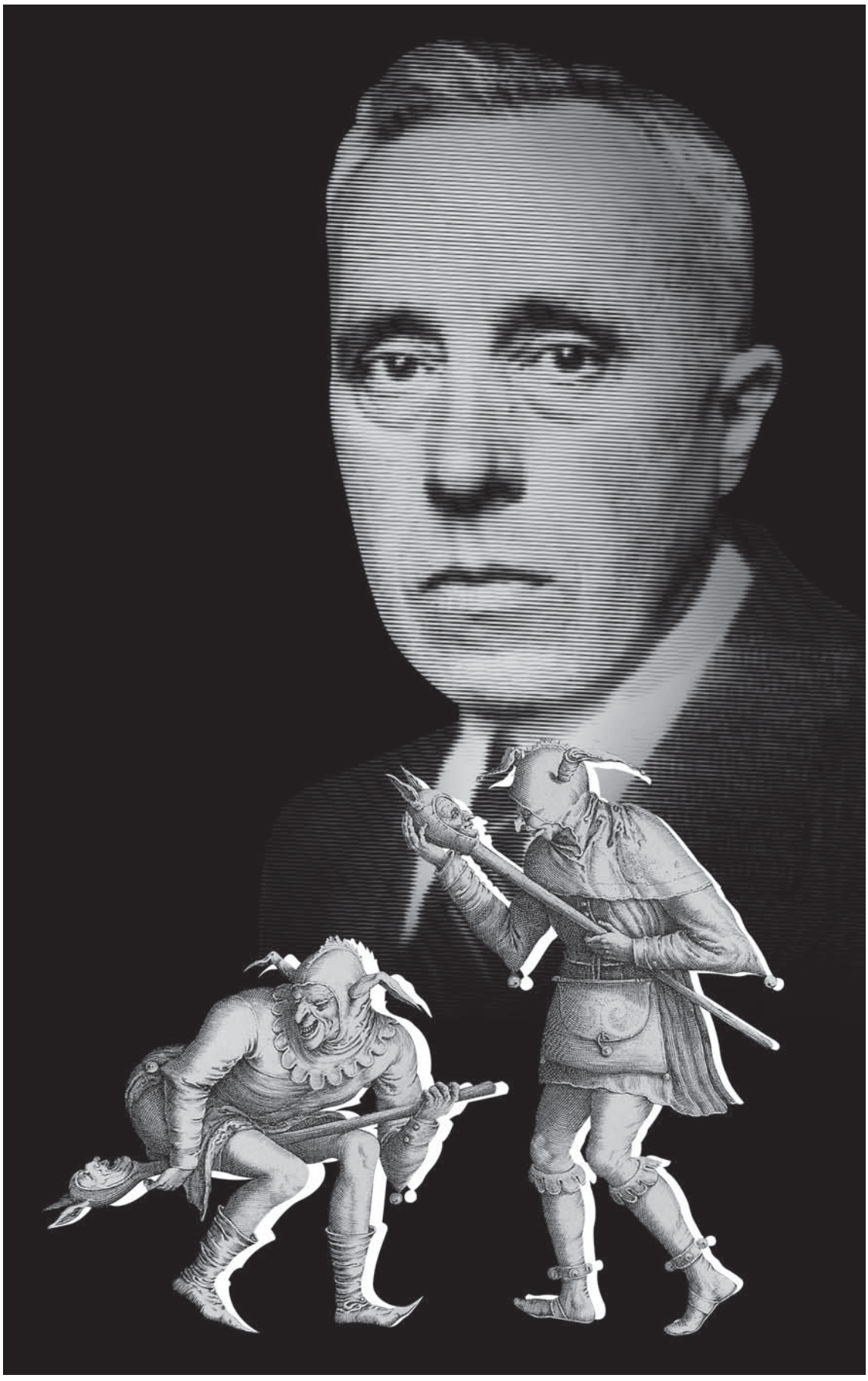
Книга Homo Ludens *вышла в свет в 1938 году, и в ней явно чувствуется критический настрой по отношению к фашизму. Согласно Хейзинге, фашизм заимствовал внешние формы игры (закрытые объединения, атрибутика, марши и т.п.), но убил ее суть — способность добровольно себя ограничивать общими правилами и добропорядочно следовать им. После оккупации Нидерландов немцы отстранили Хейзингу от преподавания за его антифашистские взгляды.*

Голландский философ и историк Йохан Хейзинга (1872–1945) полагал, что в основе возникновения и развития человеческой культуры лежит игра. Культурный человек — это прежде всего homo Ludens, человек играющий.

Хейзинга исходил из того, что игра представляет собой совершенно особый тип деятельности, не объяснимый ни из биологии, ни из психологии, ни из общества. Хотя игры, созданные людьми, очень разнообразны, в них можно выделить следующие характерные черты. Во-первых, игра свободна, не может быть игры по принуждению. Во-вторых, игра воспринимается как «ненастоящая», она выпадает из обыденного течения жизни. В-третьих, в ней нет никакой пользы, она не следует никаким материальным интересам, играют всегда для удовольствия. В-четвертых, она играется по правилам, которые мы не ставим под сомнение. В-пятых, она способна полностью захватить играющего. Наконец, она вызывает к жизни общественные объединения, стремящиеся показать свою отличность от остальных людей с помощью специальной атрибутики. Игровая деятельность обычно принимает две формы: это либо соревнование (борьба, агон), либо демонстрация чего-то выходящего за рамки обычного.

Согласно Хейзинге, вплоть до XVIII века игра была способом существования культуры. Любые виды деятельности, даже если они были направлены на удовлетворение самых базовых потребностей, старались принять игровую форму. Он показывает, как игра проступает в таких разных областях человеческой жизни, как религиозные культы, право и судопроизводство, военное дело, философия, наука, поэзия, музыка, изобразительные искусства, дипломатия. Однако постепенно большинство видов человеческой деятельности теряет свой игровой характер — становится серьезным. Цивилизация XX века практически утрачивает способность к игре, и вместе с тем, по Хейзинге, она лишается подлинной культуры.

Хейзинга считал, что современный спорт тоже начал терять свою игровую сторону. Из-за большей систематизации, строгости дисциплины и детализации правил он стал серьезным делом, которым занимаются профессионалы. Более того, в отличие от архаических культур, где соревнования всегда были частью культовых празднеств, современный спорт оказался за рамками культуры как таковой.

Структуры Леви-Стросса

То, как работают структуры, можно увидеть на примере отношений родства. В традиционных обществах именно через системы родства и вступление в брак человек получал свою социальную идентичность. Поэтому понимание их работы было важно для исследователей. Леви-Стросс выявил следующую структуру: отношения между дядей и племянником будут для отношений между братом и сестрой тем же, что и отношения между отцом и сыном — для отношений между мужем и женой. Если первые три типа отношений известны, то можно предсказать и последний.

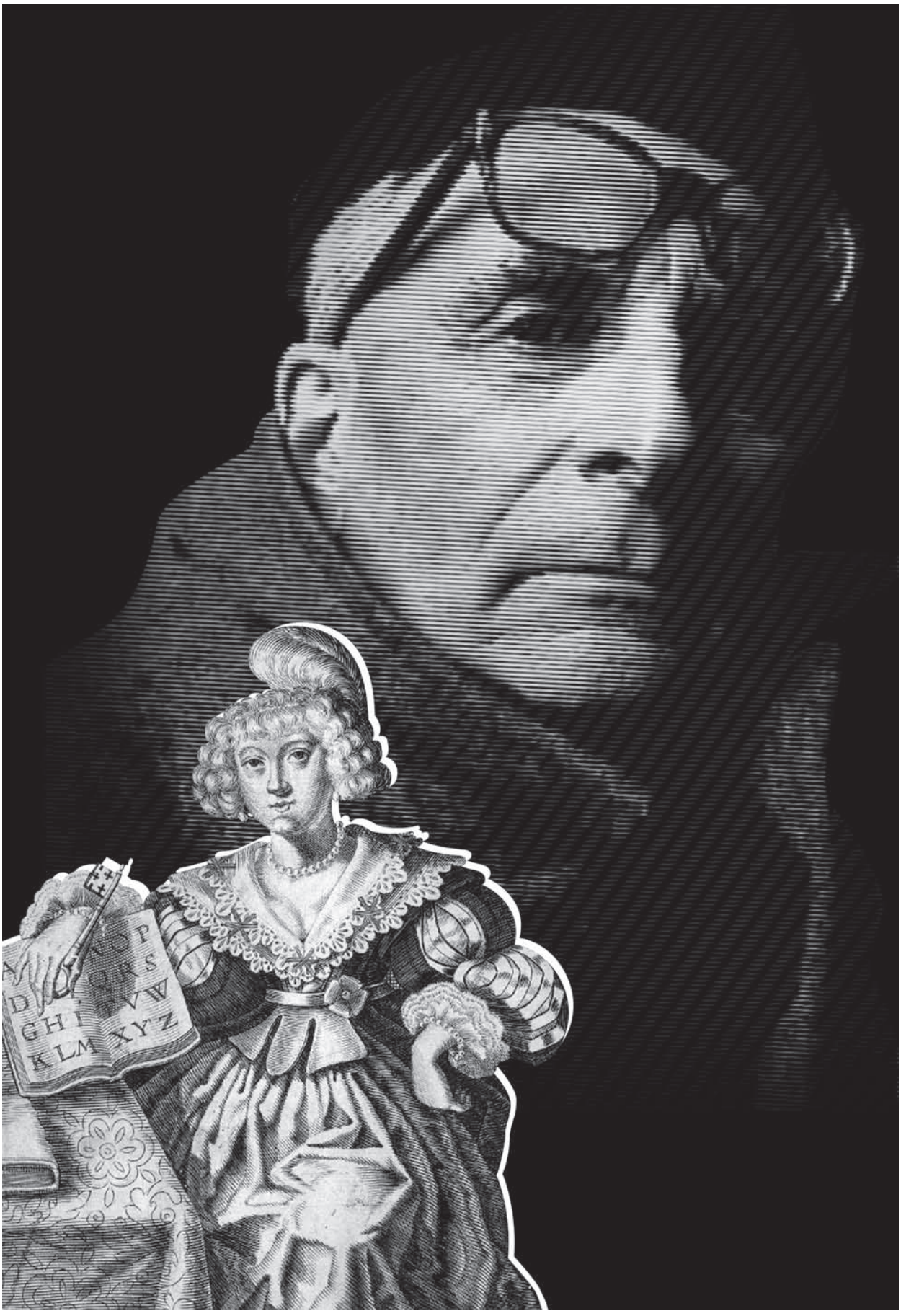
Во время студенческих волнений в Париже в мае 1968 года одним из ведущих лозунгов стал «Структуры не выходят на улицы!». Смысл этой критики состоял в том, что структурализм, ставший основной методологией гуманитарных и социальных наук, был не в состоянии объяснить социальные процессы своего времени.

Когда в конце XIX — начале XX века произошел скачок в развитии этнологии и социальной антропологии, исследователи столкнулись с тем, что традиционные методы истории для них не подходят. Европейская историография всегда занималась смотрением в прошлое и из этого прошлого объясняла настоящее. Однако при изучении культур, например, индейцев Амазонии никакого прошлого, которое бы все объясняло, не наблюдалось. Как же изучать такие культуры?

Французский философ, этнолог и социолог Клод Леви-Стросс (1908–2009) предложил их изучать так же, как лингвисты изучают языки. В начале XX века в лингвистике господствовало течение структурализма, согласно которому в основе языка лежит бессознательно усваиваемая говорящими структура, проявляющаяся в устройстве фонетики, грамматики, морфологии, семантики. Она управляет всеми конкретными употреблениями языка, даже если человек никогда специально не занимался его теоретическим изучением.

Леви-Стросс считал, что культура — это тоже знаковая система и в ее основе тоже лежат подобные структуры. Структура — это некая матрица, задающая правила и расположение элементов через их отождествление и противопоставление. Структуры бессознательно впитываются всеми членами общества и воспроизводятся на всех уровнях: в логике мышления, обычаях, фольклоре, мифах, системах родства и табу, устройстве домов и городов, фасонах одежды и т.д.

Этот подход был революционным для изучения общества и культуры, потому что он стирал дихотомию между социальными фактами, как, например, устройство отношений родства, и ментальными символическими конструкциями, в частности знанием и мифами, объявляя их выражением одной и той же структуры.

P
S
W
GH I
K LM XYZ

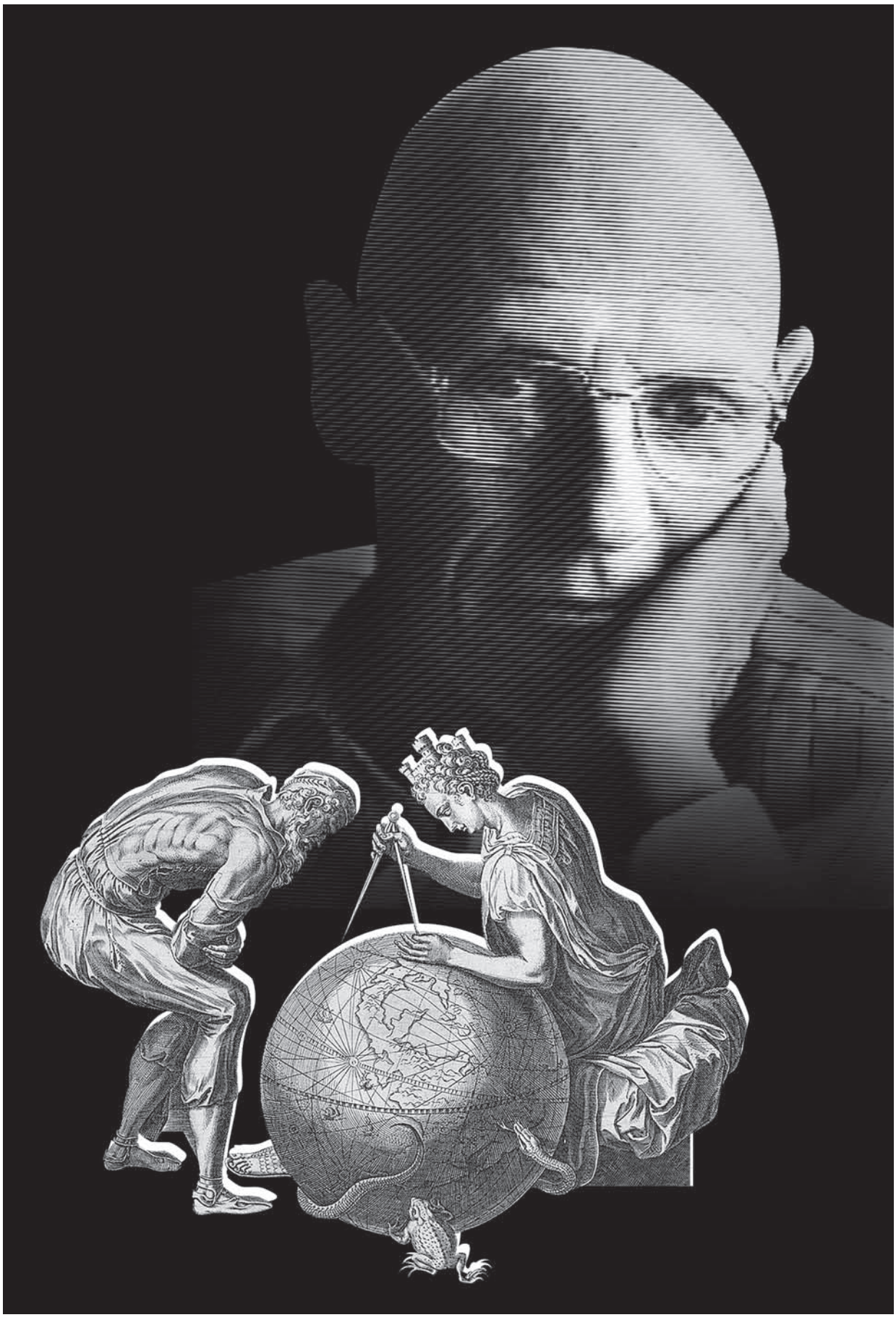
Знание-власть Фуко

Согласно Фуко, современное общество перестает быть обществом дисциплины. Люди становятся все более независимыми и непохожими друг на друга, они больше не поддаются дисциплине. Поэтому он верит, что на смену обществу дисциплины должно прийти общество контроля, в котором власть и знание будут организованы иначе.

Французский философ Мишель Фуко (1926–1984) открыл, что производство знания связано с социальным порядком. Точнее, существует один-единственный порядок знания-власти. С одной стороны, знание и истина пропитаны властными механизмами, что проявляется в организации школ и университетов, в способах признания научных результатов, в демаркации знания и незнания. С другой стороны, властные институты пронизаны способом функционирования знания определенной эпохи. Во-первых, власть пользуется тем же языком и способами рассуждения, адресуется к тем же объектам, что и знание конкретной эпохи. Во-вторых, властные институты, как больница или тюрьма, сами являются аппаратами познания. Таким образом, существует порядок, который воспринимается людьми как мировой порядок и кладется в основу и научной картины мира, и политической организации общества.

Фуко предложил изучать знание так же, как археологи изучают историю: начинать не с утверждения какой-то единой теории, но копать, снимать исторические пласты, очищать от наслоений. В ходе своей археологии знания он заметил, что невозможно говорить о каком-то едином концепте знания. То, как понималось и производилось знание в Средние века, радикально отличается от того, что было характерно, например, для Нового времени. Поэтому он предлагает говорить о разных эпистемах — разных порядках производства знания, возникающих в разные эпохи.

Фуко иллюстрирует работу знания-власти на примере общества дисциплины Нового времени. Дисциплины — это методы, которые делают возможным контроль над телом и обеспечивают его послушание. В XVII–XVIII веках они стали общими формулами политического и научного господства. Идеальная модель общества дисциплины — паноптикум. Это проект тюрьмы в форме окружности, в центре которой находится смотровая башня. Каждый заключенный помещен в отдельную камеру, подвержен учету, наблюдению и изучению и при этом никогда не знает, что происходит в смотровой башне. Основная цель паноптикума — привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти и ее обезличивание. Паноптикум становится способом организации и функционирования всего общества: бюрократии, армии, полиции, фабрики, больницы и в то же время научного производства — лаборатории, школы, университета. По большому счету, целые государства становятся паноптикумами, в которых управляется и изучается все население.

Постфилософия, антифилософия, новая философия

Несколько иное понимание антифилософии предложил русско-немецкий философ и искусствовед Борис Гройс (род. 1947). По Гройсу, антифилософия, подобно антиискусству, предлагает в качестве объекта исследования т. н. «реди-мейды». Вместо подъема в платоновский мир умопостигаемых сущностей антифилософы обращаются к повседневным практикам.

В начале книги говорилось о том, что философия движется по кругу, в котором непрерывно чередуются проблематизация принятых представлений и попытки выстроить картину мира на новых основаниях. Вы увидели, как это происходит, на примере нескольких десятков проблем и концептов, которые имели основополагающее значение в ходе истории философии.

Однако рассказ о философии был бы неполным без рассмотрения того, какое будущее ее ждет. По мнению философов самых разных направлений, философия со второй половины XX века находится в кризисе. Они рисуют три альтернативы его преодоления: постфилософия, антифилософия и новая философия.

Адептом постфилософии был американский философ Ричард Рорти (1931–2007). Он полагал, что классические проблемы философии проистекают из того, что она говорит на языке бинарных оппозиций: субъекта и объекта, природы и культуры, найденного и сделанного. Отсюда возникают все эти бесконечные, обреченные на провал попытки ответить на вопросы, что есть истина, в чем состоит подлинная реальность, как возможно достоверное познание. Язык бинарных оппозиций был удобен для решения некоторых проблем, но это не значит, что концепты этого языка отражают устройство самой реальности. Говорить о таком отражении вообще бессмысленно, так как познание имеет своей целью не достоверное описание вещей самих по себе, но наилучшее приспособление человека к миру. Поэтому пора отказаться от старого языка и заменить его новым, который позволит людям эффективно решать проблемы и успешно действовать в мире. Следовательно, нужно выйти из философии в постфилософию, которая будет не бесконечно ходить по одному и тому же кругу, но лишь давать прагматическую оценку языковых практик, как более или менее полезных для решения насущных проблем.

Идея антифилософии вводится в оборот французским психоаналитиком и философом Жаком Лаканом (1901–1981), а затем подхватывается французским философом Аленом Бадью (род. 1937), который помимо Лакана называет антифилософами также Паскаля, Руссо, Ницше, Кьеркегора и Витгенштейна. Согласно Бадью, антифилософы обвиняли философию в том, что она претендует на статус чисто теоретической мысли, постигающей истину как она есть, хотя она таковой не является. Через критику ее языка и концептов они показывали, что философия — это не только теория, но и действие, акт самоутверждения, обеспечивающий самим философам теплое место под солнцем культуры. Философский язык — это нонсенс, ложь, пропаганда, имеющая своей целью скрыть этот акт. Поэтому понять что-то о мире только с помощью философского рассуждения невозможно, необходим выход за рамки теоретического, акт другой природы: дать проявиться воле к жизни, дать показать себя мистическому, обратиться один на один к Богу. Но дальше философии остается только молчать.

К счастью для философов, по мнению Бадью, возможна еще одна альтернатива — новая философия. Он полагал, что упадок философии начался в XIX веке, когда она утратила свою систематичность и стала рассматриваться самими философами как служанка либо науки, либо политики, либо искусства. Философии пора перестать быть служанкой и снова стать самой собой, но для этого философы, подобно тому, как это когда-то сделал Платон, должны найти для нее новые основания, дать ей новый язык, сформулировать новое определение бытия и истины. А это означает пустить ее по совершенно новому кругу, в котором будут поставлены новые проблемы и сотворены новые концепты.

Состояние современной философии довольно часто называют постмодернизмом. Этот концепт ввел французский философ Жан Франсуа Лиотар (1924–1998) для обозначения того подозрения, с которым нынешняя эпоха относится к метанарративам Нового времени — всеобъемлющим философским системам, стремящимся свести все к одному основополагающему принципу. Постмодернизм делает акцент не на единстве, а на различии, несводимости и несоизмеримости.